

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

МАТЕРИАЛЫ

VI Международной научной конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения
академика В. П. Бузескула

10–11 октября 2008 года

Харьков
ООО «НТМТ»
2008

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник С. Э. Кулинич

ФОНД
ОЛЕКСАНДРА
ФЕЛЬДМАНА

Харьковское областное историко-археологическое общество выражает благодарность фонду «Фонд Александра Фельдмана» за тесное и плодотворное сотрудничество в рамках программы «Слобожанская Клио», финансовую поддержку, оказанную экспедициям харьковских археологов в проведении полевого сезона 2008 года, и помощь в издании настоящего сборника.

П78 Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула (Харьков, 10–11 октября 2008 г.). — Харьков: ООО «НТМТ», 2008. — 104 с.

ISBN

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

**Матеріали VI Міжнародної наукової конференції,
присвяченої 150-річчю з дня народження академика В. П. Бузескула**

10–11 жовтня 2008 року

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *І. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 20.09.2008. Формат 60×84/8. Папір офсетний.

Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 12,09. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

ISBN

© Коллектив авторов, 2008

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне товариство

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

МАТЕРІАЛИ

VI Міжнародної наукової конференції,
присвяченої 150-річчю з дня народження
академіка В. П. Бузескула

10–11 жовтня 2008 року

Харків
ТОВ «НТМТ»
2008

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Е. Кулинич*

ФОНД
ОЛЕКСАНДРА
ФЕЛЬДМАНА

Харківське обласне історико-археологічне товариство висловлює подяку фонду «Фонд Олександра Фельдмана» за тісне і плідне співробітництво в межах програми «Слобожанська Клію», фінансову підтримку, надану експедиціям харківських археологів у проведенні польового сезону 2008 року, й допомогу у виданні цієї збірки.

П78 Проблеми історії та археології України: Матеріали VI Міжнародної наукової конференції, присвяченої 150-річчю з дня народження академіка В. П. Бузескула (Харків, 10–11 жовтня 2008 р.). — Харків: ТОВ «НТМТ», 2008. — 104 с.

ISBN

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали VI Міжнародної наукової конференції,
присвяченої 150-річчю з дня народження академіка В. П. Бузескула

10–11 жовтня 2008 року

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *І. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 20.09.2008. Формат 60×84/8. Папір офсетний.

Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 12,09. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

ISBN

© Колектив авторів, 2008

ПРОГРАММА
VI Международной научной конференции
«Проблемы истории и археологии Украины»,
посвященной 150-летию со дня рождения
академика В. П. Бузескула
10–11 октября 2008 года

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

Белова Людмила Александровна — доктор социологических наук, профессор, начальник Главного управления образования и науки Харьковской областной государственной администрации

Бакиров Виль Савбанович — доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

ЗАМЕСТИТЕЛИ СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ:

Дьячков Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, директор Харьковского университетского лицея

Посохов Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Цитковская Юлия Ивановна — заведующая лабораторией методических исследований Харьковского университетского лицея

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Аксенов Виктор Степанович — кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Харьковского исторического музея

Берестнев Сергей Илларионович — кандидат исторических наук, доцент Харьковской государственной академии физической культуры

Буйнов Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Кадеев Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Колода Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий археологической лабораторией Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды

Куделко Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, профессор, директор Центра краеведения Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Мартемьянов Алексей Павлович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Скирда Валерий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, директор Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Сергеев Иван Павлович — доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Сорочан Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Шрамко Ирина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, директор ДП ОАСУ НИЦ «Слобожанская археологическая служба»

Календарь работы конференции

10 октября, пятница

- 8⁰⁰–11⁰⁰ — Регистрация участников конференции
11⁰⁰–12⁰⁰ — Общее собрание членов ХИАО.
12⁰⁰–12³⁰ — Перерыв на обед.
12³⁰–14⁰⁰ — Пленарное заседание.
15⁰⁰–18⁰⁰ — Работа секций.

11 октября, суббота

- 9³⁰–13⁰⁰ — Работа секций.
11⁰⁰–11³⁰ — Кофе-брейк.
13⁰⁰–14⁰⁰ — Перерыв на обед.
14⁰⁰–15⁰⁰ — Пленарное заседание.
15³⁰ — Презентация результатов археологического полевого сезона 2008 г.

Регламент работы конференции

На пленарном заседании: доклад — 20 минут
выступление — 10 минут

На заседании секции: доклад — 15 минут
выступление — 5 минут

Рабочие языки конференции

- украинский;
- русский.

Конференция проводится:

Исторический факультет, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, площадь Свободы, 4, г. Харьков. Телефон 707-51-66 (деканат факультета)

10 ОКТЯБРЯ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

членов Харьковского историко-археологического общества

11⁰⁰–12⁰⁰

1. Отчет Правления ХИАО о работе в 2006–2008 гг.
2. Выборы Правления ХИАО.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

12³⁰–14⁰⁰

1. Вступительное слово ректора Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина проф. **В. С. Бакирова**.
2. Приветственное слово участникам конференции сопредседателя правления ХИАО, декана исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина проф. **С. И. Посохова**.
3. **Тункина И. В. (Санкт-Петербург)**. «...Плод 50-летнего труда» (к переизданию последней монографии В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века»)
4. **Голубева И. В. (Харьков)**. Новые археологические исследования в историческом центре Харькова.
5. **Сорочан С. Б. (Харьков)**. 30 лет кафедре истории древнего мира и средних веков Харьковского университета.

10–11 ОКТЯБРЯ — РАБОТА СЕКЦИЙ

Секция: КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Руководители секции: А. Д. Пряхин,
С. И. Берестнев,
Секретарь секции: И. А. Снижко

- Берестнев С. И.** (Харьков). Мифология и культовая архитектура (к проблеме происхождения курганов).
- Бровендер Ю. М.** (Алчевск). О характере и масштабах производственной деятельности на Картамышском горно-металлургическом комплексе эпохи бронзы.
- Буйнов Ю. В.** (Харьков). Межэтнические коммуникации бондарихинских племен.
- Завгородняя О. А.** (Алчевск). Каменные орудия труда поселения Червонэ озеро—1 Картамышского археологического микрорайона из раскопок 2007 г. (по данным трасологических исследований).
- Кислий О. Є.** (Симферополь). Археологічні джерела періоду впровадження відтворюючого господарства і дослідження гендерних відносин у суспільстві.
- Ключева И. Н., Корниевский Д. В.** (Луганск). Катакомбные погребения с трепанированными черепами с. Новозвановка Попаснянского района Луганской обл.
- Куштан Д. П.** (Черкассы). Малобудковско-бондарихинская керамика с поселений эпохи поздней бронзы Черкасского Поднепровья.
- Литвиненко Р. О.** (Донецьк). Інгульська катакомбна спадщина: дві лінії розвитку.
- Пряхин А. Д.** (Воронеж). Проблематика эпохи бронзы Доно-Донецкого региона на современном этапе изучения в российской и украинской археологии.
- Ромашко В. А., Тесленко Д. Л.** (Днепропетровск). Квитянский комплекс поселения Лобойковка 1.
- Сніжко І. А.** (Харків). Матеріали М. В. Сибільова в фондах Харківського історичного музею.
- Стратонова А. О.** (Одеса). Пізній мезоліт Північно-Західного Причорномор'я: проблема дослідження взаємозв'язку людини і моря.

Секция: РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Руководители секции: А. П. Медведев,
З. Х. Попандопуло,
Секретарь секции: Л. И. Бабенко

- Бабенко Л. І.** (Харків). Курганний могильник V ст. до н. е. біля с. Протопопівка Дергачівського району на Харківщині.
- Белоусов В. В.** (Воронеж). Вооружение и военное дело сарматов: историография вопроса и перспективы регионального подхода его изучения.
- Бойко Ю. Н.** (Винница). О функциональном назначении некоторых майданообразных сооружений украинской Лесостепи.
- Вальчак С. Б.** (Москва). Состав комплексов с наборами тягловой упряжи, появление и исчезновение предскифских колесниц.
- Ворошилов А. Н.** (Воронеж). О появлении ранних скифов в лесостепном Подонье.
- Гавриш П. Я.** (Полтава). Топографія оборонних споруд Більського городища.
- Гречко Д. С.** (Киев). Металлические булавки Днепро-Донской Лесостепи скифского времени.
- Задніков С. А.** (Харків). Антична кераміка другої половини VII ст. до н. е. з розкопок на Більському городищі.
- Каравайко Д. В., Кирилюк О. П.** (Киев). О рыболовстве у населения юхновской культуры.
- Кашуба М. Т.** (Кишинэу). О восточных (северопричерноморских) памятниках и импортах культурного комплекса Басарабь, VIII—начало VII вв. до н. э.
- Лобко А. Г., Снытко И. А.** (Николаев). Поминальная площадка II века до н. э. на восточной окраине г. Николаев.

- Медведев А. П. (Воронеж). Золотой орел из сарматского погребения у г. Липецка.
Мирошникова О. М. (Воронеж). Сосуды из погребений предскифского периода лесостепного Подонья.
Могилов А. Д. (Киев). О дополнительных средствах управления конем в скифское время.
Пеляшенко К. Ю. (Харьков). Лепная посуда скифского времени из погребений Днепровской Левобережной Лесостепи.
Попандопуло Э. Х. (Запорожье). Грунтовый могильник эпохи раннего железа из Нижнего Поднепровья.

Секция: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Руководители секции: В. М. Зубарь,
С. Ю. Сапрыкин,
Секретарь секции: О. А. Ручинская

- Буйских С. Б. (Киев). Греческая колониальная хора в Нижнем Побужье.
Былова В. П. (Херсон). Находки монет на Белозерском поселении дальней хоры Ольвии.
Зубарь В. М. (Киев). Исследователи Херсонеса: В. В. Борисова.
Капустина Е. П. (Воронеж). Боспорская керамика с зооморфными ручками: определение и интерпретация образов животных.
Колесников К. Н. (Дніпропетровськ). Митні відносини в Північному Причорномор'ї римської доби: складності моделювання.
Курганская Е. Ю. (Николаев). Современные проблемы и перспективы охраны памятников сельской округи Ольвии.
Немцев С. О. (Херсон). Статистико-комбинаторный анализ как основа типологии и хронологии амфор Гераклеи Понтийской.
Новичихин А. М. (Анапа). Херсонесский керамический импорт на хоре Горгииппии.
Ручинская О. А. (Харьков). Благотворительность и литургии в античных городах Северного Причерноморья.
Рябцева М. Л. (Белгород). К вопросу о варваризации социальной сферы позднеантичного Боспора.
Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф. (Москва). Новая надпись царицы Пифодориды из Пантикапея.
Селиванова Л. Л. (Москва). Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки?
Снытко И. А., Николаев Н. И. (Николаев). О культе Аполлона на хоре Ольвии.
Строков А. А. (Воронеж). Пряжки гуннской эпохи в некрополе Фанагории.
Хромова В. О. (Одеса). Комплекс сіроглиняної гончарної кераміки нижнього Подністров'я VI—IV ст. до н. е. — загальний огляд.
Шепко Л. Г. (Донецк). Терракотовая фигура с мечом из Заветного.

Секция: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

Руководители секции: С. Г. Карпюк,
И. П. Сергеев,
Секретарь секции: С. Д. Литовченко

- Акимов А. Б. (Харьков). Об участии ветеранов в формировании муниципальной администрации римской Дакии.
Бандровський О. Г. (Львів). Зміна пріоритетів, принципів та методів зовнішньої політики Римської політики в добу правління Октавіана Августа (латино- та грекомовна історична традиції)
Беликов А. П. (Ставрополь). Иллирийские войны Октавиана и их отдалённые последствия
Дементьева В. В. (Ярославль). QUAESTORES PARRICIDII архаического Рима: время возникновения должности.
Дробилко Т. А. (Харьков). Влияние греческих и восточных традиций на кулинарные и застольные обычаи римлян в III—I вв. до н. э.

- Зелинский А. Л.** (Киев). *Terminus postquem* для восстания Александра Коринфского.
- Ильина О. М.** (Харьков). Культ Великой Матери богов Кибелы в ионийских полисах Западного Понта в римский период.
- Казаров С. С.** (Ростов-на-Дону). Захват кампанцами Регия (об одном малоизвестном эпизоде времен Пирровой войны).
- Карпюк С. Г.** (Москва). Афинские писцы.
- Квашнин В. А.** (Вологда). К вопросу о характере «средней» Республики в Древнем Риме.
- Конорева О. М.** (Белгород). К вопросу о некоторых женских культах и праздниках в Древнем Риме.
- Кулишова О. В.** (Санкт-Петербург). Проблема происхождения древнегреческого театра в современной историографии.
- Литовченко Е. В.** (Белгород). Особенности статусной и этнической самоидентификации позднеимперских интеллектуалов.
- Литовченко С. Д.** (Харьков). Великая Армения во время третьей войны Рима с Митридатом VI.
- Монева С.** (Велико Тырново, Болгария). Ареопаг и афинская демократия.
- Нефедов К. Ю.** (Харьков). О зарождении культа правителя в Македонии: Филипп II и Геракл.
- Пантелеев А. Д.** (Санкт-Петербург). Христиане и римские мимы.
- Петреченко О. М.** (Дрогобич). Принципат та інститут римського громадянства.
- Сергеев И. П.** (Харьков). Представления императоров Галлиена и Аврелиана о путях вывода Римской империи из политического кризиса: опыт сравнительной характеристики.
- Симонян В. Р.** (Ставрополь). Внешняя торговля Италии во II в. до н. э.
- Токарев А. Н.** (Харьков). Политика Октавиана в 44 г. до н. э. и образ «нового Цезаря».
- Филиппов А. М.** (Харьков). Гегемонизм и антиспартанская оппозиция в Древней Греции в 395–386 гг. до н. э.
- Чередниченко А. Г.** (Белгород). К проблеме балтийско-палеобалканских этнических связей.

Секция: ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В УНИВЕРСИТЕТАХ УКРАИНЫ И РОССИИ (XIX—первая треть XX вв.)

Руководители секции: **И. В. Тункина,**
В. В. Ставнюк,
Секретарь секции: **А. Н. Домановский**

- Болгов Н. Н., Сбитнева Ю. Н.** (Белгород). Н. П. Кондаков как университетский преподаватель.
- Гринь А. Л.** (Одесса). Псевдоисторические документы последних десятилетий и вопросы раннего христианства.
- Домановский А. Н.** (Харьков). Отечественная византистика и славяноведение в историографическом наследии В. П. Бузескула (по малоизвестным архивным материалам).
- Домановська М. Є.** (Харків). П. В. Безобразов як рецензент (до 90-річчя з дня смерті).
- Кравченко И. С.** (Харьков). О вкладе И. В. Нетушила в изучение истории раннего Рима.
- Ляпустина Е. В.** (Москва). О работе над проектом «Разработка и создание компьютерной базы данных «Публикации журнала «Вестник древней истории» за 70 лет»».
- Мартемьянова Н. С., Мартемьянов А. П.** (Харьков). Практические занятия по изучению древних языков и истории Древнего мира как элемент профессиональной подготовки студентов Харьковского университета в конце XIX—начале XX вв.
- Самойленко О. Г.** (Ніжин). Вивчення античної та середньовічної історії в Ніжинському історико-філологічному інституті (остання чверть XIX—початок XX ст.).
- Ставнюк В. В.** (Київ). Дослідження історії стародавнього світу в Київському національному університеті імені Т. Г. Шевченка: стан і перспективи.
- Тункина И. В.** (Санкт-Петербург). «...Плод 50-летнего научного труда» (к переизданию последней монографии В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века»).
- Чередниченко А. М.** (Київ). Неопублікована стаття В. П. Бузескула.

Секция: СЛАВЯНЕ И КОЧЕВНИКИ

Руководители секции: **В. В. Колода,**
В. С. Аксенов,
Секретарь секции: **К. В. Мызгин**

- Аксенов В. С.** (Харьков). Личные украшения как показатель этнокультурных контактов салтовского населения бассейна Северского Донца (на материалах Нетайловского грунтового могильника).
- Голубева И. В.** (Харьков). Новые археологические исследования в историческом центре Харькова.
- Грибовський В. В.** (Дніпропетровськ). Землеробство у господарській системі причорноморських ногайців XVI—XVIII століть.
- Зиньковская И. В.** (Воронеж). Керамический комплекс раннегуннского времени Животинного городища.
- Івакин В. Г.** (Київ). Дружинні поховальні старожитності Києва кінця IX—X ст.: спроба релігійної інтерпретації.
- Квитковский В. И.** (Харьков). Отопительные устройства жилищ салтовской лесостепи (по материалам Северского Донца).
- Колода В. В.** (Харьков). Археологический комплекс Коробовы Хутора: основные итоги исследования.
- Костоправов Р. О.** (Владимир). Кочевые народы в истории Северо-восточной Руси в домонгольский период (по материалам топонимики и народных преданий).
- Крыганов А. В.** (Харьков). Классификация фортификационных пунктов предсалтовской и салтовской культур.
- Мызгин К. В.** (Харьков). Находки «варварских» подражаний римским монетам на территории украинской лесостепи и Молдовы.
- Скірда В. В., Скірда І. М.** (Харків). Спроби етнічного визначення археологічного матеріалу на XII АЗ.
- Тараненко С. П.** (Київ). Основні типи споруд масової забудови Подолу Києва X—першій половині XIII ст.
- Хоружая М. В.** (Харьков). «Рогатые» пряжки салтовского населения бассейна Северского Донца.
- Шрамко І. Б.** (Харків). Нове поселення XIV століття в басейні Сіверського Дінця.
- Шульцте Э., Любичев М. В.** (Берлин, Харьков). Керамика черняховской культуры из участка «В» поселения Войтенки 1 (по раскопкам 2004—2006 годов).

Секция: ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Руководители секции: **Н. Н. Болгов,**
С. Б. Сорочан,
Секретарь секции: **М. В. Фомин**

- Алексеевко Н. А.** (Севастополь). Новые императорские моливдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров).
- Бардола К. Ю.** (Харьков). Фискальная и регулирующие функции византийского налогообложения.
- Дьячков С. В.** (Харьков). Площадка для метательной машины генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)
- Кузь А. І.** (Чернівці). Італійські найманці на службі в Тані (1431—1433 рр.).
- Майко В. В.** (Симферополь). Археологическое изучение посада раннесредневековой Сугден.
- Мудеревич В. І.** (Чернівці). Хрестоносний рух на Близький Схід в згадках давньоруських літописів.
- Назарова Т. А.** (Київ). Антропологический состав населения средневекового Херсона.
- Смирницких Т. В., Болгов Н. Н., Будаева Н. С.** (Белгород). Проституция как ранневизантийский феномен.
- Сорочан С. Б.** (Харьков). О результатах работ экспедиции Харьковского университета в «цитадели» Херсонеса в 1996—2007 гг.
- Фомин М. В.** (Харьков). О происхождении Афонского погребального обряда.
- Чореф М. М.** (Бахчисарай). К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в.

Секция: ИСТОРИЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА И СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

Руководители секции: **А. Д. Каплин,**
С. М. Куделко,
Секретарь секции: **Е. В. Дьякова**

Боброва М. И., Каплин А. Д. (Харьков). Е. И. Станевич и Слобожанщина.

Гавриш Р. Л. (Полтава). Земське самоврядування і розвиток шкільництва на Слобожанщині.

Гирич Я. М. (Київ). Містобудування та урбанізація Харкова в 50–60-х рр. XX століття.

Дьякова О. В. (Харків). Зміни у топонімії Харкова під час гітлерівської окупації.

Желтобородов А. Н. (Харьков). О формировании офицерского корпуса Слободских гусарских полков в 1765–1766 гг.

Каковкина О. Н. (Днепропетровск). Родина большая и малая графини П. С. Уваровой.

Козак О. В., Куделко С. М. (Харьков). Дом академика В. П. Бузескула в Харькове.

Мищук С. М. (Житомир). Внесок вчених Харкова у дослідження рукописно-книжкових пам'яток України наприкінці XIX—на початку XX ст.

Рахимов Р. Н. (Уфа). Закамская ландмилиция (1731–1771 гг.).

Скиданова А. В. (Харків). Від системи відкупів до казенної монополії: розвиток торгівлі спиртними напоями у Харківській губернії у XIX ст.

Склокін В. В. (Харків). Соціальні перетворення в містах Слобідської України (80–90-ті рр. XVIII ст.).

Цубенко В. Л. (Одеса). До питання про майнове розшарування військових поселенців Українського (Харківського) військового поселення кавалерії (1817–1857).

11 октября

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

14⁰⁰–15⁰⁰

1. Отчет руководителей секций.

Подведение итогов работы секций.

15³⁰

Презентация результатов археологического полевого сезона 2008 г.

КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

С. В. Берестнев (Харьков)

МИФОЛОГИЯ И КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА (к проблеме происхождения курганов)

1. В архаических обществах для проведения обрядово-магических действий, направленных на установление контактов с миром потусторонним, обычно выбирались места, выделявшиеся в привычной природной обстановке — рельефные возвышенности, одиноко растущие большие деревья, скопления камней и т. п. В мифопоэтическом восприятии подобные неординарные природные объекты населялись духами, таинственными силами, наделялись магическими свойствами, то есть приобретали особую сакральную значимость как каналы «коммуникации» с миром сверхъестественного.

2. Сопричастность людей к организации сакрально выделенного пространства заключалась в его преднамеренном «окультурировании», в привнесении искусственных элементов — дополнительных деталей ландшафта, подчеркивании существовавших особенностей, выделении в цвете или в рельефе. Основными элементами обозначения сакрального пространства были его оконтуривание, выделение в визуальном восприятии (возвышением или углублением, необычным материалом, цветовым колоритом), разведение огня или размещение продуктов горения. Огню, в силу его необъяснимой природы и чрезвычайных свойств, отводилась исключительная роль в общении с потусторонним. Выступая в качестве «созворца» или искусственно создавая сакральное пространство, человек устанавливал прямую связь с «нечеловеческим» в природе.

3. Отправной точкой космогонических мифов, лежащих в основе любой мифологии, является повествование о сотворении Вселенной. В наиболее архаичных пластах мифологии прослеживается прямая сопряженность акта первотворения с образом Горы. В древнейшем аккадском эпосе бог Мардук, победивший праматерь всего сущего Тиамат, рассек ее тело на части и из них сотворил Небо и Землю, а над отрубленной головой насыпал гору, как бы соединявшую части вселенной в единое целое. Сходные сюжеты с основополагающим образом горы в процессе миротворения имеются в древнешумерской и древнеиндийской мифологиях. Таким образом, Гора (или семантически близкие холм, возвышенность) лежала в основе творения и содержала будущую жизнь как зародыш. По представлениям жителей древней Месопотамии священная гора отмечала центр мироздания. У многих народов мира горы сакрализованы и являются местами проведения культовых действий.

4. Позднее образ Горы переосмысливается в соотношении с Землей как всепорождающим началом, в которое все, в конечном итоге, возвращается. Истоки культа Земли, как Великой Матери, связываются с Малой Азией, где она с глубокой древности под разными именами почиталась как покровительница горных местностей и животного мира. Сама Земля наделялась антропоморфным содержанием и представлялась матерью всего сущего. От брака с Небом она произвела различные злаки, а Гора родила времена года, чтобы растения могли расти и созревать. Образ Горы приобретает характер символа «беременной» Земли, чреватой будущей жизнью.

5. В мифопоэтической ментальности порядок вещей нельзя изменить, его можно только воссоздать заново, путем возвращения к истокам, которые мыслились как невероятное извержение энергии и блага, сопровождавшие сотворение мира. Воспроизведение в ритуале события первотворения обеспечивало возвращение к истокам и гарантировало грядущее обновление. В циклическом восприятии действительности периодическое моделирование исходного мифологического сюжета гарантировало неизбежность мироздания и благосклонность высших сил.

6. Есть все основания полагать, что появление курганов не было прямо связано с экономической или социальной дифференциацией общества. Продолжительный по времени и достаточно трудоемкий процесс создания конической или полусферической грунтовой (каменно-грунтовой) насыпи имел целью символическое воссоздание акта первотворения и превращение избранного участка во временный сакральный центр вселенной. Нередко этому предшествовали меры по искусственной сакрализации площадки — ее оконтуривание (ровик, кромлех), выделение в рельефе (понижением или возвышением), возжигание огня или размещение принесенных со стороны продуктов горения. Возведение насыпи, иногда имевшее характер многоактового ритуального действия, завершало процесс магического моделирования акта первотворения и превращало курган в культовый объект. Наличие в пределах открытого святилища погребений людей правомерно рассматривать в контексте жертвоприношения (символического или реального), способствовавшего установлению непосредственного контакта с потусторонним.

О ХАРАКТЕРЕ И МАСШТАБАХ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА КАРТАМЫШСКОМ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В последнее время, в связи с масштабными раскопками памятников производственной деятельности эпохи бронзы на Картамышском рудопроявлении, в научную литературу прочно вошло понятие «Картамышский археологический микрорайон». Он расположен в северо-восточном замыкании Бахмутской котловины — обширной синклинали структуры Донбасса. Памятники этого уникального по своему характеру и масштабам производственной деятельности микрорайона, локализующиеся на площади 0,4 кв. км, представлены горными выработками, обширным техногенным участком и двумя поселениями, функционирование которых, судя по характеру выявленного здесь материала, связано с населением бережновско-маевской срубной культуры, преимущественно ее первым периодом, представленным степановским типом памятников.

Даже при визуальном осмотре следов древних горных работ поражают их масштабы. В пределах меднорудной гряды, протянувшейся с запада на восток на расстояние 1 км, расположены три карьера общей площадью более 15 000 кв. м. Их разработка стала возможной благодаря выходу на поверхность окисленных медных руд, представленных малахитом и азуритом. По предварительным подсчетам общий объем выбранной из карьеров горной массы составил около 43,5 тыс. куб. м. Если допустить, что содержание меди составляет 5 % (в богатых окисных рудах ее содержание достигает 10–15 %), то, соответственно, из медной руды, добытой в карьерах Картамыша, было получено порядка 2 тыс. тонн меди.

Добыча медных руд подземным способом, следы которой в виде воронковидных западин диаметром от 2 до 8 м выразительно фиксируются на меднорудной гривке рудника Червонэ озеро–IV, была ориентирована на получение первичных медных руд (халькозина), содержание меди в которых составляет 72–80 %. Учитывая, что зона окисления составляет около 20 м, наиболее рациональным способом их добычи являлся именно подземный способ. Подсчитать объем добытого наиболее богатого медью минерала (халькозина) не представляется возможным, поскольку археологически и инженерно-геологически древние подземные горные выработки не исследованы. Однако, высокое содержание меди в первичных рудах убеждает в получении из них значительного количества металла, возможно, не

уступающего в объеме металлу, полученному из руды, добытой в масштабных по площади карьерах.

Расположенный вблизи карьера рудника Червонэ озеро I и рудника Червонэ озеро IV техногенный участок, отличающийся наличием здесь мощного слоя техногенного песка перетертого медистого песчаника, достигающего в некоторых местах более 1 м, а также орудий горно-обогажительного цикла (рудодробильные и рудотерочные плиты — платформы, рудодробильные и рудотерочные камни) свидетельствуют о специализации данного участка. Значительную коллекцию представляют здесь и орудия горнодобывающего цикла (мотыги, кайла, молоты, отбойники). Свидетельства металлургического цикла здесь незначительны.

На поселении Червонэ озеро–1, расположенном на участке, непосредственно примыкающем к южному и юго-западному борту породного отвала рудника Червонэ озеро I, орудия горного и горно-обогажительного циклов, также являются доминирующими. Следы металлургии и металлообработки здесь редки, представлены единичными находками ошлакованной керамики и песчаника, обломком литейной формы и небольшой коллекцией абразивов.

На поселении Червонэ озеро–3, находящемся в 300 м на юго-восток от рудников Червонэ озеро I и Червонэ озеро IV, ситуация несколько иная. При наличии орудий горного и горно-обогажительного циклов, массовыми становятся свидетельства металлургического и металлообрабатывающего циклов. Однако их количество едва превышает свидетельства предшествующих циклов металлопроизводства.

Общий анализ свидетельств производственной деятельности памятников Картамышского археологического указывает, прежде всего, на их специализацию по добыче и обогащению медной руды. Объем добытой руды не мог быть переработан древними металлургами Картамыша. Уже сейчас не вызывает сомнений, что обогащенная медная руда (концентрат) транспортировалась на территории, богатые лесом (например, р. Северский Донец), где функционировали специализированные поселения металлургов типа Усово озера, являющиеся основными потребителями меднорудного концентрата. Свидетельства металлургии и металлообработки, найденные на Картамыше, указывают лишь на производство металлических изделий, ориентированных на внутреннее потребление.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ БОНДАРИХИНСКИХ ПЛЕМЕН

Согласно современным данным, ареал бондарихинской культуры охватывал огромные пространства лесостепной зоны между Днестром и Доном, а также Окско-Донское междуречье. Эта территория не была изолирована от многочисленных соседей, с которыми

бондарихинские племена наладили обмен материальными и духовными продуктами их деятельности, осуществляемой в различных формах. Археологически наиболее ярко фиксируются межличностные отношения представителей разных этнокультурных

образований, происходящих в семейно-бытовой и трудовой сферах общения.

Методом картографирования удастся выделить как минимум четыре региона, в которых наиболее активно происходили этнокоммуникационные процессы. Первый из них включал Среднее Поднепровье с низовьями Псла, Ворсклы и Орели. В настоящее время поселения с синкретическими бондарихинско-белогрудовско-чернолесскими керамическими комплексами известны по обоим берегам Днестра и его левым притокам. В районе древних днепровских переправ обнаружено значительное количество металлургических изделий позднечернолесской культуры. Раннечернолесские поселения и грунтовые могильники открыты на р. Орель, а чернолесское влияние ощущается на территории всей Левобережной Украины. Все это указывает на инфильтрацию части чернолесского населения в бондарихинскую среду. Результатом взаимодействия носителей этих культур явилось появление на бондарихинских памятниках образцов посуды столового назначения белогрудовско-чернолесского и раннеголиградского облика, а также кухонных горшков со сквозными проколами в сочетании с налепным валиком. В этом же регионе были налажены тесные контакты бондарихинцев с племенами белозерской культуры, которые продвинулись по Приднепровской террасовой низменности до современной Полтавской области. Именно здесь известны впускные подкурганские погребения, совершенные по белозерским традициям, но с бондарихинскими сосудами. Примечательно, что керамика бондарихинского типа встречается на некоторых белозерских поселениях в Нижнем Поднепровье (Игрень–Подкова, Верхняя Тарасовка). Сфера общения в данном случае может быть реконструирована как семейно-бытовая, включающая эндогамные браки и деловые отношения.

О. Н. Завгородняя (Алчевск)

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРВОНЭ ОЗЕРО–1 КАРТАМЫШСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА, ИЗ РАСКОПОК 2007 г. (по данным трасологических исследований)

Одним из составляющих комплекс памятников Картамышского археологического микрорайона эпохи поздней бронзы является поселение Червонэ озеро–1. Памятник выявлен в 1996 г. совместной украинско-российской экспедицией на участке, примыкающем к южному склону породного отвала карьера рудника Червонэ озеро I. В 2007 г. Центрально-Донецкой экспедицией Института археологии НАН Украины были начаты его исследования. Вскрытая раскопками площадь составила 192 м².

На исследованном участке выявлен достаточно выразительный материал, функционально связанный с производственной деятельностью. Коллекция каменных орудий насчитывает 53 изделия. Все они подверглись трасологическому изучению с использованием микроскопа МБС–10. В качестве сырья для изготовления орудий из камня использовались по-

Второй регион охватывал бассейны рек Сула и Сейм. Это была контактная зона с носителями лебедовской культуры. Бондарихинские племена имеют с ними поразительное сходство в домостроении, погребальном обряде и материальной культуре, что позволяет поставить вопрос о выделении бондарихинско-лебедовской культурно-исторической общности, возникшей в результате интеграции двух родственных в этнолингвистическом отношении культур.

Третий регион фиксируется в Среднем Подонье. Судя по находкам кухонных горшков с налепными валиками, сосудов с хорошо выраженным уступом на боку, кубков с особой орнаментацией, каменных грузил, литейных форм и некоторых бронзовых изделий, бондарихинские племена имели здесь тесные семейно-бытовые и трудовые межличностные отношения с населением белозерской и кобяковской культур. Такие же контакты отмечены и на дюне Терешковский Вал в Среднем Подонье.

Четвертый регион занимает самую восточную часть бондарихинского ареала в Окско-Донском междуречье. Материалы раскопок поселений Большой Лес–2, Тюков Городок, Северный Мыс Старой Рязани, Климентовская стоянка и др. демонстрируют сложение синкретического керамического комплекса, объединяющего бондарихинские и раннетекстильные традиции. Через эту окраину осуществлялись связи и с племенами маклашевской культуры Поволжья, в результате чего сформировалась особая студенокская группа памятников.

Результаты взаимодействия всех этих этносов относятся к варианту прибавления, когда бондарихинские племена усваивали некоторые достижения других культур. В свою очередь отмеченные этнокоммуникационные процессы можно связать с эволюционными разновидностями, при которых изменения отдельных характеристик этноса не ведут к перемене этнического самосознания.

роды местного происхождения — медистый и кварцитовидный песчаник. Представлены они тремя функциональными группами, соответствующими конкретному производственному циклу, включая горнодобывающий, горно-обогащительный и металлообрабатывающий.

Горнодобывающие орудия (4 экз.) представлены мотыгой, кайлом, а также двумя молотами. Мотыга весом 1 кг, изготовлена из коричневого кварцитовидного песчаника, трапециевидной формы. Микрокартина износа рабочей поверхностью характеризуется двусторонним ее изнашиванием, выраженным заполированностью и заглаженностью выступающих участков. На орудии четко прослеживаются изготовленные пикетажем желобки для ремней крепления и уплощенная опорная площадка, что указывает на использование орудия в рукояти.

Ручное кайло весом 2 кг, изготовлено из крупнозернистого кварцитовидного песчаника, имеет уплощенно-клиновидную форму с узким окончанием лезвия. На заостренной рабочей поверхности фиксируются многочисленные крупные сколы. Кромка лезвия забита, боковые грани характеризуются сглаженностью выступающих участков, а также частичной заполированностью.

Молоты весом 2,2–2,9 кг, изготовлены из серого кварцитовидного песчаника, трапециевидной формы. Орудия имеют уплощенную широкую рабочую поверхность. Микрокартина износа выражается в глубокой забитости рабочих плоскостей, свойственной орудиям ударного воздействия о твердый материал.

Наиболее многочисленной является группа горнообогатительных орудий (32 экз.). Рудодробильные /рудотерочные плиты-платформы (4 экз.) представляют собой массивные песчанниковые плиты трапециевидной или сегментовидной формы с характерными лунковидными углублениями на рабочей поверхности. Микрокартина изнашивания рабочих поверхностей указывает на сочетание ударных и терочных операций в ходе дробления медной руды, что выражается в забитости, а также наличии рельефных линий различных направлений и пришлифовки.

Рудодробильные и рудотерочные камни-песты (28 экз.) представлены изделиями различной формы, имеющими четкую ограниченность рабочих поверхностей. В своем большинстве они изготовлены из медистого песчаника. Микрокартина сработанности харак-

теризуется мелкой сбитостью и сглаженностью выступающих участков, наличием линейных следов в виде бороздок в результате растирания руды.

Среди группы металлообрабатывающих орудий выделяется функциональный тип каменных абразивов (13 экз.). Для их изготовления использовались, как правило, плитки песчаника различной формы толщиной 1,5–3 см. Характерной особенностью орудий является наличие одной или двух противоположных рабочих поверхностей, на которых фиксируются следы пришлифовки, выраженные желобчатым макрорельефом.

Особого внимания среди функционально не определенных изделий заслуживает группа так называемых каменных дисков (4 экз.), представленных плитками песчаника подокруглой формы. Диаметр изделий от 4 до 7,5 см. В настоящее время функциональное определение каменных дисков затруднительно, но их присутствие в материалах памятников Картамышского археологического микрорайона, а также поселений БМСК, связанных с производственной деятельностью, дает основание предполагать их связь с металлопроизводством.

В целом, следует отметить функциональную и типологическую устойчивость каменного инструментария, происходящего с памятников Картамышского археологического микрорайона (техногенного участка рудника Червонэ озеро I, поселения Червонэ озеро–3, поселения Червонэ озеро–1), что отражает общие для них производственные традиции.

О. Є. Кислий (Симферополь)

АРХЕОЛОГІЧНІ ДЖЕРЕЛА ПЕРІОДУ ВПРОВАДЖЕННЯ ВІДТВОРЮЮЧОГО ГОСПОДАРСТВА І ДОСЛІДЖЕННЯ ГЕНДЕРНИХ ВІДНОСИН У СУСПІЛЬСТВІ

I. Тема гендерних відносин на різних етапах розвитку суспільства сьогодні стала надзвичайно актуальною. Головна причина того — ті можливі трансформації суспільного розвитку, які потребують новітнього адміністрування у зв'язку з втратою глобального значення традиційних ресурсів у відтворенні життя. Так склалося, що представники різних дисциплін у своїх гендерних студіях послуговуються старою концепцією патріархальних відносин. Археологічні джерела могли б надати додаткову інформацію з приводу гендерних відносин, якщо бути до джерел уважними.

II. Найперше, в дослідженнях з теми, що запропонована, можуть бути використані археологічні (антропологічні) палеодемографічні джерела з території Північного Причорномор'я (ямна, катакомбна, зрубна культури, культура багатопружкової кераміки). Вони свідчать, що за впровадження відтворюючого господарства середня тривалість життя населення падає. Подібні дані були отримані давно фактично з усіх регіонів ойкумени, проте осмислені з точки зору системного історико-демографічного розвитку порівняно недавно. Найбільш усталеною була думка, що в селищах первісних землеробів населення скупчувалося і вмирало з епідеміологічних причин.

Між тим, явищу є два пояснення. Перше — демо-економічне. Відтворююче господарювання — це не чудовий революціонізуючий винахід, як вважається в прогресистській історичній школі, а жорстка необхідність, що продовжує видозмінювати відносини суспільство-природа, що потребує нових, невластивих природі якостей відтворення життя і нових історичних якостей народонаселення. У новому народонаселенні в більшій мірі зростає жіноча смертність, себто тієї його частини, яка виявляється в соціальному сенсі менш задіяною у нових відносинах. Важлива суть — потрібним в демоекономічному сенсі стає суспільство з переважальною чисельністю чоловіків, це нова його якість, без якої неможливий був подальший розвиток. Друге пояснення виходить з демостатистичних закономірностей. Нова якість населення (з сучасної точки зору — деструкції, маскулінізації), необхідність освоєння нових галузей господарювання за екстенсивної економіки потребували приросту населення. Як результат у порівнянні з попереднім періодом зростала частка немовлят та дітей наймолодшого віку. Вони й складають приріст у загальній чисельності населення, але в загальне число прожитих років дадуть в десятки разів менше, ніж люди літні, отже, тривалість життя населення буде падати. Значно вона підвищиться тільки

з повним закінченням революції відтворюючого господарства, при переході до торгово-грошових відносин, при фундації державності. Тоді будуть в певній мірі відрегульовані гендерні відносини, жінку можна буде продати, бо «виробництво» (демовідтворення) жінок (і літніх людей) буде поціноване.

Чи значить це, що в умовах розвиненої «патріархальної демократії» чоловіки «процвітали», що це було патріархальне суспільство, яке можна приводити як приклад негативу у сучасних гендерних дослідженнях? Зовсім ні, бо у соціальному плані чоловіки були найбільш експлуатованими, значна їх частина навіть не мала права на сім'ю. Постає також питання у зв'язку з осмисленими археологічними даними — що дасть сучасна гендерна рівність, чи розуміють її прихильники суть історичного процесу? З цього приводу відсилаю читачів до опублікованих робіт.

И. Н. Ключева,

Д. В. Корниевский (Луганск)

КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ТРЕПАНИРОВАННЫМИ ЧЕРЕПАМИ с. НОВОЗВАНОВКА ПОПАСНЯНСКОГО района ЛУГАНСКОЙ обл.

Експедицией Луганского областного краеведческого музея в 2006 г. исследован курган эпохи бронзы у с. Новозвановка Попаснянского района Луганской области.

В кургане 1, курганный группы II, в его центральной части обнаружено два позднекатакомбных погребения, совершенные с использованием одной входной шахты. На черепах погребенных имеются следы операции по трепанации черепа.

Погребение 2. Пятно входной шахты зафиксировано в выкиде. В заполнении шахты на разных глубинах обнаружены отдельные кости человека: позвонки, бедренная кость, нижняя челюсть, черепная коробка, со следами механического воздействия в затылочной части (трепанация).

Погребальная камера овальной формы. Костяк плохой сохранности. Погребенный лежал на правом боку. Кости, обнаруженные в заполнении входной ямы, относятся к п. 2. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 3. В северной стенке входной шахты на уровне дна зафиксирован вход в погребальную камеру. В погребальной камере овальной формы, обнаружен костяк взрослого человека. Погребенный лежал на правом боку, черепом ориентирован на запад. На черепе погребенного зафиксировано небольшое сквозное отверстие — скорее всего, результат механического воздействия, однако, возможно это и наследственный признак. Края отверстия ровные. У западной стенки обнаружен реповидный сосуд.

Зафиксированные в насыпи два выкида относятся к катакомбным погребениям 2, 3. Погребения, вероятно, совершены с некоторым перерывом, о чем свидетельствует прослойка между выкидами мощностью около 25 см.

Следует заметить, что первые попытки медицинской помощи были зафиксированы на памятниках среднего палеолита. Древнейшая из известных науке нейрохирургическая операция с трепанацией черепа,

III. Соціальні потреби відтворення населення завжди знаходили відображення у мистецтві. Але не прямо. Мистецтво, наприклад, антропоморфних стел енеоліту-епохи бронзи також може надати цікавий матеріал з цього приводу. Його розвиток у часі коротко відображає: етап певної гендерної рівноваги (зображення чоловіків та жінок на стелах — тірітакські стели, Верхоріччя, можливо, Казанки), етап «патріархальної демократії», коли зображень окремо поданих чоловічих статевих органів не стидалися, бо тепер чоловік-володар «відповідає» за розмноження людності, тварин, примноження земель та ін. (Керносівка, Чобручі), та етап воєнних змагань в близьких та далеких землях, коли на стелах з'являються зображення закритих статевих чоловічих органів, підкреслюється сила молодих завойовників, скотарів (Дюбенді, Ашханакеран, Хаккарі).

причем довольно удачная (судя по краям операционной раны, пациент выздоровел), была сделана около 12 тысяч лет тому назад.

Обнаруженные у с. Новозвановки погребения интересны тем, что дают информацию о сложной для эпохи средней бронзы операции. Особый интерес вызывает п. 2. На теменной кости зафиксировано сквозное отверстие неправильной формы с неровными и острыми краями, нанесенное с помощью выскабливания кости острым предметом. На противоположной стороне теменной кости видны аналогичные следы незаконченной операции, представляющие собой оставленные тем же предметом и по той же методике следы, но не сформировавшие впоследствии трепанационное отверстие. Таким образом, смерть наступила либо в момент операции, либо в ближайшее послеоперационное время.

В современной медицине трепанация как таковая предназначена для доступа к мозговому веществу и манипуляции на нем: удаления опухоли мозга, гематомы, либо перевязки сосудов при различных травмах. В эпоху средней бронзы, скорее всего, подобным образом лечили всевозможные заболевания высшей нервной системы, такие как сильная головная боль, не поддающаяся лекарственным средствам того времени. Могли лечить мигрень, эпилепсию и разные психические заболевания, связываемые в древности с вселением в человека темных сил. Путем «пробивания дыры» в голове пытались выпустить нечисть из организма.

Подобные операции могли проводиться хорошо подготовленным, опытным знахарем. В данном случае необходимо было иметь смелость, чтобы пойти на подобный риск, тем более, проведение трепанации с двух сторон. Не вызывает сомнений, что в эпоху средней бронзы это была одна из сложнейших операций. Все это наводит на мысль о довольно высоком уровне развития медицинских знаний в то время.

МАЛОБУДКОВСКО-БОНДАРИХИНСКАЯ КЕРАМИКА С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЧЕРКАССКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Бондарихинская культура, выделенная в 50-х гг. XX в., по сей день остается предметом пристального исследования археологов. На Днепре памятники бондарихинской культуры появляются еще на раннем — малобудковском — этапе (Воинская Гребля). В ряде случаев малобудковско-бондарихинская керамика найдена не только на левобережных памятниках Поднепровья, но и на правобережных, таких как, например, Суботовское городище. Черкасское Поднепровье расположено в контактной зоне с другими этнокультурными образованиями поздней бронзы, что, несомненно, отразилось на материальной культуре, в особенности керамическом комплексе памятников региона.

В районе Черкасс, в зоне Кременчугского водохранилища обнаружен ряд поселений финала поздней бронзы, содержащих малобудковско-бондарихинскую керамику. Среди них: Самовица-остров 1, Самовица-остров 5, Чапаевка 8 на левом берегу Днепра, а также Лески 36 на правом. Культурный слой на этих поселениях практически полностью уничтожен водохранилищем, археологический материал переотложен. Бондарихинская керамика на этих памятниках довольно многочисленна (на некоторых до 50 %). На поселениях раннего (малобудковского) этапа она сопровождается керамикой белогрудовской, раннелебедовской, а так же постсрубной — ивановской и бегазысаргаринской культур (Самовица-остров 1, Чапаевка 8, Лески 36). Керамика позднего (бондарихинского) этапа найдена вместе с раннечернолесской, лебедовской и белозерской (Самовица-остров 5).

Малобудковская керамика представлена тонкостенными горшками с плавным S-видным профилем, округлыми плечиками и плоским дном. Тесто с примесью мелкозернистого песка и шамота. Обжиг неравномерный, костровой, цвет красный, желтый, серый, коричневатый, черный. Внутренняя и наружная поверхность горшков обработана хаотичными расчесами, выполненными гребенчатым штампом. Орнамент, как правило, покрывает шейку и плечики сосуда. Он состоит из двух и более горизонтальных рядов ямок в виде отпечатков конца косо поставленной палочки или щепки. Нередко край венчика украшался косыми насечками прямого штампа. Реже орнамент состоит из рядов наколотых изнутри «жемчужин».

На примере некоторых сосудов можно проследить некий синкретизм различных керамических традиций. Так, типичный малобудковский орнамент из наколов мог совмещаться с композициями из отпечатков гре-

бенчатого или гладкого штампа в виде горизонтальной елочки или ряда косых крестов. Вышеперечисленные элементы орнаментации характерны для постсрубной ивановской культуры. Иногда орнаментация из ямок сочетается с наlepным валиком на плечиках. Это тоже свидетельствует о наложении малобудковской керамической традиции на ивановскую или белогрудовскую, где валик играл ведущую роль.

Керамика бондарихинского этапа отличается толстостенностью, грубыми примесями дресвы в тесте. Поверхность преимущественно желтого либо коричневого цвета, заглаженная без следов обработки гребенкой. Основные принципы орнаментации такие же, как и на малобудковской керамике: ряды наколов в верхней части горшка. Однако следует отметить, что ямки становятся более небрежными, часто наколы палочкой заменяются рядом вмятин, нанесенных пальцем. Для этого ж этапа характерна композиция из наколов в виде виноградной грозди. Горшок с таким орнаментом обнаружен на еще одном размытом поселении региона — Матюшенков остров. Бондарихинские элементы прослеживаются на некоторых синкретических сосудах. К ним относятся типичные тюльпановидные горшки раннего этапа чернолесской культуры с валиковым орнаментом, украшенные типичными для бондарихинцев рядами ямок.

Таким образом, на материалах памятников поздней бронзы Черкасского Поднепровья удастся проследить два последовательных этапа развития малобудковско-бондарихинской культуры. Для раннего этапа бондарихинской культуры — это малобудковско-позднесосницкая и малобудковско-постсрубная, а для позднего (собственно бондарихинского) — бондарихинско-раннечернолесская.

Такие смешанные комплексы, в т. ч. и синкретические типы керамики зафиксированы для других районов бондарихинского ареала. Малобудковско-позднесрубная (постсрубная — Д. К.) обнаружена на ряде памятников Подонцовья (Червоный Шлях, Любовка, Шоссейное, Диброва, Таранцево) и Повороскля (Лихачевка). Бондарихинская керамика вместе с раннечернолесской и белозерской найдена на поселениях Среднего Поднепровья (Большая Андрусовка-Инбек, Деревка, Старая Игрень), Приорелья (Гупаловка, Бузовка, Залинейное) и Подонцовья (Илличевка).

Существование таких смешанных керамических комплексов позволяет говорить о сложной этнокультурной ситуации в регионе в конце позднего бронзового века.

ІНГУЛЬСЬКА КАТАКОМБНА СПАДЩИНА: ДВІ ЛІНІЇ РОЗВИТКУ

В історіографії неодноразово, хоча й по-різному, засвідчувалася певна культурна спадкоємність між катакомбним і бабинським (КБК) горизонтами. Попри це, єдиного уявлення щодо такої спадкоємності серед

дослідників так і не склалося. Одним з чинників, що заважає об'єктивному зіставленню та оцінці катакомбних і бабинських старожитностей виступає хибне сприйняття останніх в якості гомогенного архео-

логічного утворення. Разом з тим, помічена свого часу неоднорідність КБК, у складі якої виділялося декілька локальних варіантів, виявилася реальною і з часом набула належного обґрунтування та уточнення. В результаті сукупність бабинських пам'яток наразі пропонується розглядати в рамках культурного кола/області Бабине, у складі якого виділяється щонайменше дві бабинські культури — Дніпро-Донська (ДДБК) і Дніпро-Прутьська (ДПБК), остання з яких розпадається на три локальних варіанти — Дніпро-Дністровський (степовий), Дніпро-Бузький (лісостеповий), Дністро-Прутьський. Окрім низки чинників, локальна варіативність культурного кола Бабине зумовлена гетерогенністю її регіональних підрозділів, різними генетичними підгрунтами (базовими субстратами), на яких вони утворювалися. Найдавнішим з них є ДДБК, що виступає первинним осередком бабинської культурогенези, що виник на базі локальних груп Донецько-Донської катакомбної культури (КК) — правобережної середньодонської, донецької, східноманицької. Локальні ж групи ДПБК є вторинними, їх формування було стимульоване імпульсом із первинного осередку Бабине, тобто з боку ДДБК. Цей культуротворчий (для вторинних бабинських груп) і водночас деструктивний (для їхніх генетичних попередників) поштовх зі сходу на захід започаткував або прискорив трансформацію катакомбно-шнурового культурного середовища Правобережної України з суміжними територіями і зрештою призвів до складання похідних регіональних груп Бабине, що їх ми об'єднуємо у складі ДПБК.

Базовим субстратом для степових локальних варіантів ДПБК (Дніпро-Дністровського, меншою мірою Дністро-Прутьського) виступає інгульська КК. Дослідники вже висловлювалися стосовно її участі у складанні бабинської культури Нижньої Наддніпрянщини, або степової України від Криму й Таврії до Нижнього Дністра й Пруту. На користь спадкоємності між інгульською КК та степовими варіантами ДПБК наведемо такі аргументи: майже повний збіг їхніх ареалів; схожі принципи радіального розміщення впускних поховань у насипах могил; трансформація інгульських катакомб у бабинські овальні підбої, в т. ч. з круглими шахтами; неодноразові факти використання інгульських катакомб для захоронення (зокрема дохоронення) небіжчиків ДПБК, а також продовження бабинськими підбоями планіграфічних вервечок, започаткованих інгульськими катакомбами; висока

питома вага південних орієнтацій небіжчиків для обох культур. Кількість пам'яток Дніпро-Дністровського та почасти Дністро-Прутьського варіантів ДПБК, що пов'язуються своїм походженням з інгульською КК, дорівнює більше 1300 поховань.

Протягом останніх п'ятнадцяти років вдалося виявити ще одного нащадка інгульської КК — євпаторійську групу пам'яток степового і передгірського Криму. Перелік можливих ознак інгульської спадщини для Євпаторійської групи є таким: довга вузька підбійна конструкція поховальних споруд; випростаний стан небіжчика. Саме остання характеристика видається найбільш показовою в сенсі інгульської традиції. Кількісно євпаторійська група значно поступається пам'яткам Дніпро-Дністровського варіанту ДПБК, нараховуючи у своєму складі лише 30–35 поховань. Надзвичайно важливо, що останнім часом вдалося виявити невеличку серію аналогічних поховань у Нижній Наддніпрянщині (7 комплексів), що виступає відповідником євпаторійської групи. Для них також притаманні переважно впускне положення в курганах, довгі поховальні ями, випростаний стан небіжчика, переважання широтних орієнтацій, близькі типи кістяних пряжок, схожі тенденції хронологічної динаміки. Розбіжності між двома групами виявляються лише на рівні деталей обрядово-інвентарних ознак, які не порушують загальної єдності розглядуваних груп по базовим характеристикам, що дає нам вагомий підстави розглядати їх в межах певної сукупності, а саме євпаторійської групи. Значно більша концентрація випростаних поховань на півострові натякають на те, що саме Крим виступав своєрідним осередком даної традиції у постінгульський час, а Таврія представляла його периферію. З метою ж урахування певної локальної специфіки кримських і таврійських пам'яток євпаторійської групи пропонуємо останні об'єднати у складі громівської підгрупи, закріпивши за нею епонім найбільш виразного й показового комплексу (Громівка–І 1/11 Херсонської обл.).

Таким чином, трансформація інгульської КК, що була викликана чи стимульована імпульсом з боку ДДБК, відбувалася по двох напрямках чи лініях розвитку: основному, що призвів до утворення Дніпро-Дністровського варіанту ДПБК; і другорядному, що знайшов вузько локальний і, можливо, короткотривалий прояв у кримсько-таврійському регіоні через пам'ятки євпаторійської групи.

В. А. Ромашко,

Д. Л. Тесленко (Днепропетровск)

КВИТЯНСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЛОБОЙКОВКА 1

В 2008 г. Днепропетровской целевой археологической экспедицией проводились разведки с целью уточнения восточных границ поселения позднего бронзового века Лобойковка 1, открытого и частично исследованного в 2003–2004 гг. Для определения характеристик культурного слоя на первой левобережной террасе старицы р. Орель, вытянутой вдоль оз. Поповое, были заложены 13 шурфов общей площадью 84 м².

По данным профилей шурфа № 10, площадью 20 м², стратиграфия памятника последовательно представлена пахотным слоем, мощностью 0,2 м, слоем однородного темно-серого чернозема (0,6 м), ниже которого находилась материковая супесь светло-желтого цвета. В западном профиле шурфа с глубины 0,65 м фиксировался впуск ямы № 4, диаметром 0,9 м и глубиной 0,25 м. На 0,1 м она врезалась в материковую супесь. На дне ямы найдены обломки энеолитической

керамики і мелкіє обломки кісток живітних, часть із котрих обожжена. На глубині 0,35–0,45 м от поверхні яма перекривалась слабо вираженим культурним слоєм позднього бронзового века.

Керамика енеолітичного часу представлена обломками сосуда с отогнутым наружу венчиком, високої циліндричної шийкою, відделеної от корпусу желобком і горизонтальної прочерченої лінією, випуклобоким туловом і, вероятно, острым дном. Сосуд декорирован тонкими косыми оттисками мелкозубчатого штампа, которые образуют два фриза под венчиком и на уступчатом переходе от шейки к корпусу. Верхний срез каждого фриза ровный, нижний представлен треугольными фигурами, направленными вершинами вниз. Формовочная масса содержит измельченную раковину и растительные примеси. В тесте также присутствуют крупинки речного песка. Поверхности сосуда коричневого цвета, тщательно заглажены. На некоторых участках заметны следы полосчатого сглаживания и пустоты, образовавшиеся в результате выгорания при обжиге растительных примесей. Диаметр венчика — 19,4 см, диаметр шейки на линии максимального расширения — 21,6 см, диаметр основания шейки — 21,2 см, диаметр корпуса — 26 см, высота шейки — 7,6 см, сохранившаяся высота сосуда — 12,5 см.

Круг аналогий нашей находке ограничивается в Поднепровье — керамикой из закладок в балке Квитяной и у с. Ясиноватка, сосудом из тризны кургана 11 группы 2 у г. Каменка-Днепровская, подводной находкой у Наумовой балки о. Хортица, на Северском Донце — материалами поселений Серебрянское, Надтеррасное, Подпесочное и др. Вместе с подобными сосудами, отличающимися раздутым горлом и высоким плечом, а также с горшками S-видного профиля со стянутым горлом (выделяемыми Д. Я. Телегиным в особый «майорский» тип) такая керамика относится к «квитянскому» типу. Последняя, согласно концепции В. Н. Даниленко, маркирует отдельную фазу первого периода сложения ямной культуры. Под характерной чертой данной посуды автор термина понимал, в первую очередь, особенности «квитянской» глины — пористость, обильную примесь раковины и т. д.

Неоднократные наблюдения свидетельствуют, что находки «квитянской» керамики на бытовых памятниках представлены незначительным количеством фрагментированных сосудов, насыщенные и достаточно изученные культурные слои неизвестны. В данном контексте не являются исключением и материалы энеолитического времени поселения Лобойковка 1. По мнению исследователей, сказанное свидетельствует о подвижном образе жизни населения, пользовавшегося «квитянской» керамикой.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о культурной принадлежности керамики «квитянского» типа. В отличие от В. Н. Даниленко, считавшего последнюю маркером начальной фазы древнеямной линии развития степного энеолита, Д. Я. Телегин включил квитянский комплекс в круг памятников первого этапа дошнурового периода в развитии среднестоговской культуры. Близкой точки зрения придерживалась и О. Г. Шапошникова. В 90-е гг. XX в. концепция среднестоговской культуры подверглась пересмотру. И если Ю. Я. Рассмакин, опираясь на керамику из тризн, связывает «квитянскую» керамику с постмариупольскими погребениями, считая правомерным изменение названия последней, то Н. С. Котова рассматривает сегодня керамику «квитянского» типа в рамках дереивской культуры. В свою очередь И. Ф. Ковалева констатирует неразработанность критериев определения культурной принадлежности степной энеолитической керамики и недостаточность аргументации в пользу «квитянской» принадлежности керамики из тризн постмариупольских погребений.

По нашему мнению, выделение «квитянской» культуры требует дополнительных оснований, но постмариупольский контекст керамики «квитянского» типа сегодня просматривается все отчетливее. Косвенным подтверждением сказанному могут служить материалы исследованного нами кургана 3 у с. Лобойковка, где основное постмариупольское погребение сопровождалось тризной, обломки керамики из которой имеют параллели в энеолитических материалах известного Новоалександровского кургана, раскопанного И. Ф. Ковалевой.

І. А. Сніжко (Харків)

МАТЕРІАЛИ М. В. СИБІЛЬОВА В ФОНДАХ ХАРКІВСЬКОГО ІСТОРИЧНОГО МУЗЕЮ

Ім'я Миколи Вікентійовича Сибільова добре відомо дослідникам археологічних пам'яток Слобожанщини. Ним відкрито понад 300 пам'яток, що датуються часом від кам'яного віку до середньовіччя, опубліковано кілька статей та 4 збірки «Старовинності Ізюмщини». В Інституті археології АН України зберігається чималий архів М. В. Сибільова, що містить нотатки, щоденники, листи тощо. В фондах Харківського історичного музею також знаходиться невеличка «справа М. В. Сибільова», до складу якої входять чернетки статей «Первые земледельцы Изюмщины» та «Первые ремесленники Изюмщины», рукопис лекції «Изюм на заре человеческой жизни — в каменном веке» та остання стаття М. В. Сибільова,

що була написана ним 1943 р. для стіннівки Академії Наук в м. Уфа.

Для сучасних дослідників в роботах М. В. Сибільова найбільш цікавим є детальний опис локалізації відкритих ним археологічних об'єктів та знахідок, більшість з яких, на жаль, втрачено. Так, в чернетці статті (НДФ № 3350) подано детальний опис місцевості, де розташовані відомі Петрівські мезолітичні стоянки, стоянки на дюнах біля р. Оскол та озера Подпесочного біля с. Дробишево. Наочності описам додають зроблені рукою автора схеми-малюнки з поясненнями. Чернетка другої статті (НДФ № 3348) містить цікаві спостереження щодо пам'яток, розташованих на території м. Ізюм та поблизу нього. Зокрема,

М. В. Сибільов зазначає: «В районе Изюма, с. Яремовка, с. Студенок, хуторов Зливки и Большая Хайловка, с. Великая Камышеваха высоты правого берега сплошной пеленой устилают кремль в отщепенях и желваках, среди которых даже теперь, когда сотни возов кремня вывезены на ж.д. станцию для отправки на какой-то бетонный или фарфоровый завод, можно встретить яйцевидные желваки в 15–25 см длины. Это были своеобразные кладовые кремня, откуда доисторический изюмчанин необходимые ему желваки мог брать в любом количестве и любых очертаний и размеров. Ни о каких кремневых копях здесь не может быть и речи: их нет, в них просто нет надобности». Кілька сторінок рукопису присвячено майстерні на горі Крем'янець та Ізюмським стоянкам. Стосовно першої — цікавим є повідомлення про те, що років 40–50 назад (тобто наприкінці XVIII ст.) тут можна було побачити справжні гори кременю, який активно вивозився на станцію. Одна майстерня з обробки кременю знаходилась на верхівці гори Крем'янець, друга — на її східному схилі в урочищі Верхній Степок: «На обоих мастерских даже теперь, когда масса кремня вывезена, можно найти различные орудия и правильно ограненные нуклеусы». Далі подається детальний опис розташування археологічних об'єктів на території одного з районів Ізюма — Гончарівки. Автор зазначає, що низка стоянок

бронзового віку знаходиться обабіч невеличкої притоки Сіверського Дінця — р. Мокрий Ізюмець та в північно-східній частині Гончарівки «...где и теперь довольно часто встречаются великолепно сработанные кремневые вещи и соответствующая керамика». Біля південно-східної околиці Гончарівки, на берегах заплавлених озер розташовані 1–5 Ізюмські стоянки-майстерні кам'яного віку.

Остання робота М. В. Сибільова — стаття, написана ним для стіннівки (НДФ № 3346). На 14 аркушах невеличкого альбому сумна і зворушлива розповідь про евакуацію до м. Уфа в 1942 р. експонатів Ізюмського музею. Пункту призначення М. В. Сибільов з дружиною дістався тільки з п'ятої спроби. Їм довелося кілька разів переходити лінію фронту, повертатися до окупованого Ізюму і, найжахливіше, бачити розграбований музей (доречі, початок грабунку поклали місцеві жителі ще восени 1941 р., про що є доповідна записка М. В. Сибільова, яка зберігається в архіві Інституту археології). «Ми з дружиною плакали, бачивши, що сталося з музеєм... якому віддали 15 років свого життя». Тільки те, що вдалося доправити до Уфи і потім перевезти до Києва, власне, і зберіглося із численних археологічних матеріалів, зібраних М. В. Сибільовим. Саме тому важко переоцінити значення його архівної спадщини.

А. О. Стратонова (Одеса)

ПІЗНІЙ МЕЗОЛІТ ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я: ПРОБЛЕМА ДОСЛІДЖЕННЯ ВЗАЄМОЗВ'ЯЗКУ ЛЮДИНИ І МОРЯ

Останнім часом активно досліджується проблема взаємовідносин населення Причорноморського регіону часів кам'яної доби з його навколишнім середовищем та, зокрема, пристосування мисливців-збирачів до значних коливань рівня моря.

Бореальний період співпадає із заключною стадією новоевксинської трансгресії. Дослідники порізно визначають рівень максимального підняття моря в кінці нового евксину: від 18 м до 30 м. Лише в кінці пізнього мезоліту сформувалася близька до сучасної лиманна берегова лінія. Бугазька стадія розвитку Чорного моря (9,5–7,9 тис. років тому) досить чітко розподіляється на дві трансгресивні фази, вік регресії між якими датується приблизно 8,3–8,4 тис. років.

Динаміка морського басейну та ландшафтна перебудова регіону мусили певним чином відобразитися в долі мисливців-збирачів, що його населяли. Поряд з досить точними радіовуглецевими датами, одержаними з морського шельфу, археологічна мапа регіону не дає нам у повному обсязі відтворити історію його мешканців, оскільки більшість пам'яток відомі лише з поверхневих зборів. Проте етапи освоєння регіону та давні міграційні процеси з певною мірою наближення можна відтворити з допомогою досліджених пам'яток.

Степове Надчорномор'я в період з 9300 до 8000 рр. було досить густо заселене, порівняно з раннім мезолітом. Новий етап розвитку анетівської культурної спільності більшість дослідників пов'язує з проявом

кукрекської традиції на пам'ятках широкого ареалу західної частини Північного Причорномор'я. Удосконалення техніки виробництва дозволило кукрекським племенам розселитися до басейну Пруту на заході та Дніпра на сході. Цей процес археологічно фіксується на пам'ятках з виразними кукрекськими комплексами — Гвоздеве, Синюхин брід, Абузова балка, Софіївка в середньому Побужжі, Бубинка, Бубинка І, Сагайдак в Поінгуллі, Мирне, Трапівка в Дунайсько-Дністровському межиріччі.

З проблемою динаміки Чорноморського палеобасейну пов'язана дискусія щодо появи у Дніпро-Бузькому степу на рубежі пребореалу та бореалу гребениківської культурно-історичної спільності. В. Н. Станко та Д. Я. Телегін вважають пам'ятки гребениківського типу еволюційним розвитком крем'яної індустрії місцевої царинської культурно-історичної традиції. М. П. Оленковський не заперечує спорідненість крем'яної індустрії мешканців Царинки та гребениківських племен, проте зазначає, що між ними був певний культурно-хронологічний хіатус. Дослідник пропонує заповнити його пам'ятками, індустрія яких характеризується перехідними рисами (Анастасівка). Автохтонну теорію походження гребениківської спільності заперечує Л. Л. Залізняк, який прослідковує привнесення власної Гребеникам відтискової техніки у Північно-Західне Причорномор'я носіями балкано-дунайських протонеолітичних традицій у пізньому мезоліті. На його думку, з VII до V тис. до н. е. у Побужжя

прибували все нові й нові хвилі балкано-дунайських мігрантів. Причину такого потужного руху давнього населення могла б викликати різка трансгресія Чорного моря. Важливість вирішення питання про генезу гребениківців також у їх впливі на процеси неолітизації Середнього Подніпров'я та Київського Полісся.

Картографування археологічних пам'яток пізнього мезоліту фіксує процес розселення гребениківців та анетівців у межиріччя Дністра, Дунаю та Пруту. В. Н. Станко вбачав причину їхнього переселення у виснаженні територій Подністров'я та Побужжя, які гребениківці та анетівці щільно заселяли з пізнього палеоліту. В Подунав'ї вони влаштовують невеликі

спільні поселення, на заключному етапі мезоліту приклад взаємодії двох етнокультур знаходимо на матеріалах базового поселення Мирне.

Зроблений нами аналіз не може свідчити про прямий вплив на населення морського фактора, оскільки найпівденніші з досліджених пам'яток у час свого функціонування знаходилися значно далі від морського узбережжя, ніж сьогодні. На них відсутні типові археологічні свідчення зв'язку населення з морем — наявність на пам'ятці кісток морських риб та черепашок морських видів молюсків. Знайти втрачену ланку — мезолітичних мисливців, життєзабезпечення яких було прямо пов'язане з морськими ресурсами, допомогли б комплексні дослідження шельфу Чорного моря.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Л. І. Бабенко (Харків)

КУРГАННИЙ МОГИЛЬНИК V СТ. ДО Н. Е.

БІЛЯ С. ПРОТОПОПІВКА ДЕРГАЧІВСЬКОГО РАЙОНУ НА ХАРКІВЩИНІ

Протопопівський могильник знаходився в урочищі «Могилки», на правому березі р. Нецвітайка (права притока р. Уди), на південній околиці однойменного села і нараховував 15 курганів, безсистемно розташованих одне біля одного на відстані 20–40 м. Досліджувався на протязі двох сезонів — у 1973 р. експедицією УТОПІК (керівник Н. Г. Коленченко) та в 1976 р. і експедицією ХІМ (керівник В. Г. Бородулін). Було розкопано 8 курганів та дообстежено 3 зруйнованих поховання.

Насипи курганів мали круглу у плані форму, лише в кургані № 2/1973 був зафіксований овальної форми насип, витягнутий у меридіональному напрямі. Більшість насипів збереглася на висоту до 1 м, у двох курганів висота наближалася до двох метрів. Сліди тризни зафіксовані у двох випадках. У декількох курганах відзначена наявність глиняного викида.

Серед поховальних споруд можна виділити конструкції двох типів. Абсолютно переважаючий тип поховальної споруди — ґрунтові прямокутні ями. Дерев'яна гробниця стовбової конструкції зафіксована в одному випадку. Площа могил коливається від 2,15 до 8,37 м², глибина могил від рівня стародавнього горизонту зафіксована у 6 випадках, коливається від 1,6 до 2,15 м. Усі могили орієнтовані у меридіональному напрямі.

Поховання здійснені за обрядом інгумації, кісткові рештки небіжників зафіксовані у 9 похованнях. У могильнику переважають одиночні поховання (8 випадків), лише у кургані № 2/1976 зафіксовані рештки двох небіжників. Орієнтування небіжників визначено у 5 випадках — усі без виключення лежали головою на південь. Пануюче положення кістяка — витягнуте на спині, ноги прямі, руки вздовж тулуба. В двох випадках небіжник лежав під західною стінкою (№ 1/1973, 1/1976), в одному — по центру могили (№ 5). В парному похованні (№ 2/1976) небіжники були розміщені вздовж східної та західної стінок могили.

Найбільш цікавою рисою поховального обряду Протопопівського могильника є присутність різноманітних наборів кінського спорядження, що визначають символічну присутність у могилі безпосередньо

верхового коня (№ 3 та 5). Напутня м'ясна їжа відома в одному випадку — у південно-східному куті могили кургану № 1/1973 разом з ножем знаходилися кістки дрібної рогатої худобини.

Із 11 поховань у трьох інвентар був відсутній, що, ймовірно за все, слід пов'язувати з їх пограбуванням. Решта поховань також була пограбована, отже у жодному випадку ми не маємо справи з більш-менш повним комплектом інвентарю, що супроводжував похованих. Найбільш репрезентативна категорія поховального інвентарю — предмети озброєння, що були присутні у 7 похованнях. Чисельно переважають бронзові наконечники стріл (від 2 до 142 екземплярів виявлені у 6 похованнях). У чотирьох комплексах були присутні залізні наконечники списів чи їх залишки — у трьох похованнях (№ 1/1973, 1/1976, 5) по одному, ще в одному (№ 3) — два. Окрім кургану № 1/1973, наконечники списів супроводжувалися знахідками втоків. Захисний обладунок репрезентований одним випадком — в кургані № 5 дещо вище кісток тазу похованого зафіксовано залишки шкіряного поясу.

Предмети кінського спорядження виявлені у двох похованнях, в обох випадках вони знаходилися у спеціальних нішах. Не виключено, що в кургані № 3 знаходився майже повний комплект деталей однієї вуздечки — 2 бронзові псалія з залишками сильно корозованих залізних вудил, нащічники, налобники, дрібні вуздечні бляхи, ворварки. Комплект з кургану № 5 менш повний — відсутні вудила та псалії, але знаходилася така рідкісна нагрудна прикраса як підвіска-лунниця. Її доповнювали 2 нащічника, 2 пряжки, 24 дрібні бляшки та 3 ворварки. Ще одна ворварка виявлена в похованні кургану № 1/1973, але вона могла бути оздобою і військового спорядження. У чотирьох похованнях виявлений глиняний посуд — дві амфори та два глечики: дворучний та без ручок. Знаряддя праці репрезентовані залізними ножами з кістяною рукояткою.

Хронологічні рамки могильника за предметами інвентарю обмежені другою-третьою чвертю V ст. до н. е., що і визначає термін його функціонування.

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ДЕЛО САРМАТОВ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Вопросы, связанные с вооружением и военным делом сарматов, в историко-археологической литературе разрабатываются достаточно давно и весьма продуктивно. Тем не менее, применительно к территории Подонья исследований по интересующей нас тематике практически нет. Тут можно отметить одну статью В. П. Глебова «Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени (II—I вв. до н. э.)», вышедшую в свет в 2007 г. Однако территория Подонья во многом является уникальной зоной обитания кочевых сарматских племен со II в. до н. э. по IV в. н. э.

Конечно, о вооружении и военном деле сарматов первых веков нашей эры до нас дошли отрывочные сведения античных авторов. Однако археологический материал, безусловно, является основным при разработке интересующей нас темы в силу, прежде всего, своей массовости.

Изучение вооружения и военного дела сарматов началось еще в последней четверти XIX в. В это время появляются работы Н. И. Веселовского, посвященные публикации материалов раскопок, в числе которых были и работы, затрагивавшие тематику сарматского оружия. Огромный вклад в дело развития отечественной сарматологии внес М. И. Ростовцев, заложивший основы периодизации сарматских древностей. Большое значение для развития вопросов сарматского оружиеведения имеет работа Гинтерса, вышедшая в свет в 1928 г. и посвященная анализу мечей скифской и сарматской эпох, а так же труд П. Д. Рау 1929 г., в котором автор помимо всего прочего подробному анализу подвергает наконец стрел Поволжья и Приуралья савромато-сарматской эпохи. В некоторой степени вооружения сарматов в своих трудах касается Б. Н. Граков.

В тоже время и по сей день фактически единственной крупной работой, посвященной разработке данной темы, является вышедшая в свет в 1971 г. монография А. М. Хазанова «Очерки военного дела сарматов». Данная работа, написанная с привлечением широкого круга источников (археологических, письменных и эпиграфических), стала первым примером комплексного подхода к изучению вооружения и военного дела сарматов. В нем затронут весь спектр вопросов, связанных как с классификацией различных видов вооружения, так и с характеристикой военного дела сарматов на обширном географическом и хронологическом фоне. Однако в своей работе ученый дал лишь общую характеристику вооружения и военного дела сарматов, без учета региональной специфики. С 80-х гг. XX в. появляются работы, в которых интересующая нас тема разрабатывалась в региональном контексте. В частности археологией сарматов Поволжья занимается А. С. Скрипкин, Нижнего Подонья — В. Е. Максименко, Верхнего и Среднего Подонья — А. П. Медведев. Тем не менее, до сих пор отсутствуют работы, в которых вооружение и военное дело сарматов анализировались бы как самостоятельное явление применительно к отдельному региону их обитания, в данном случае для Подонья.

Перспективы данного исследовательского направления достаточно очевидны. Обширный археологический материал, накопленный за многие годы полевых исследований на территории Подонья, дает возможность в полной мере раскрыть вопросы, связанные с изучением вооружения и военного дела сарматов применительно к данному региону.

Ю. Н. Бойко (Винница)

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ МАЙДАНООБРАЗНЫХ СООРУЖЕНИЙ УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Майданообразные сооружения — уникальная разновидность археологических памятников Восточной Европы. Среди сотен «майданов» выделяется комплекс **Разрытая Могила**. Б. А. Шрамко опубликовал результаты обследования памятника в начале 50-х гг. XX века, которые и легли в основу нашего исследования.

Майдан Разрытая Могила расположен на склоне плато правого берега р. Мерла. Диаметр насыпи в 1951 г. составлял 150 м при максимальной высоте 11 м. На ней выделялись 5 вершин, разделенных выемками, верхний срез которых находился на высотах более 5,2 м. Строителям необходимо было вынуть, переместить и уложить более 60 000 м³ грунта. Б. А. Шрамко пришел к выводу, что многовершинность насыпи не была случайной: «На вершинах могли выставляться какие-то вехи в виде деревянных столбиков... для визирования при астрономических наблюдениях... которые были важны для древних зем-

ледельцев». Разрытая Могила напоминает «хенджи» Западной Европы, среди которых наиболее известно святилище-обсерватория Стоунхендж. Датировка подобных памятников, как и большинства майданов Восточной Европы, весьма затруднительна из-за отсутствия выразительных археологических находок в пределах самих комплексов, что следует из представлений о ритуальной чистоте заключенного в них пространства. Как правило, время их создания устанавливается по датировкам близлежащих поселений и могильников. Для Разрытой Могилы это конец VIII—начало VII вв. до н. э., когда здесь появляется курганный могильник обитателей поселения у с. Лихачевка, а неподалеку, на Средней Ворскле, разворачиваются масштабные работы по созданию Бельского городища.

Наличие в древней Восточной Европе святилищ-обсерваторий, в том числе и на Бельском городище,

признано многими исследователями. Общим для данного типа сооружений признаком есть фиксация нужных направлений с помощью искусственных маркеров-столбов. Строители Разрытой Могилы, не имея природных ориентиров для привязки астрономических явлений на местности, все же не стали закапывать столбы. Они создали **искусственный горизонт** в виде гигантской многовершинной насыпи вокруг центральной площадки святилища. Ретроспективное моделирование (использована программа REDSHIFT) показало, что для наблюдателя из центра внутреннего пространства главную роль играли не вершины, а выемки между ними. Подгонка их размеров позволила жрецам-архитекторам, в частности, синхронизировать некоторые важные в календарном отношении астрономические явления, которые на истинном горизонте происходили в разное время или же вовсе не наблюдались. Приведем несколько примеров работы этих астрономических часов в 700 г. до н. э.

Летнее солнцестояние 30 июня: 5 ч. 20 мин. — восход Солнца в выемке Д1, восход созвездия Ориона

(Пояс) в выемке А; 19 ч. 24 мин. — заход Солнца, заход созвездия Кассиопеи в выемке Д.

Зимнее солнцестояние 28 декабря: 2 ч. 20 мин. — заход созвездия Ориона (Пояс) и Сатурна по краям выемки В, восход созвездия Кассиопеи в выемке Г; 9 ч. 40 мин. — восход Солнца в выемке Б; 15 час. 05 мин. — заход Солнца.

Весеннее равноденствие 28 марта: 6 ч. 30 мин. — восход Солнца в выемке А; 17 ч. 25 мин. — заход Солнца в выемке В; 19 ч. 20 мин. — заход созвездия Ориона, восход созвездия Кассиопеи в выемке Г.

Осеннее равноденствие 30 сентября: 7 ч. 15 мин. — восход Солнца в выемке А; 7 ч. 25 мин. — заход созвездия Ориона, восход созвездия Кассиопеи в выемке Г; 18 ч. 05 мин. — заход Солнца в выемке В; 23 ч. 10 мин. — восход созвездия Ориона в выемке А.

Показательно, что синхронизация восхода/захода Солнца, созвездий Ориона и Кассиопеи возможна только на искусственном горизонте, поскольку в реальности Кассиопея это **незаходящее** созвездие северной части неба!

С. Б. Вальчак (Москва)

СОСТАВ КОМПЛЕКСОВ С НАБОРАМИ ТЯГЛОВОЙ УПРЯЖИ, ПОЯВЛЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРЕДСКИФСКИХ КОЛЕСНИЦ

Наборы бронзовых и железных предметов различной формы, встречающиеся вместе с характерными для памятников предскифского периода типами металлических удили и псалиев, в последние десятилетия активно привлекаются исследователями для установления направления связей, этапов развития и абсолютной хронологии доскифских культур Восточной Европы.

Внимание исследователей к таким находкам обострилось после публикации В. Р. Эрлихом погребального комплекса 1988 г. с квадригой и упряжью *in situ* из к. 1 могильника Уашхиту-1 на территории Адыгеи, а также выделения «предметов-индикаторов упряжи колесниц» и создания их типологии. На мой взгляд, предложенная исследователем типология не исчерпала всех возможностей имеющегося материала. Имеющийся набор изделий может быть разделен на группы, подгруппы, типы и варианты.

К **первой группе** металлических деталей тягловой упряжи относятся металлические кольца «с подвижными привесками». Они представляют собой кольца-основы округлого сечения со свободно двигающимися по ним подвесками. Эта группа изделий может быть разделена на две подгруппы по количеству подвесок на кольце-основе. В **первую подгруппу** включены детали с одной подвеской, **во вторую** — с двумя.

В **первый тип** первой подгруппы объединены подвески с одним наружным элементом крепления, обычно дисковидной шляпкой. Вариантные отличия заключаются в форме и конструкции этого единственного наружного элемента крепления. Принципиально отличны по конструкции подвески **второго типа**, имеющие два наружных элемента крепления на одной из сторон тулова, которое в большинстве случаев имеет форму пластины. Эти элементы крепления выполнены в виде дисковидных или грибовидных шляпок на коротких шпильках, расположенных у концов пластины.

Вторая подгруппа объединяет кольца-основы с двумя подвесками, встречающиеся очень редко. Деление этой подгруппы на типы и варианты полностью совпадает с изделиями первой подгруппы.

Ко **второй группе** деталей упряжи отнесены кольца без подвесок. **Третьей** из выделенных **групп** являются скобы-соединители, которые состоят из стержня или пластины различного сечения с двумя элементами крепления — дисковидными или грибовидными шляпками на шпильках-столбиках по краям или на Г-образно изогнутых краях тулова. К **четвертой группе** отнесены изредка встречающиеся среди предскифских наборов тягловой упряжи пронизи с тремя отверстиями.

По составу входящих в них металлических деталей фурнитуры наборы тягловой упряжи могут быть объединены в несколько видов, а виды разделены на подвиды. В **первый вид** объединены наборы упряжи, которые включают кольца с подвесками с одним элементом крепления. Наборы с такими деталями встречаются чаще всего и представляют большое количество возможных сочетаний с деталями других групп. **Второй вид** составляют комплексы наборов тягловой упряжи, в которые входят кольца с подвесками, на которых имеется два внешних элемента крепления. Наборы с этими деталями встречаются реже и не дают такого разнообразия сочетаний, как наборы первого вида. К **третьему виду** наборов тягловой упряжи отнесены комплексы, в которых найдены кольца без подвесок, но отсутствуют кольца с подвесками, а в большинстве случаев и другие детали-индикаторы.

Подавляющее большинство наборов тягловой упряжи (более 30) встречено в комплексах с бронзовыми двуколычатыми удилами и трехпетельчатыми псалиями типа Новочеркасск — характерными для уздечек финального этапа предскифского периода.

В пяти комплексах присутствуют уздечные комплекты с псалиями типа Жаботин 524 и им подобными формами, которые занимают несколько более позднюю хронологическую позицию. Лишь в одном случае, в кургане 6 Краснознаменского могильника на Северном Кавказе, детали упряжи встречены в комплексе только с псалиями типа Келермесс.

Такое распределение позволяет говорить о внезапном и массовом появлении в Восточной Европе на-

боров тягловой упряжи (очевидно колесничной) на позднейшем этапе предскифского периода (с конца VIII в. до н. э.). Связывать это событие можно только с военными рейдами киммерийцев в Закавказье. Можно констатировать полное прекращение производства подобных изделий в Восточной Европе не позднее второй половины VII в. до н. э., а также исчезновение традиции «захоронения» колесниц и наборов их упряжи в памятниках собственно ранних скифов.

А. Н. Ворошилов (Воронеж)

О ПОЯВЛЕНИИ РАННИХ СКИФОВ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

За более чем вековой период археологического изучения древностей скифской эпохи лесостепного Подонья удалось сделать очень многое для освещения процессов, протекавших на рассматриваемой территории в V—IV вв. до н. э. Однако архаическая эпоха до сих пор остается мало изученным периодом древней истории этого региона. Долгое время единственным источником для изучения скифской эпохи на данной территории являлись исключительно подкурганые погребения, наиболее ранние из которых относятся к концу VI в. до н. э. Но эти комплексы единичны, а подавляющее большинство среднедонских погребений датируются V—IV вв. до н. э. Та же тенденция прослеживается и в отношении поселенческих памятников Среднего Дона. Первые немногочисленные городища появляются здесь в VI в. до н. э., однако их абсолютное большинство относится к V и особенно к IV вв. до н. э. Именно этими объективными обстоятельствами обусловлена своего рода асимметрия в тематической направленности существующих на сегодняшний день исследований. Ее результатом стала непреднамеренная хронологическая избирательность, фактически исключившая из древней истории лесостепного Подонья эпоху скифской архаики.

Факт сохранения отдельных лакун (в частности VII в. до н. э.) в представлениях о раннем железном веке лесостепного Подонья некоторыми учеными все же признавался. Скудность материалов относящихся к начальному этапу скифской эпохи в лесостепном Подонье оговаривал еще П. Д. Либеров, считавший, что заполнить этот пробел помогут лишь дальнейшие раскопки. В результате предметом подавляющего большинства имеющихся на сегодняшний день исследований стали среднедонские памятники V—IV вв. до н. э.

К настоящему времени появились новые источники, позволяющие частично пролить свет на ранний

период скифской истории региона. Таким источником стали случайные находки оружия VII в. до н. э. В большинстве своем это биметаллические и железные мечи, а так же незначительное число бронзовых топоров.

Самыми ранними свидетельствами появления кочевников скифской эпохи в лесостепном Подонье являются находки древнейших образцов клинкового оружия скифского типа — акинаков с бронзовыми рукоятями рамочной конструкции и железными клинками. Указанная группа оружия включает пять экземпляров, обнаруженных в левобережье Дона. Наиболее вероятным временем их бытования следует признать первую половину VII в. до н. э. Предложенная дата первого появления ранних скифов в донской лесостепи подтверждается и находками на этой территории трех бронзовых топоров кобано-колхидского происхождения с характерными желобками на обухе.

Пребывание кочевников на территории лесостепного Подонья уже во второй половине VII в. до н. э. уверенно фиксируется находками в указанном регионе железных мечей. Они составляют достаточно монолитную в морфологическом и технологическом отношении группу из восьми единиц клинкового оружия: у всех мечей брусковидное навершие, трехсекторного сечения стержень рукояти и перекрестье «келермесского» типа, за исключением двух экземпляров, все они с железной петлей под навершием.

Таким образом, более многочисленные находки архаичных железных акинаков и расширение ареала их распространения на рассматриваемой территории (по сравнению с биметаллическим клинковым оружием) свидетельствуют об интенсивном продолжении начатого еще в первой половине VII в. до н. э. освоения донской лесостепи носителями раннескифской культуры, выходцами из кавказского региона, уже во второй половине этого столетия.

П. Я. Гавриш (Полтава)

ТОПОГРАФІЯ ОБОРОННИХ СПОРУД БІЛЬСЬКОГО ГОРОДИЩА

Більське городище скіфської епохи було найбільшою фортецею раннього залізного віку Євразії, площа якого за нашими підрахунками становить 47,8 кв. км. Тут стародавні фортифікатори у повній мірі застосували один з ключових принципів планування оборонних споруд — максимально викори-

стати рельєф і топографію місцевості. Оборонна лінія Більського городища у вигляді потужного земляного рову та валу з дерев'яною стіною гармонійно вписувалася в топографічні умови регіону і цілком відповідала стратегічному задуму її будівельників бути неприступною для ворога.

Місцевість, де розташоване Більське городище, належить до найвищих ділянок вододільного плато між руслом Ворскли і лівобережними притоками Псла. Загальний нахил плато з півночі — північного сходу на південь — південний захід і багаті гідроресурси сприяли утворенню хвилястого рельєфу з численними ярами, балками та долинами невеличких річок. Більське городище розмістилося у своєрідному трикутнику, який на сході обмежений корінним берегом Ворскли, а з південного заходу долиною маленької річки Сухой Груні, що відноситься до сточища Псла.

Як відомо, оборонні укріплення Більського городища мають складну конфігурацію. Вони збудовані за ретельно продуманим планом, за яким дві окремі фортеці-цитаделі (їх називають сьогодні Західною і Східною) об'єднані грандіозною Великою фортецею, утворивши єдину фортифікаційну споруду.

Хронологічно найраніше з'явилася Західна цитадель. Вона знаходиться на краю правого корінного берега Сухой Груні, який здіймається над долиною річки на 40–50 м. Маючи кільцеву в плані форму, цитадель південно-західним боком прилягає до берегової лінії на протязі 1,1 км. На заході і на півночі доступ до неї прикриває долина притоки Сухой Груні річки Тарапуньки з Більським озером. Лише з східного боку до Західної цитаделі прилягає рівнинна місцевість, але й вона не деякій віддалі оперезана ярами та крутим берегом Ворскли.

Другою хронологічно з'явилася Східна цитадель за 4,250 км на схід від Західної цитаделі на краю плато правого корінного берега Ворскли. Тут берег має стрімкі і хвилясті схили, над долиною ріки здіймається на 80–90 м. У даній місцевості з берегової лінії на схід виступають три у вигляді зубців миси, з яких найбільш виразний середній. Оборонна лінія Східної цитаделі повторює контури берегової лінії і тягнеться від північних до південних воріт цитаделі на 2,2 км. На за-

ході фортеця оперезана дугоподібним валом довжиною 2,050 м.

Оборонні споруди Великої фортеці почали зводити незабаром після спорудження двох цитаделей і розпочали будівництво укріплень вздовж корінного берега Ворскли на північ і на південь від Східної цитаделі практично на однакову відстань — 5,6 км. На півночі в районі сучасного с. Куземин оборонна лінія від берега Ворскли круто змінює напрямок на захід, а за 4,6 км робить поворот на південний захід і звідти тягнеться на 3 км до урочища Лісовий Кут. Там вона знову різко повертає на південь і за 1,8 км сполучається з північно-західним кутком Західної цитаделі. Особливістю топографічної ситуації цієї оборонної лінії є те, що вона проходить практично по рівнинній місцевості і не має близького прикриття у вигляді природних перешкод. Її нерівний контур продиктований бажанням стародавніх фортифікаторів зробити так, щоб яри, на дні яких протікали струмки, опинилися на території Великої фортеці, що дуже вигідно у стратегічному плані при облозі.

Очевидно, останньою було покладено лінію оборони від південно-східного кутка Західної цитаделі до кінця оборонної лінії вздовж берега Ворскли на південь від Східної цитаделі. Довжина цього відрізка становить 8,6 км. Напрямок південної лінії оборони визначався переважно лінією корінного берега Сухой Груні, лише на останніх 3,5 км вона змістила напрямок в бік берега Ворскли, залишаючи в межах Великої фортеці верхів'я двох ярів із струмками. У південно-східному кутку Більського городища два кінці укріплень підходять один до одного, а не становлять суцільну лінію, як це спостерігається у північно-східному кутку городища. Особливістю цієї ділянки лінії оборони Великої фортеці є те, що вона двічі перетинає долину великих ярів з струмками, перериваючись на десятки метрів. Але цей недолік компенсувався наявністю безпосередньо тут заболоченої долини Сухой Груні.

Д. С. Гречко (Київ)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БУЛАВКИ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Материальная культура рядового населения Днепро-Донской Лесостепи скифского времени отличалась от материальной культуры социальной верхушки общества, состоявшей из высокопрестижных импортных изделий и предметов, отражавших полукочевой способ жизни элиты. Надэтнический характер «скифской триады» и импортных изделий свидетельствует о «культурном космополитизме» военной аристократии того времени. Крепкая родовая структура земледельцев, напротив, позволяет выделять среди изделий, созданных для местного использования в поселенческих мастерских, этнографические индикаторы. Их правомерно видеть в женских украшениях в силу их консервативности в условиях разложения первобытно-общинного строя. Данный подход был впервые применен еще в 1899 г. А. А. Спицыным по отношению к височным кольцам восточнославянских племен. Результаты

данного исследования подтвердили объективность данной методики.

Выбор булавок как предмета исследования обусловлен их массовым распространением. Всего учтено 277 экземпляров. Наибольшее число украшений обнаружено при исследовании ворсклинских памятников (175 экз.), наименьшее — на Среднем Дону (5 экз.). Примерно равным числом булавок представлены Северский Донец (54 экз.) и Сула и Псел (43 экз.).

На основании анализа всей совокупности данных можно сделать некоторые выводы. Основные типы булавок раннескифского времени указывают если не на этническое родство, то на некоторую общность данной группы украшений у населения, которое в это время заселило просторы Днепро-Донецкой Лесостепи. Исходными районами распространения этой «моды» с уверенностью можно назвать лесостепное Правобережье и, возможно, более западные регионы.

В раннескифское время прототипы всех булавок, которые в последующем периоде будут отличать отдельные районы, найдены лишь в бассейне Ворсклы. Именно здесь находились наиболее ранние поселения с культурой «правобережного» типа («зольничная культура» по И. И. Ляпушкину). Данный факт позволяет предположить, что бассейн Ворсклы был базовой территорией, откуда происходило расселение родственного населения в бассейны Сулы, Псла и Северского Донца.

В результате расселения и географического обособления к среднескифскому времени оформились локальные этнографические черты трех, вероятно, родственных племен. Среди женской части земледельческого населения северскодонецкой племенной группировки были популярны булавки с би- или конической головкой, ворсклинской — с петлевидной головкой, в бассейне Сулы и Псла — с гвоздевидной широкой шляпкой. Отдельные находки булавок характерных для соседних племен мы склонны связывать с межплеменными патрилокальными браками. Это подтверждается распространением этого явления особенно четко между непосредственными соседями.

Позднескифским временем четко датируются лишь две железные гвоздевидные булавки, которые происходят из погребений элиты. Это свидетельствует о том, что булавки не характерны для набора женских украшений этого времени. Косвенно это подтверждает практически полное отсутствие данных изделий в многочисленных среднедонских комплексах, основное время существования которых приходится как раз на конец V—IV вв. до н. э. Возможно, это связано с изменением форм одежды.

Таким образом, анализ булавок Днепро-Донской Лесостепи позволяет проследить происхождение населения этого региона, поставить вопрос о выделении трех родственных племенных образований второй половины VI—V вв. до н. э. Мои выводы могут подтверждать мнение исследователей, которые считают рассматриваемый регион территорией расселения «многочисленного народа будинов». Отдельные группировки будинского союза в таком случае будут соответствовать племенам, упомянутым «отцом истории». В частности, это не противоречит локализации меланхленов (иноназвание части будинского народа) в северскодонецкой Лесостепи.

С. А. Задніков (Харків)

АНТИЧНА КЕРАМІКА другої половини VII ст. до н. е. З РОЗКОПОК НА БІЛЬСЬКОМУ ГОРОДИЩІ

Більське городище в скіфський час було значним економічним центром лісостепової Скіфії. На особливу увагу заслуговують знахідки, що свідчать про розвинуті відносини місцевого населення з різними областями варварського та античного світу. Важливу роль в цих відношеннях відігравала торгівля з грецькими полісами. В культурному шарі майже усіх етапів існування городища знайдені чисельні уламки античного посуду. Найбільш ранні екземпляри знайдені при розкопках зольника № 5 на Західному укріпленні. На Східному — предмети античного імпорту, що впевнено можна датувати раніш середини VI ст. до н. е., невідомі.

Виявлений під час розкопок грецький посуд третьої чверті VII ст. до н. е. виконано у пізньгеометричному або східному стилі, що починає формуватись в Іонії та Родосі у другої чверті VII ст. до н. е. Час появи цієї кераміки у Лісостепу дослідниками визначається порізно. Іноді не виключається і доколонізаційний характер раннього античного імпорту, що веде до більш раннього часу до датування пам'яток, в яких подібні предмети були знайдені. У Лісостепу Східної Європи найбільш рання антична кераміка знайдена у Нижньому Побужжі та на Правобережжі Дніпра. На території Лівобережжя поодинокі уламки у середині минулого століття були виявлені на поселенні Пожарна Балка та на Більському городищі в басейні Ворскли та Псла.

Серед найбільш ранніх типів античного посуду на Більському городищі є так звані «кіліки з птахами». Усі екземпляри цього періоду знайдені при розкопках зольника № 5.

Уламки аналогічного кіліка були знайдені на жертовнику в землянці Трахтемирівського городища.

Н. А. Онайко датувала кілік VII—першою половиною VI ст. до н. е., Л. В. Копейкіна віднесла його до третій чверті VII ст. до н. е. Вірогідно в цих хронологічних рамках датуються екземпляри з Більська. Однак деякі особливості цього посуду дозволяють датувати його від 650 до 615 рр. до н. е. «Кіліки з птахами» відомі і на Таганрогському поселенні, де вони датуються не пізніше кінця VII ст. до н. е.

До іншого типу посуду належать ойнохойї, виконані в стилі Middle Wild Goat. Найбільш ранні уламки відносяться до Middle Wild Goat—I. В Лісостеповій Скіфії аналогічні фрагменти відомі тільки на Немирівському городищі, де вони датуються в межах від 640 р. до н. е.—початку VI ст. до н. е. Також подібне зображення є на екземплярі з кургану Темир-Гора (640 р. до н. е.). Уламки з Більського городища, скоріш за все, також можливо датувати 640—630 рр. до н. е.

Тарна кераміка третьої чверті VII ст. до н. е. на Більському городищі знайдена у невеликій кількості. Вона репрезентована трьома центрами: м. Клазомен, о. Лісбос та о. Хіос. У шарах, що відносяться до раннього горизонту городища, знайдено велику кількість амфор типа Коломак, які останнім часом деякі вчені відносять до виробництва м. Клазомен.

До іншого типу відносяться амфори зі світлою облицівкою, які відносяться до виробництва о. Хіос. Серед тарної кераміки раннього періоду на городищі виділяються лесбоські амфори. В шарах, що датуються не пізніше кінця VII ст. до н. е., знайдені тільки сіроглиняні амфори.

Таким чином, вперше антична кераміка на Більському городищі з'являється у третій чверті VII ст. до н. е.

Столовий посуд цього періоду представлений «кіліками з птахами» та ойнохойями, прикрашеними в стилі Middle Wild Goat-I. Тарний посуд репрезентований імпортом з Клазомена, Хіоса та Лесбоса. У кількісному відношенні у цей час переважають амфори з Клазомену типу Коломак. Лесбоські амфори з Більська представлені тільки сірогліняними екземплярами. Мають місце поодинокі фрагменти амфор Хіоського виробництва.

Крім Західного Більського городища, античний імпорт другої половини VII ст. до н. е. у східноєвропейському Лісостепу відомий лише на декількох

пам'ятниках, серед яких курган у пос. Коломак (басейн Ворскли), Немирівське городище (басейн П. Буг) та Трахтемирівське городище (басейн Дніпра). Постачання античної кераміки у ці регіони можна пов'язувати тільки з декількома грецькими поселеннями Північного Причорномор'я, на яких розкопками виявлений матеріал VII ст. до н. е. Це Істрія, Березань, що знаходяться в західній частині Причорномор'я та Таганрогське поселення, розташоване на Дону. Антична кераміка на Більське городище могла поступати з Істрії або Березані.

**Д. В. Каравайко,
О. П. Кирилюк** (Київ)

О РЫБОЛОВСТВЕ У НАСЕЛЕНИЯ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Значительная роль рыболовства у населения юхновской культуры неоднократно подчеркивалась многими исследователями. В свою очередь отметим, что ни в одной из соседних культур раннего железного века данный промысел не был настолько сильно развит. Показательно, что на таких крупных городищах как Бельское и Мотронинское находки костей и чешуи рыб, а также орудий ловли весьма немногочисленны.

Основным способом ловли, вероятнее всего, служили разнообразные сети, что подтверждается не только смешанным характером улова, но и наличием многочисленных глиняных грузил. Значительно меньше лов производился на крючок и с помощью гарпуна. Железные крючки, как правило, достаточно массивные. Их немногочисленные находки известны с городищ Кудлаевка, Кветунь, Жадино. Гарпуны изготавливались из кости (городища Лбище, Случевск), реже — из железа (городище Торфель). Находки грузил известны практически на всех городищах Десны и Судости.

Несмотря на значительные раскопки и достаточно хорошую сохранность костей и чешуи, определения видового состава рыб с юхновских памятников практически не проводилось. Впервые подобный анализ был осуществлен В. Д. Лебедевым еще в 1944 г. по материалам городища Песочный Ров и обоих Юхновских. Основными промысловыми рыбами являлись щука, окунь, сом, судак и лещ. Согласно О. Н. Мельниковской, эти же виды, но с преобладанием сома, вылавливались населением Кудлаевского городища. Кости сома известны с городищ Поповка и Свердловского I. В результате недавних исследований Западного Юхновского и второго Киселевского городищ получен значительный материал, позволяющий расширить представления о характере улова юхновского населения.

Археологический материал остатков ископаемых рыб представлен в виде большого количества чешуи разной величины, отдельных позвонков и одного окаменелого грудного плавника. Чешуя и позвонки древних рыб неплохо сохранились и при сравнении с аналогичными частями тела современных рыб имеют аналогичную структуру. В систематическом отноше-

нии остатки ископаемых рыб относятся к костистым рыбам и стоят ближе к видам, принадлежащим к семейству карповых (сем. Cyprinidae).

Ширина тела позвонка ископаемых рыб равняется 9,3 мм, а его толщина составляет 7,0 мм. Если учесть, что современный лещ, выловленный в Кременчугском водохранилище, имеет длину тела 320 мм, массу тела 690 г и возраст 7 лет, при этом ширина и толщина туловищного позвонка составила 6,0 мм и 4,8 мм соответственно, а длина осевого скелета — 210 мм, то можно сказать, что древняя рыба имела небольшие размеры, примерно от 30–35 см до 40 см. Интересно, что данный факт противоречит выводам В. Д. Лебедева, который отмечал значительно большие размеры древних рыб в сравнении с современными. Вероятнее всего, причина заключается в случайности выбора рыбных остатков для определения.

Находки рыбной чешуи, как правило, сопровождались многочисленными обломками и целыми формами глиняных грузил. Структура чешуи хорошо сохранилась и на ней можно различить склериты и радиальные полосы или лучи, которые идут от центра чешуи до ее края. Широкие (раздвинутые) склериты и узкие (сближенные) склериты, образовавшиеся в течение одного года, составляют годовую зону роста чешуи. Согласно ей, средний возраст улова составляет 5–8 лет.

В эволюционном отношении изменение морфологического строения осевого скелета и чешуи на протяжении длительного периода времени не наблюдается. Материал с Западного Юхновского городища (более многочисленный) и со второго Киселевского по основным признакам не различается.

Таким образом, проведенные исследования позволили подтвердить вывод о преобладании в улове юхновского населения рыб семейства карповых. Значительный уровень развития рыболовства, вероятнее всего, следует объяснять благоприятными природными условиями Новгород-Северского Полесья. Отметим, что на Сейме, где также распространены памятники юхновской культуры, находки грузил и чешуи немногочисленны.

**О ВОСТОЧНЫХ (СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКИХ) ПАМЯТНИКАХ
И ИМПОРТАХ КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА БАСАРАБЬ,
VIII—начало VII вв. до н. э.**

Культурный комплекс Басарабь (= культура Басарабь) представляет собой одну из наиболее масштабных культурных общностей времени первой ступени периода классического Галлыштатта в Юго-Восточной Европе. Его ареал охватывает Среднее Подунавье, с анклавами в южной части Трансильвании и южной части Запрутской Молдовы, а самой восточной областью является южная часть бассейна Среднего Днестра.

Согласно средневропейской хронологической схемы, культура Басарабь существовала во время ступени HaC1, или в ранний и старший галлыштаттские периоды, 778±5 — 650 гг. до н. э., что соответствует горизонту кладов VI (HFN VI), VIII в. до н. э. Согласно хронологическим системам, принятым большинством румынских исследователей, это период «среднего галлыштатта». Однако М. Гумэ предлагал для времени существования Басарабь формулировку «средний период раннего железного века». По хронологической системе северопонтийского региона — это «позднейший предскифский период» и РСК-1.

В Северном Причерноморье культурный комплекс Басарабь представлен самыми восточными памятниками своего ареала (культура Шолдэнешть или Басарабь-Шолдэнешть на Среднем Днестре), а также прямыми импортами в степи и лесостепи. Каково значение присутствия артефактов культурного комплекса Басарабь в Северном Причерноморье?

Было проведено сравнение всех сохранившихся материалов культуры Шолдэнешть с находками культурного комплекса Басарабь, известными к востоку и северо-востоку: выше по течению Днестра (Григоровка, Рудковцы, Непоротово, Ленковцы, Жванец), в Побужье (Немиров), в Днепровском бассейне (Жаботин, Турия, Трахтемиров, Бельск и Любимовка, Усть-Каменка, Рыбасово). Проведенный анализ демонстрирует следующее:

1. В ареале позднечернолесской культуры Среднего Днестра известные басарабские находки, нередко найденные на поселениях с посудой культуры поздней Сахарны (начало — первая половина VIII в. до н. э.),

показывают, что какая-то часть басарабских влияний в Днепровском бассейне осуществлялась через памятники культуры Шолдэнешть;

2. В лесостепной и степной зонах Поднепровья имеются находки (керамика, жертвенники), которые отсутствуют в ареале культуры Шолдэнешть. Это означает, что влияния (импорты) культурного комплекса Басарабь проходили напрямую из Среднего Подунавья через степной коридор в Поднепровье, минуя бассейн Среднего Днестра (так, находки из Жаботина и Любимовки относятся к ранним типам керамики Басарабь, начало — первая половина VIII в. до н. э.). Такие прямые контакты объясняют достаточно сильное басарабское влияние на жаботинском этапе, а также дают дополнительные аргументы в пользу предложенных ранних датировок для фаз Жаботин I и II Днепровского Правобережья и комплексов раннего периода Бельского городища на Левобережье. Найденный на жертвеннике из Трахтемирова восточно-греческий килик датируется первой третью VII в. до н. э., что устанавливает датировку самого алтаря (около 700 г.) и показывает время присутствия басарабских влияний;

3. В VIII в. до н. э. в Северном Причерноморье известны памятники, материальная культура которых (с явными импортами) восходит к влияниям не только из разных областей Среднего Подунавья, но также и западнее, из восточно-альпийской зоны: Басарабь-Шолдэнешть, басарабские импорты и Картал III/Орловка на Нижнем Дунае, а также степные комплексы Зализничное и Ивангород. Они демонстрируют достаточно высокий уровень контактов между различными культурными общностями Юго-Восточной Европы в течение VIII в. до н. э., позволяя рассматривать эту территорию в целом как общую свободную область перемещения людей и идей в период начала галлыштаттской ступени (HaC1). Западные (в приальпийской зоне, ареал Восточного Галлыштатта) и восточные (в Северном Причерноморье) импорты культурного комплекса Басарабь позволяют синхронизировать различные хронологические схемы, принятые для раннего железного века в разных регионах Европы.

А. Г. Лобко,

И. А. Снытко (Николаев)

**ПОМИНАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА II ВЕКА ДО Н. Э.
НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ г. НИКОЛАЕВ**

В 1983 г. при наблюдении за земельными работами на сопредельной территории предприятий Союзгазтранс и Харьковтрансгаз сотрудниками сектора охраны памятников археологии при Николаевском краеведческом музее был зафиксирован и исследован археологический объект до настоящего времени не введенный в научный оборот, но в силу определенных исторических обстоятельств, имеющий немаловажное значение.

Исследованный памятник находился на высоком коренном плато в междуречье Бугского лимана и реки Ингул, у восточного основания Николаевского полуострова, в 200-х м к северу от ул. Херсонское шоссе на восточной окраине г. Николаев. В 150 м к югу от него находится курган, высотой до 5 м. До исследования объект представлял собой небольшое, округлое в плане, всхолмление, напоминающее курганный насыпь,

высотой до 0,5 м от современной дневной поверхности и диаметром до 20 м, на плоском, с легким понижением к северу, участке плато.

После снятия черноземного грунта насыпи, на уровне материка, на глубине до 0,8 м от условной нулевой точки, было зафиксировано заполненное черноземом, слегка перемешанным с материковым суглинком пятно ямы. Яма в плане подпрямоугольной формы с закругленными углами, размером 2,5×2 м. Ориентирована с В на З. Глубина — 0,2–0,3 м от материка и 1–1,1 м от условной нулевой точки насыпи. В заполнении ямы обнаружено до 150 мелких и средних размеров обломков амфор производства Родоса, среди которых 8 клейм на ручках. Найдены и кости животных (ребра и лопатки крупного рогатого скота). Человеческие останки не зафиксированы.

Клейма на ручках амфор округлые с эмблемой в центре в виде цветка граната — родосского «герба». Легенды вокруг эмблем сильно затерты и чтению не подлежат. Даже с учетом отсутствия фигурантов легенд, можно констатировать, что по времени штемпеля синхронны с т. н. «Пергамским комплексом» 220–180 гг. до н. э. В. Грейс предложила более уточненную датировку комплекса в пределах 210–175 гг. Клейма относятся к третьей хронологической группе по классификации родосских эпонимов, предложенной В. Грейс. Хронологические рамки группы — 220–180 гг. Округлые клейма с эмблемой в виде цветка преимущественно относятся к концу III — началу II в. до н. э. и встречаются вплоть до середины II столетия до н. э. Зафиксированная в заполнении группа родосских клейм на ручках с резким перегибом относится, скорее всего, ко II в. до н. э.

Не совсем ясно функциональное назначено исследованного объекта. На наш взгляд, зафиксирован-

ное углубление является своеобразной ямой — ботросом у поминальной площадки, куда были помещены остатки поминальной тризны и жертвоприношений. Само погребение могло быть совершено в соседнем кургане. Недостаточно понятен и вопрос, кем мог быть оставлен описываемый памятник. Скифские захоронения эллинистического периода в Нижнем Побужье и Поингулье датируются временем не позднее середины III в. до н. э. Скифские кочевья во второй половине III столетия переместились в Крым. Во второй половине III — начале II вв. до н. э. практически затухает активная хозяйственная жизнедеятельность на поселениях сельской округи Ольвии. Сохраняются лишь некоторые поселки левого берега Бугского лимана и Нижнего Поднепровья, освоение большинства которых происходит периодически и имеет сезонный характер. О контактировавшем с Ольвией населении рубежа III–II вв. до н. э. содержит упоминание известный декрет в честь Протогена (тиссаматы, савдараты, скифы, скиры, галаты, саи). Учитывая, что исследованный памятник зафиксирован на северо-восточной границе Ольвийского полиса, наиболее вероятной кажется локализация его с саами царя Сайтафарна, которым ольвиополиты приносили дары «по случаю проезда». Сaeв большинство исследователей считают первыми сарматскими племенами в приольвийских степях. Возможно, само сарматское захоронение совершено в соседнем кургане. В Северо-Западном Причерноморье, в отличие от Подонья, большинство богатых сарматских погребений впущено в высокие курганы эпохи бронзы.

Исследованный объект является пока единственным известным памятником, оставленным кочевниками в Нижнем Побужье и Поингулье конца III–II вв. до н. э.

А. П. Медведев (Воронеж)

ЗОЛОТОЙ ОРЕЛ ИЗ САРМАТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У г. ЛИПЕЦКА*

Во время проведения охранных работ у южной окраины г. Липецка в 2005 г. экспедицией Воронежского университета открыто сарматское погребение высокого социального ранга. Оно было впущено в насыпь кургана эпохи бронзы (высота около 3,5 м при диаметре 40–45 м). Захоронение совершено в большой грунтовой яме размерами 3,5×5,5 м, углубленной в материк на 1,47 м. Оно оказалось почти начисто ограбленным. Но и то немногое, что осталось после грабителей, вполне достаточно, чтобы оценить культурную принадлежность и социальный ранг захоронения. Уцелевшая часть погребального инвентаря весьма информативна и необычна не только для Верхнего Подонья, но и сарматской культуры в целом. Бронзовые сильно профилированные фибулы причерноморского типа и краснолаковая керамика позволяют датировать погребение концом I — нач. II в. н. э.

Над погребением был возведен погребальный балдахин. От него на полу могилы сохранились де-

сятя ямок от шестов и остатки золотых зооморфных аппликаций, которыми была украшена ткань балдахина. Среди них уцелело 12 фигурок горных козлов, 4 целых и не менее 5-ти фрагментированных фигурок оленей, а также золотая фигура могучей хищной птицы, скорее всего, орла. Орел изображен стоящим анфас с широко распростертыми крыльями. Размах его крыльев достигает 57 см, высота от когтей до верха шеи 32 см. Фигура орла выполнена в ажурной технике, его туловище представляет собой сетку из золотых полос и полых ячеек между ними со сторонами в 2–3 см. Крылья также ажурные, верхняя их часть состоит из двойных дуг, соединенных в центре небольшой перемычкой, что вместе образует Х-образные фигуры. Хвост выполнен из таких же полосок, он веерообразной формы длиной 7,5 см, повернут вправо. Лапы птицы мощные с загнутыми вниз когтями, сзади заметны шпоры. На лапах сохранилось по паре отверстий для прикрепления к ткани балдахина. Го-

* Исследование материалов Липецкого кургана выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 07-01-56104а/ц.

лова птицы, к сожалению, не сохранилась (видимо, была оторвана грабителями), но, судя по расположению хвоста, она была повернута влево.

Орлы неоднократно встречались на произведениях сарматского искусства, но, как правило, в иной позе. Наиболее близкая аналогия липецкой находке — орел на медальоне серебряного бактрийского блюда I в. до н. э. Перед нами царская птица, своего рода древний геральдический знак. Скорее всего, он воспринимался сарматами как священное, сияющее золотом *Хварно* — *Фарн*. По древнейшим мифологическим представлениям иранцев *Хварно-Фарн* являлся символом и материальным воплощением власти, удачи, славы, богатства, а также гарантом процветания народа и стабильности государства. Человек, завладевший *Хварно*, становился царем, обладателем необычайной силы и могущества (*Zamyad-yasht*: V. 35). Для нашей темы важно то, что уже в «Авесте» царское *Хварно* имело облик хищной птицы *Варагн* — «ширококрылой и могучей». Если правитель переставал быть царем, то говорили: «*фарн покинул его*». Эта находка, несмотря на

почти полное разграбление остального, несомненно, тоже очень богатого инвентаря, заставляет поднять ранг Липецкого погребения как минимум до уровня «княжеского». Уже при самом беглом взгляде на остатки роскошного балдахина, на величественного золотого орла в центре, в окружении горных козлов и оленей — тоже весьма престижных символов древнего степного искусства — наконец, на необычно большие размеры могильной ямы почти не остается сомнений в принадлежности погребенной здесь дамы к правящему роду, который совсем недавно овладел этой частью Сарматии. Вполне вероятно его принадлежности к *аланам*, которые не позже середины I в. стали господствующим племенем в степях Подонья и Причерноморья. В таком случае, в конце I—начале II в. владения алан не ограничивались степной зоной, а могли простираться вплоть до верховий Танаиса–Дона. Открытие Липецкого погребения существенно изменяет не только сложившиеся представления о сарматской эпохе на Верхнем Дону, но и о масштабах Сарматии в целом.

О. М. Мирошникова (Воронеж)

СОСУДЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Одним из наименее исследованных периодов истории лесостепного Подонья является переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Сейчас на территории лесостепного Подонья известно 28 погребений предскифского периода, из которых происходят 25 сосудов. Обращает на себя внимание большое разнообразие керамического материала, который является в большинстве погребений единственной категорией инвентаря. До настоящего времени керамика из погребений предскифского периода в лесостепном Подонье не подвергалась специальному анализу.

Предскифская керамика представлена пятью основными категориями сосудов: *банки, горшки, корчаги, кубки и вазы*. Каждая категория имеет морфологические показатели, отличающие ее от другой. Наблюдаются различия и в основных параметрах сосудов: максимальном диаметре и высоте.

Банки (1 экз.). К банкам относят непрофилированные сосуды с высотой, превышающей наибольший диаметр. Сюда относится один сосуд из Частых курганов, который типологически и технологически почти не отличается от банок срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Горшки (6 экз.) делятся на две разновидности: сосуды с выделенной шейкой и невысоким горлом, у которых диаметр больше или почти равен высоте; сосуды удлинённых пропорций, у которых диаметр меньше высоты. Эта категория сосудов представлена в погребениях у сел Владимировка, Ближнее Стояново, Мастюгино, Старая Тойда, Филатовка, Частые курганы.

Корчаги (12 экз.). Выделяются четыре основных разновидности: сосуды с резко отогнутым наружу венчиком, дуговидной шейкой, шаровидным туловом, максимальный диаметр тулова находится на середине высоты со-

суда и меньше высоты; сосуды кувшинообразные, с высоким цилиндрическим горлом, плавно переходящим в округлое тулово, дно плоское, максимальный диаметр меньше высоты и находится на середине сосуда; сосуды с широким горлом, плавно переходящим в округлое тулово, плоским дном, максимальный диаметр находится на середине высоты сосуда, меньше или равен высоте сосуда; сосуды с широким горлом, округлым туловом и поддоном, максимальный диаметр находится на середине высоты сосуда или на одной трети высоты от основания. Корчаги найдены в погребениях у сел Александровка-Донская, Архиповка, Болдыревка, Власовка, Заречье, Иванов Бугор, Левашовка, Пески, Филатовка, Частые курганы.

Кубки (4 экз.) — округлотелые, небольшие сосуды. Среди них можно выделить: сосуды небольших размеров, имеющие шаровидное тулово и прямое горло, с венчиком или без него, максимальный диаметр равен высоте и находится на ее середине; сосуды с высоким раструбовидным горлом, переходящим в уплощенно-шаровидное тулово на поддоне, максимальный диаметр находится на одной трети высоты от дна и почти равен ей. Обнаружены в погребениях у сел Губарево, Лосево, Пески, Подклетное.

Вазы (2 экз.) — это изящные сосуды с орнаментом и налечами. Вазы чаще всего больших размеров с высоким цилиндрическим горлом, шаровидным туловом и плоским дном, максимальный диаметр меньше высоты и находится на ее середине. Происходят из погребений у сел Мастюгино, Засосенки.

В орнаменте почти всех категорий сосудов присутствуют такие элементы как округлые вдавления по шейке сосуда, бессистемные наколы, заштрихованные треугольники, вертикальные прочерченные линии по тулову.

На наш взгляд, разнообразие керамики в погребениях предскифского периода лесостепного Подонья в немалой степени обусловлено контактами населения рассматриваемой территории с окружающими их культурными общностями Нижнего Дона, Прикубанья, Северного Кавказа, а также степного Причер-

номорья и Днепровской лесостепи. Это влияние прослеживается не только в форме посуды, но и в орнаменте, характерном для сосудов таких культур, как кобьяковская на Нижнем Дону, сахарна-солончена в Молдове, кизил-кобинская в Крыму, жаботинская в Поднепровье и др.

А. Д. Могилов (Киев)

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ УПРАВЛЕНИЯ КОНЕМ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Скифские племена, пришедшие в Северное Причерноморье, в числе других вещей, принесли с собой и новый, передовой для своего времени, набор снаряжения коня. В сочетании с прекрасным вооружением, практичной военной тактикой, это позволило им занять на несколько веков господствующее положение на юге Восточной Европы. Недаром они вошли в античную литературную традицию как непобедимые воины-всадники. Уздечные детали номадов быстро осваиваются соседними племенами, распространяясь в Восточноевропейской Лесостепи, Средней Европе, попадая через Кавказ в Переднюю Азию.

Вместе с тем, управление некоторыми норовливыми и непослушными конями, в том числе в случаях их первичной объезды после вылова из диких табунов, требовало применения дополнительных средств. Именно для этой цели служили детали узды особой конструкции и оформления, известные как «строгие».

В *раннескифское время*, продолжая традиции доскифского периода, продолжали использоваться бронзовые удила с *рифлением в виде 1–4-х рядов выпуклостей на стержнях*, известные по находкам из курганов 38 у Гуляй Города, 524 около Жаботина, Репяховатая Могила в Днепровской Правобережной Лесостепи; 2 или 4 (Д. Г. Шульца), 24 Келермесского, 1, 6, 7 Краснознаменского могильников на Северном Кавказе и др. Одновременно появляются железные удила с витым оформлением стержней (курганы 2 у Перебыковцев, 23 у Нартана). Оригинальным является звено раннескифских стременивидных удил из Черновицкого музея. Их стержень, загибаясь, формирует незамкнутую внутреннюю петлю, а дальше идет к стременивидному окончанию, отклоняясь вбок и образуя шип на конце.

Заметные изменения, произошедшие в материальной культуре Северного Причерноморья во 2-й половине VI в. до н. э., отразились и на комплексе сна-

ряжения коня. В «строгих» деталях наблюдается *смещение акцента с рифленых грызель для давления на беззубую часть челюсти коня, характерных для раннескифского времени, на колющее воздействие на рот лошади сбоку в среднескифский период*. Именно для этой цели служили *двухдырчатые псаши с заостренным оформлением краев восьмиобразных расширений*, типа найденных в кургане 400 возле Журовки, а также появившиеся в V в. до н. э. четырехугольные шипованные насадки для удил, известные по находкам в курганах 1 и 3 Стеблевского могильника, I Завадской Могили, 1 у Брута.

Более широко эти *обоймы распространяются в IV в. до н. э.*: Толстая, Водяная, Бабина, Страшная Могила, курганы Краснокутский, II Мордвиновский, 11 группы Частых, 9 около Дуровки и др. В это же время массово *возвращается традиция витого оформления стержней железных удил*, достигавшаяся скручиванием одного или переплетением нескольких прутков: курганы 6 возле Старинской птицефабрики, 11 группы Частых, 9 около Дуровки, 25 могильника Колдыри. Редкими находками в позднескифское время являются *насадки на стержни удил в виде чередующихся трубочек и зубчатых колечек*, подобные найденным в Краснокутском кургане.

Стоит упомянуть и *двухплетчатые выгнутые железные шипованные изделия*, происходящие из курганов 10 около Горок, Шолоховского, погребения 10 гетского могильника Зимница, городищ возле Огульцов и Бельского, существовавшие в V–IV вв. до н. э. Напомним, что в последнее время, наряду с другими, были выдвинуты гипотезы об их использовании как устройства для давления на носовую часть морды коня (работы С. Б. Вальчака, И. Н. Парусимова).

Использование указанных средств в скифское время давало всадникам возможность еще более оптимизировать процесс управления конем.

К. Ю. Пеляшенко (Харьков)

ЛЕПНАЯ ПОСУДА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ДНЕПРОВСКОЙ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Лепная посуда скифского времени, найденная в погребальных комплексах, является важным источником для изучения местных гончарных традиций в целом. В погребальной обрядности населения Лесостепной Скифии использовалась посуда, применяемая в быту и культовой практике.

Представленный анализ ставит целью систематизацию накопленного материала представленного

в основном целыми и археологически целыми формами, и рассмотрение его в едином тематическом аспекте.

Классификация форм основана на построении типологических рядов. Выделенные категории посуды соответствуют функциональному ее назначению в быту и классификации поселенческого материала.

Сравнительная характеристика выделенных типов погребальной керамики по регионам и хронологическим периодам дает возможность проследить динамику развития гончарных традиций местного населения во времени и сопоставить керамические комплексы выделенных локальных вариантов памятников Днепропровского Лесостепного Левобережья.

Всего в работе учтено 268 археологически целых форм, которые представлены: банками (1), горшками (27), мисками (44), корчагами (15), тарными сосудами (16), кувшинами и корчажками (16), черпаками (32), кружками (7), кубками (22) и малыми формами посуды (горшочки, баночки, мисочки, курильницы) (88).

Результаты анализа дают возможность сделать ряд наблюдений в нескольких направлениях.

1. Заметные территориальные особенности внутри локальных вариантов памятников Днепропровской Левобережной Лесостепи. Наибольшее разнообразие форм и количество лепной посуды происходит из погребений бассейна р. Ворскла, значительная доля керамики выявлена в курганах Посулья и Псла, и меньше всего посуды содержат погребения Приднепровской Террасовой Лесостепи и бассейна Северского Донца.

2. В хронологическом отношении значительную роль лепная посуда играла в погребальной обрядности раннескифского времени. Погребения VII–VI вв. до н. э. часто содержат большие наборы местной керамики. Меньшим количеством представлена посуда в погребениях V в. до н. э., и совсем мало ее в позднескифское время. Исключением являются памятники бассейна Северского Донца, где в погребальных комплексах IV в. до н. э. зафиксировано наибольшее количество посуды относительно других хронологиче-

ских периодов. Скорее всего, подобная тенденция к уменьшению количества местной посуды связана не с «отживанием» традиции, а с предпочтением использовать в качестве погребальной керамики античный импорт, как более ценный и эстетичный.

3. Корни гончарных традиций раннескифского времени следует связывать с населением Днепропровской Правобережной Лесостепи, откуда происходят аналогии практически всем формам и орнаментации посуды, которые генетически связаны с керамикой предскифского времени.

4. Очевидна тенденция хронологического изменения основных категорий посуды. В кухонной посуде — в сторону большей профилировки горшков, меняются типы мисок. Большие изменения наблюдаются в тарной посуде — в V в. до н. э. корчаги встречаются очень редко, их место занимают горшковидные и кувшиновидные тарные сосуды, которые бытуют до конца скифского времени. Хорошо видна тенденция эволюции формы черпаков от сосудов с мелкой чашечкой, часто орнаментированных резным геометрическим орнаментом, к округло-биконическим глубоким. Возможно, с V в. до н. э. их утилитарную роль стали выполнять глубокие кружки с петельчатыми ручками. В V в. до н. э. исчезают круглодонные кубки.

5. Относительно посуды малых форм, то существенных хронологических изменений здесь не наблюдается. На протяжении всего скифского времени они играли существенную роль в погребальном инвентаре населения Днепропровского Лесостепного Левобережья.

В целом, тенденции хронологических изменений форм и локальных отличий погребальной керамики подтверждаются материалами синхронных поселений.

3. Х. Попандопуло (Запорожье)

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Один из крупнейших грунтовых могильников скифосарматского времени раскопан на территории Запорожской области вблизи с. Скельки Васильевского района. Обнаружен в 1957 г. А. В. Бодянским в береговом обрыве, подмываемом Каховским водохранилищем. Планомерные раскопки проводились в 1993–2006 гг. Обнаружено 51 захоронение. Скифский могильник формировался вокруг двух каменных сооружений, представлявших собой кольцевые кромлехи диаметрами 5,5 м и 6 м, внутри которых были обнаружены по два погребения более раннего времени. Большинство погребений — 43 — относятся к скифской эпохе и лишь три достоверно — к сарматскому времени. Погребальные сооружения представлены двумя типами катакомб, простыми ямами и погребениями под каменными закладками.

К катакомбам 1-го типа — длинные оси входной ямы и камеры параллельны — относятся 19 погребений. Из них в 8-ми — камеры расположены к югу, в одиннадцати — к северу от входной ямы. В качестве заслона использован камень, сложенный в один — два ряда в высоту. Катакомбы ориентированы в широтном

направлении, погребенные лежат, в основном, головами на запад, в редких случаях — с отклонением к югу. К катакомбам 2-го типа — оси входной ямы и камеры лежат на одной прямой — относятся только четыре погребения. Они также ориентированы в широтном направлении, а умершие лежат головами на запад и юго-запад.

17 погребений совершены в простых ямах. Ориентация погребенных в этой группе разнообразнее: в 9-ти случаях они лежат головами на запад, в 5-ти — на северо-запад и в 2-х — на юго-запад. Самую малочисленную группу составляют погребения в ямах под каменными закладками, их три. Они ориентированы в широтном направлении, а умершие лежат головами на запад и восток. Некоторые катакомбы служили семейными усыпальницами и использовались неоднократно. Так, в катакомбе 1-го типа (п. 13) были захоронены три человека, в катакомбе 2-го типа (п. 11) — четыре. Имеются в катакомбах и парные погребения, совершенные одновременно (пп. 20, 39). Большая часть захороненных — женщины и дети. В некоторых женских погребениях обнаружено оружие. Основной

набор погребального инвентаря составляют разнообразные бусы, использовавшиеся как в качестве ожерелья, так и в виде браслетов, железные ножи, глиняные прясла и свинцовые грузики. Оружие представлено несколькими железными наконечниками копий, одним клевцом и большими наборами бронзовых наконечников стрел. Редкими являются железные наконечники стрел. Судя по инвентарю в погребениях, а также фрагментам греческих амфор, использовавшихся во время тризны, могильник можно датировать IV в. до н. э. Вероятно, к этому же времени относятся и три сарматских погребения, которые по конструкции соответствуют катакомбам 1-го типа. Скульковский могильник из Запорожской области находится в одном ряду с известными и наиболее крупными грунтовыми могильниками, расположенными за пределами Поднепровья: Фронтное в Крыму с 62 погребениями и Николаевский на Днестре с 68 погребениями.

В отличие от других грунтовых могильников Нижнего Поднепровья, таких, как Кичкасский, Хортицкий, Благовещенский, Верхне-Тарасовский, Михайловский, в которых обнаружены погребения либо в ямах под каменными закладами, либо в простых ямах, в Скульковском представлены несколько типов погребальных сооружений. Этот признак роднит его с могильниками у сел Фронтное и Николаевка, но и отличается, поскольку большая часть погребений совершена в катакомбах 1-го и 2-го типов. Ориентация погребенных преимущественно западная, иногда с некоторыми отклонениями к северу или югу. Положение умерших, как правило, вытянутое на спине. Изредка встречаются скорченные в различной степени костяки. Отмечены и различия в позах рук и ног. Разнообразие погребальных сооружений в могильнике может свидетельствовать как о социальной, так и этнической неоднородности населения.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

С. Б. Буйских (Киев)

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ХОРА В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

1. Начало греческой колонизации Нижнего Побужья ведет свой отсчет от основания здесь около середины VII в. до н. э. Борисфена, в отношении функции которого в науке существуют различные мнения. Мы разделяем точку зрения, согласно которой он являлся не полисом, а эмпорием, выполнявшим посредническую роль в торговле с варварским хинтерландом. В силу этого своей хорой он не располагал. В отличие от него, Ольвия, основанная в конце первой — начале второй четвертей VI в. до н. э., сразу была запрограммирована и как город, и как центр будущего полиса с территорией, специально зарезервированной для развития собственного сельского хозяйства. Об этом красноречиво свидетельствует устройство одновременно с основанием Ольвии и возникновением там теменоса Аполлона Врача и системы защитных сакральных зон по границе будущей Ольвийской земледельческой округи и полиса в целом. В дальнейшем все освоение и развитие хоры проходило с соблюдением этих географических рамок.

2. В пределах маркированной пограничными святилищами территории греческая колониальная хора прошла здесь три основных этапа своего пространственного развития. На первом (вторая четверть — середина VI в. до н. э.) практически синхронно с Ольвией были освоены и заселены берега Березанского, правый берег Дн епровского и южная часть правобережья Бугского лимана до Ольвии. В начале этого этапа возникает и ремесленный центр на берегу Ягорлыцкого залива. На втором этапе (вторая половина VI в. до н. э.) осваивается далее к северу (от Ольвии до николаевского полуострова) правый берег Бугского лимана и его левобережье (до м. Станислав). На третьем этапе (первая треть V в. до н. э.) ольвийская хора достигает своих максимальных размеров за весь период колонизации и переживает расцвет.

3. В колониальной аграрной зоне Ольвийского полиса по степени заселенности, природным условиям, способу и направленности хозяйственной деятельности выделяется ряд отдельных экономи-

ческих районов с земледельческой, скотоводческой, промыслово-ремесленной и смешанной формами. Основой поселенческой структуры хоры в Нижнем Побужье VI—начале V вв. до н. э. были отдельные жилищно-хозяйственные ячейки — ойкосы (площадью около 0,5 га). Различная количественная вариабельность из взаимокомпоновки зависела от типа и площади каждого населенного пункта хоры — хутора, куста хуторов, поселения, куста поселений или агломераций.

4. Все указанные выше особенности греческой колониальной хоры в Нижнем Побужье, синхронность основания центра полиса с началом освоения его хоры, соблюдение принципа сакральной защиты, заведомое установление пределов территориального развития хоры, основа поселенческой структуры — полностью находят себе аналогии в принципах организации жизнедеятельности апойкий в других частях античного мира, охваченных Великой греческой колонизацией. Это заставляет пересмотреть высказывавшееся ранее в литературе мнение о стихийном возникновении аграрных поселений Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э. и стихийном характере греческой колонизации региона в целом.

5. Приведенные данные, на наш взгляд, позволяют говорить об обратном — о централизованной созидательной деятельности Ольвийского государства по освоению своей земледельческой территории и соответственно, о целенаправленном, а не стихийном характере колонизации региона. Хора выступала как один из важнейших структурообразующих и жизнеобеспечивающих элементов молодого полиса, и его роль в ее формировании и налаживании эффективно функционирования базы своего экономического развития просто не могла носить стихийный характер. Первичное заселение Ольвийской полисной хоры носило продуманный поэтапный характер и было в основных чертах завершено к началу V в. до н. э. Организующая роль Ольвийского полиса в развитии своей аграрной территории прослеживается и в дальнейшем.

В. П. Былкова (Херсон)

НАХОДКИ МОНЕТ НА БЕЛОЗЕРСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ДАЛЬНОЙ ХОРЫ ОЛЬВИИ

В докладе предлагается рассмотреть комплекс монет, найденных при раскопках Белозерского поселения IV–первой четверти III в. до н. э. (пос. Днепровский, Белозерский р-н, Херсонская обл.). Систематические раскопки на этом памятнике проводились под руководством автора с 1991 г. экспедицией Херсонского краеведческого музея, с 1998 г. — экспедицией Херсонского государственного университета.

Среди материалов раскопок находятся 30 монет, что довольно много для сельского поселения. Еще две происходят из первых разведочных раскопок 1946 г., имеются также случайные находки, поскольку поверхность памятника распаивается. Определенной системы в распространении монет не прослеживается, можно только отметить, что обнаружены они в прибрежной части памятника (юго-восточный участок раскопа VI). Пять монет найдены в четырех ямах, пять монет обнаружены вместе в заполнении полуземлянки 80, а в 1946 г. две монеты были найдены вместе на дне полуземлянки. Двенадцать «борисфенов» были обнаружены вместе в свежей оросительной траншее недалеко от южной границы поселения. Остальные монеты найдены в культурном слое раскопа. Все монеты бронзовые и, за небольшим исключением, все монеты выпущены в Ольвии. Металл на поселении не всегда хорошо сохраняется: восемь экземпляров монет не подлежали реставрации, они описаны и определены предположительно.

Самая ранняя монета найдена в заполнении ямы № 57 первого строительного периода. Это ольвийский «полуасс» с горгонейоном/эмблемой «орел на дельфине». Два литых асса с горгонейоном были обнаружены также Н. М. Дмитренко в 1946 г. Эти монеты, по П. О. Карышковскому и В. А. Анохину, относятся к рубежу V–IV вв. — первым двум десятилетиям IV в. до н. э. На нашем памятнике они найдены вместе с керамикой IV в. до н. э.

Семь мелких монет относятся к первому выпуску с изображением головы Деметры в профиль и эмблемой «орел на дельфине», они датируются 380–360 гг. до н. э. (по В. А. Анохину) или 380–350-ми гг. до н. э., (по П. О. Карышковскому) т. е. следуют непосредственно за литыми ассами. Монеты плохой сохранности (пять экземпляров), найденные в заполнении полуземлянки 80 первого строительного периода, наиболее вероятно

относятся к этому же типу. В подъемном материале такие монеты находят систематически, в целом, они наиболее часто встречаются на памятнике.

В развале наземной постройки второго строительного периода вместе с «ранней Деметрой» найдена медная монета хорошей сохранности с изображением головы Деметры влево с прической в форме валика/эмблемой «орел (с поднятыми крыльями) на дельфине» влево. Эта монета относится к началу ольвийской чеканки эллинистического периода, (подгруппа 1, первый выпуск, около 330–300 гг., по В. А. Анохину). В этом слое найдены также две монеты промежуточного времени 350–330 гг. до н. э. Это поздние «ассы» с Деметрой, без дифферента.

Самыми поздними монетами являются «борисфены». В верхнем слое раскопа VI обнаружен «борисфен» ранней серии, синхронный «поздней Деметре». Совместная находка двенадцати «борисфенов» III, IV, V, VIII групп за пределами распространения культурного слоя, по-видимому, относится ко времени завершения жизни на поселении и появлении опасности, вызвавшей необходимость оставить «клад».

Рядом с раскопом, в культурном слое, разрушенном оросительной канавой, в 2007 г. были найдены две медные монеты Пантикапея: голова безбородого сатира влево/ голова льва влево, ПАН и голова сатира/ лук и стрела, ПАН. Они датируются первой четвертью III в. до н. э. и соответствуют самым поздним керамическим находкам и «борисфенам» из клада. Среди случайных находок имеется и более ранняя пантикапейская монета — голова бородатого сатира/ грифон, ПАН.

Представленная картина монетных находок совпадает с хронологией Белозерского поселения и полностью охватывает время его существования. Самый ранний керамический материал здесь датируется первой четвертью IV в. до н. э. Расцвет жизни на поселении относится ко второй-четвертой четвертям этого столетия, а в конце IV в. до н. э. осуществляется большая перестройка. Завершение существования относится к первой трети III в. до н. э. Следует заметить, что информация В. В. Рубана и В. Н. Урсалова, на которую продолжают ссылаться, о находках в этом районе монет второй половины III–первой половины II в. до н. э. предположительно и не соответствует материалу из раскопов на поселении.

В. М. Зубарь (Киев)

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ХЕРСОНЕСА: В. В. БОРИСОВА

Уже более 180 лет ведутся археологические исследования Херсонесского городища и изучение его памятников. Но пока очень мало написано об истории раскопок Херсонеса и о людях, которые их вели на протяжении XX в. Восполняя хоть как-то этот пробел, необходимо вспомнить о В. В. Борисовой, которая лучшие годы жизни отдала исследованию этого памятника.

Вера Васильевна Борисова родилась в 1922 г. в с. Слободка Кимрского района Калининской области в многодетной крестьянской семье. В 1929 г. переехала в г. Москву, где в 1941 г. В. В. Борисова окончила среднюю школу. Во время Великой Отечественной войны вместе с семьей находилась в эвакуации, где работала на заводе планировщицей цеха. После воз-

вращения из эвакуации в 1944 г. поступила на исторический факультет Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. В студенческие годы слушала курс лекций по археологии С. В. Киселева и работала с античной керамикой в ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством И. Д. Марченко.

В 1945 г. участвовала в работе экспедиции В. Д. Блаватского в Пантикапее, а в 1946 и 1947 гг. — в Херсонесе под руководством Н. В. Пятышевой и Г. Д. Белова. После окончания в 1948 г. института получила специальность историка — учителя средней школы и переехала на работу в Херсонесский музей. С 1948 по 1951 гг. являлась заведующим античным отделом, а в январе 1951 г. стала заместителем директора по науке и в этой должности работала до 29 июня 1970 г. Собирала материал по теме, посвященной государственному устройству эллинистического Херсонеса. Принимала активное участие в археологических работах на территории Херсонеса.

В 1954 г. участвовала в раскопках античного театра, открытого О. И. Домбровским, а 1955–1957 гг. у башни Зинова под руководством В. В. Борисовой открыты остатки печей для обжига керамики эллинистического периода, участок некрополя и склеп II–III вв. н. э. В 1957 г. на берегу Песочной бухты она исследовала средневековую гончарную печь. С именем В. В. Борисовой связано возобновление после почти тридцатилетнего перерыва археологических исследований цитадели, которые с перерывами велись до ее отъезда из Херсонеса и были продолжены уже И. А. Антоновой. Результаты раскопок В. В. Борисова регулярно публиковала, а материалы, полученные в ходе иссле-

дования гончарных печей у башни Зинова, легли в основу ее научной работы и кандидатской диссертации на тему: «Керамическое производство античного Херсонеса», которая была защищена 8 февраля 1966 г. в Ученом совете ЛОИА АН СССР. Работая заместителем директора по научной работе, В. В. Борисова осуществляла многогранную практическую работу по подготовке и редактированию «Херсонесского сборника», «Сообщений Херсонесского музея», путеводителей по музею и раскопкам.

В 1970 г. В. В. Борисова переехала в Москву и начала работать в должности руководителя группы учета памятников истории и культуры Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, созданного в 1948 г. И. Э. Грабарем. После распада СССР и ликвидации в связи с этим Научно-методического совета в 1992 г. вышла на пенсию. В настоящее время живет в Москве, но по-прежнему живо интересуется всем, что связано с Херсонесом, служению которому В. В. Борисова отдала 22 года жизни. Она является автором более 20 научных работ.

Завершая, хотелось бы, пусть и с запозданием, поздравить Веру Васильевну с 85-летним юбилеем и еще раз подчеркнуть, что пришло время создать в экспозиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» раздел, посвященный жизни и научной деятельности его исследователей. Это не только дань уважения людям, работавшим в Херсонесе, но чрезвычайно важно для молодых ученых, кто уже работает над херсонесской проблематикой или собирается ею заниматься в будущем.

Е. П. Капустина (Воронеж)

БОСПОРСКАЯ КЕРАМИКА С ЗООМОРФНЫМИ РУЧКАМИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ

Боспорское царство первых веков н. э. представляло собой пространство интенсивного взаимодействия античной и «местной», сармато-меотской культур. Процессы этнической инфильтрации негреческого населения в боспорские города и культурной миксации нашли широкое отражение в материальной культуре. В составе керамического комплекса возрастает доля сероглиняной меото-сарматской керамики, увеличивается процент лепной посуды. Посуда «варварского» облика начинает производиться и в боспорских мастерских. В I–IV вв. н. э. получает распространение посуда с ручками, выполненными в виде фигурок животных в более или менее реалистической манере, когда прилепы ручки обозначали конечности, часто разделенные попарно, а стволу ручки придавалась форма тулова с выделенной головой и некоторыми деталями, переданными с помощью выступов, налепов и насечек. В настоящее время наиболее признанной является ассоциация этой формы керамики с сарматским влиянием на Боспоре.

Зооморфная керамика имела широкое распространение и за пределами Боспора во II–III вв. до н. э. — IV в. н. э. на сарматской территории в Поволжье, По-

донье, Предкавказье, а также в Закавказье — еще с начала I тыс. до н. э.

Изображения на ручках в большинстве случаев стилизованы, часто крайне схематичны, что не позволяет установить видовую принадлежность зверя. Реже встречаются сосуды с реалистическими, детально проработанными фигурками (45 % из всех рассмотренных нами находок); все они относятся к I–II вв. н. э. Надежно определить вид показанного на ручке животного удалось в отношении 29 % находок, происходящих из слоя городищ и некрополей Восточного Крыма, Тамани и дельты Дона и позволяющих охарактеризовать боспорский керамический бестиарий следующим образом. Преобладают изображения вепря (дикого кабана) — 14 ручек (45 %), барана (5,16 %), птицы (5,16 %), лошади (4,13 %), собаки (3,10 %). Идентификация этих изображений возможна благодаря выделению характерных деталей, передающих силуэт и черты того или иного зверя. Не исключено, что в дальнейшем и число включенных в данную группу объектов, и видовой спектр животных сможет расшириться.

Интерпретация изображений животных на ручках сосудов, очевидно, должна осуществляться в контексте

семантики савромато-сарматського звіриного стилю і на фоні поширеної міфологічної традиції. Найбільше розробленою є проблематика образу барана, який ще Б. А. Литвинський асоціював з авестійським «фарном» — божеством-символом удачі, багатства і благополуччя. Дві з відомих по «Авесте» інкарнацій фарна ми знаходимо в бестиарії керамічних ручок — баран і птах. Образ птаха може бути трактований і в небагато іншому ключі — як персонаж, маркуючий «верхній» світ індоіранської космології. Не зовсім ясний образ кабана, ручки в формі якого зустрічаються на дуже обмеженій території Східного Криму (відомі лише одна знахідка з Азіатського Боспору) і, ймовірно, пов'язані з прак-

тикуванням тут якого-то місцевого культу. Зображення собак і коней можуть бути пояснені значущою господарською і сакральною роллю цих тварин — постійних супутників давніх кочовиків. Для сарматського погребального обряду характерно супроводження поховання захороненнями собак і коней.

В цілому, загальнопризнана захисна функція ручок з зображенням звірів і птахів, призначених захищати вміст посуду від впливу злих сил. Можливо, певні образи мали бути наділені володарем посуду певними цінними якостями, приносити удачу. Ці сакральні функції ручок, очевидно, не втрачали свого значення і при стилізації і навіть повній схематизації зображень.

К. Н. Колесников (Дніпропетровськ)

МИТНІ ВІДНОСИНИ В ПІВНІЧНОМУ ПРИЧОРНОМОР'І РИМСЬКОЇ ДОБИ: СКЛАДНОСТІ МОДЕЛЮВАННЯ

Складності у вивченні історії митних відносин Північного Причорномор'я за римської доби пов'язані з двома основними причинами.

Перша — специфіка тогочасної митної діяльності, що, залишаючись у загальних фінансово-податкових межах, у значному обсязі перебувала в приватних руках відкупщиків.

Друга причина походить від «родової хвороби» історії античного Причорномор'я загалом: не просто брак джерел, а їх критичний мінімум на тлі мозаїчної фрагментарності та дискретності, адже збереглися лише поодинокі джерела різних видів, розмежовані великими хронологічними та географічними розривами. Реальна джерельна база, по-перше, представлена епіграфічними пам'ятками: почесні декрети I—II ст., що містять згадки про посольства до римлян із клопотанням про дарування автономії чи елевтерії та митно-податкових пільг; прохенії I—III ст., що надавали безмитності та інші пільги; листування херсонеської та тірійської громад з легатами Н. Мезії щодо прохенційної податі II ст. та ателії II—III ст. відповідно; боспорський напис II—III ст. про дарування Савроматом II разової ателії фіасу навклерів; херсонеські будівельні написи IV—VI ст. зі згадками про балістаріїв — збирачів мита. Наступний блок становлять джерела наративні, які в зв'язку із загибеллю місцевої історіографічної традиції, представлені різночасовими та різнохарактерними працями пізньоантичних та візантійських авторів. Наприклад, 53-я глава праці «Про управління імперією» Константина Багрянородного, що була белетризованою збіркою виписок з античних хронік Херсонесу. Там у зв'язку з боспорсько-херсонеськими війнами кінця III ст. неодноразово згадується звичай балістаріїв та йдеться про надання Херсонесу за Діоклетіана та Константина «свободи та звільнення від податків». Важливі дані про хлібну торгівлю Константинополя з Боспором у другій половині IV ст. отримуємо з XXVII промови ритора Фемістія. Не важко, отже, помітити: Північне Причорномор'я з'являється в історіографічному дискурсі

Імперії тільки тоді, коли входить у контакт із середземноморськими центрами.

Недостатність письмових джерел вимагає від дослідників звернення до нумізматики й археології. Втім, поганий стан збереження багатьох пам'яток, відсутність за античності стандартизації у грошовому обігу, виробництві побутових речей, у будівництві службових приміщень не сприяє однозначності тлумачень нумізматичних й археологічних даних. Приміром, у Херсонесі залишки громадської будівлі IV ст. до н. е. фахівці ідентифікують то як митну контору — пункт збирання мита і склад привізних товарів, то як казарми воїнів, які вартували міську браму.

Обсяг реальної джерельної бази, як бачимо, вкрай обмежений. І хоча, враховуючи регулярність археологічних розкопок, можна сподіватися на приховані потужності потенційної джерельної бази, нинішні інформативні ресурси вкрай низькі. Проте, потужна історіографічна традиція останніх півтори сотні років змушена саме на них ґрунтувати велетенський комплекс дослідницьких завдань та запитань, моделей та інтерпретацій. Ось далеко неповний перелік проблем, пов'язаних з історією митних відносин: структура фінансово-адміністративних органів, ступінь самостійності магістратів та царської адміністрації в митному оподаткуванні, ступінь впливу римських властей на митну діяльність у Північному Понті, розподіл прибутків від мита між місцевими громадами, легіонерами та провінційно-римською адміністрацією, співвідношення економічних та політичних мотивів у наданні безмитності колоніями та Імперією. Через брак джерел за межами дослідницьких завдань залишаються такі важливі питання, як, приміром, розмір митних зборів, митна інфраструктура, кадровий склад та організація митної служби тощо. Мало того — відповіді на сформульовані історіографією питання залишаються переважно довільними авторськими конструкціями. Тому саме проблема репрезентативності реальної джерельної бази ще тривалий час залишатиметься головною.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ ОЛЬВИИ

1. Хора Ольвии является уникальной историко-археологической зоной не только для Северного Причерноморья, но и для всей древнегреческой эйкумены, где, практически в реликтовом виде сохранились городища, поселения, усадьбы и некрополи античной эпохи. Сейчас на территории хоры насчитывается более трехсот памятников различных периодов истории Ольвийского государства — архаического, позднеархаического—раннеклассического, классико-эллинистического и римского времени.

2. На нынешнем этапе, условно начавшемся с 1997 г., когда прекратились бюджетные ассигнования на охранные археологические исследования, а обнищание населения вкупе с неконтролируемым разгулом преступности привели к массовым грабительским раскопкам археологических объектов, основной проблемой в сфере охраны памятников Ольвийской сельской округи стал вопрос физического сохранения исторического наследия античной цивилизации. Выделяются три основных группы факторов, следствием которых является разрушение древнегреческих памятников Нижнего Побужья — природные, хозяйственные и криминальные.

3. От действия природных факторов (береговая абразия, рост балок и оврагов, пр.) в различной степени страдают почти все памятники хоры. Наиболее заметен этот процесс на 73 объектах, а наиболее пострадавшими являются 30. Суммарная площадь памятников, которую необходимо исследовать, чтобы сохранить для науки, составляет порядка 30 га.

4. В результате хозяйственной деятельности (строительство предприятий, дачная застройка, рост сел, сельскохозяйственная обработка и пр.) полностью утрачено для науки около 50 археологических памятников. Суммарная площадь памятников, уничтоженных хозяйственной деятельностью, составляет более 60 га. В последнее время к нарушениям подобного характера добавилась несанкционированная распаевка земельных участков и выдача незаконных госактов

на право владения землей (Парутинский сельский совет).

5. В конце 90-х гг. прошлого столетия участились целенаправленные грабительские раскопки, наносящие огромный ущерб археологическим памятникам. Деятельность грабителей на хоре еще более активизировалась в последнее время в связи с установлением охраны территории Ольвийского Национального заповедника НАНУ. Единственным «доступным» местом для грабителей стали памятники хоры. Недавними, наиболее вопиющими фактами является масштабное ограбление античного некрополя между с. Днепровское и Закисовой балкой (Солончаковский с/с), Петуховский некрополь, частично исследованный М. Эбертом в 1911 г., комплекс античных усадеб в у-ще Петуховка (Дмитриевский с/с) а также уничтожение усадьбы Волшская коса—6 (Парутинский с/с).

6. Если на данном этапе незаконная хозяйственная деятельность в целом остановлена, незаконная распаевка земли прекращена и проводятся регулярные проверки по данному вопросу органами МВД, то наиболее острым остается вопрос о прекращении деятельности грабителей. Рейдовые проверки органами МВД и СБУ, как правило, единичны, носят характер «кампаний» и не приносят необходимых результатов. На наш взгляд, делу по борьбе с кладоискательством могли бы помочь некоторые административные мероприятия, например: передача наиболее выдающихся памятников хоры в состав Национального заповедника «Ольвия», с соответствующим увеличением объема его финансирования, создание охраняемых археологических зон и ареалов, исторических и природно-ландшафтных парков в местах наибольшей концентрации археологических объектов (Аджигольская балка). Наконец, не прекратятся грабительские раскопки археологических памятников, если под борьбу с ними не будет подведена надежная правовая основа в виде, прежде всего, закона об ответственности за незаконный сбор и оборот движимых памятников культуры.

С. О. Немцев (Херсон)

СТАТИСТИКО-КОМБИНАТОРНЫЙ АНАЛИЗ КАК ОСНОВА ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ АМФОР ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ

Поскольку выделение типов амфорных ножек Гераклеи Понтийской было произведено на основе визуальных наблюдений и было подчинено проблеме типологического анализа целых форм амфор, И. Б. Зеест выделила пять типов гераклеийских амфор, при описании которых как морфологический признак использовалась ножка. Так первый тип имеет короткую, массивную ножку, которая расширена и округлена снизу, и на подошве имеет конусовидное углубление, характерное для всех гераклеийских амфор. Второй тип имеет высокую цилиндрическую ножку, плоскую срезанную снизу, конусовидная впадина на подошве глубже и не так широка, как у первого варианта.

Ножка амфор четвертого типа отличается четкостью и геометричностью очертаний. В дальнейшем И. Б. Брашинским и С. Ю. Монаховым была уточнена типологическая классификация целых форм амфор, были выделены новые типы, изменена номенклатура ранее выделенных, но при этом вопрос об отдельном топологическом анализе профильных частей не был решен, возникло предположение, что таковой можно попробовать осуществить, применив методы математической статистики

Для этого анализируемая выборка материала должна быть описана единым набором метрических признаков. Набор признаков может быть сформирован на

основе сопоставления тех метрических характеристик, которые использовались С. Ю. Внуковым и С. Ю. Монаховым для характеристики близких по морфологии групп амфорных ножек.

Для построения метрической классификации материала используется метод сравнения объектов в n -мерном гиперпространстве, сравнения признаков с просчетом евклидова расстояния между ними и последующим кластерным анализом полученной матрицы расстояний с помощью агломеративно-иерархического метода. Данный метод был предложен Внуковым при работе с целыми формами амфор римского времени и использован нами при анализе «копачковых» ножек.

Следующим шагом определяется ранжир евклидовых расстояний, на которых произошло оформление кластера, и таким образом выявляются кластеры, яв-

ляющиеся таксонами классификации. Далее необходимо проверить правильность выделения полученных таксонов, для чего удобно использовать статистические критерии: *нормированная информативность признака* и *коэффициент неравномерности*, которые дают возможность выделить типобразующие признаки. Проверка вариационные ряды, образованные значениями типобразующих признаков, в рамках выделенных таксонов на соответствие *нормальному распределению*, получаем представление о состоянии процесса типобразования в данных группах материала. Полученные таким образом группы могут служить основой для дальнейшего анализа.

Выборка для анализа сформирована на основе коллекций, полученных в результате работы Археологической экспедиции Херсонского государственного университета на Белозерском поселении в 1998–2007 гг.

А. М. Новичихин (Анапа)

ХЕРСОНЕССКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ НА ХОРЕ ГОРГИППИИ

Находки херсонесских монет в Горгииппии и на поселениях ее хоры позволили затронуть вопрос о существовании контактов между Горгииппией и Херсонесом Таврическим на протяжении практически всего античного периода — с IV в. до н. э. по III в. н. э. На существование торговых связей между указанными полисами указывают и керамические материалы. В Горгииппии обнаружена целая херсонесская амфора конца IV — начала III в. до н. э. в одном из погребений городского некрополя, найдены обломки херсонесских амфор в помещении 29, погибшем в пожаре третьей четверти III в. до н. э., а также единичные находки херсонесских амфорных клейм.

Существенным дополнением к уже известным данным о херсонесском керамическом импорте могут служить некоторые новые находки на поселениях горгииппийской хоры. Как и в Горгииппии, находки эти немногочисленны. Из 110 учтенных с памятников горгииппийской хоры керамических клейм, экземпляров, достоверно атрибутируемых как херсонесские, всего 3, т. е. менее 3 % от общего числа.

Наиболее ранняя находка, сделанная на Гостагаевском городище, — клеймо Ксанфа. В отличие от большинства клейм с этим именем, данный экземпляр не содержит указания на должность астинома. В. И. Кац относит штампы с именем Ксанфа к группе 1Б клейм, датированных 300–280 гг. до н. э.

О. А. Ручинская (Харьков)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ЛИТУРГИИ В АНТИЧНЫХ ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Проблема эвергетики (благотворительности) и несения общественных служб (литургий) является одной из самых малоизученных в истории античных городов Северного Причерноморья. Несмотря на то, что многие исследователи, так или иначе, касались этого вопроса, тема эта все еще до конца не разработана. На поверхности остается огромное количество вопросов, непосредственно касающихся

Два клейма найдены на городище у хут. Капустина. Первое содержит имя астинома Героки. В. И. Кац относит деятельность этого магистрата к группе 2А, датированной 270–260 гг. до н. э. Во втором восстанавливается имя астинома Феодора Пританова, относящегося к группе 3А, датированной 220–200 гг. до н. э.

На этом же городище найдена ножка херсонесской амфоры, форму которой можно определить как валикообразную, снабженную цилиндрическим углублением с «желудем» в центре. С. Ю. Монахов выделяет ножку подобной формы (№ 55) в изолированный тип. Амфора с такой ножкой датируется первой третью III в. до н. э.

Таким образом, находки на двух городищах хоры Горгииппии упомянутых амфорных фрагментов свидетельствуют о поставках в этот регион в III в. до н. э. товаров, перевозившихся в херсонесской керамической таре.

Оба городища расположены в северной части сельской округи Горгииппии, причем городище у хут. Капустина находится на берегу Витязевского лимана (в древности — залива Черного моря) рядом с местом впадения в него р. Гостагайки, а Гостагаевское городище — в верховьях этой речки. Не исключено, что в прошлом р. Гостагайка могла служить водной магистралью, по которой из прибрежного поселения товары доставлялись в глубинные районы Синдики — хоры Горгииппии.

ся механизмов, регулирующих деятельность гражданских коллективов, сферы перераспределения материальных благ, освещенной традицией и религией. Ответы на них весьма неопределенны. Основная проблема заключается в том, чтобы понять настоящее значение и функции рассматриваемого явления в таком виде, каким оно представлялось современникам.

Не вызывает сомнений то, что наличие института благодетелей гражданской общины являлось характерной чертой общественной жизни древнегреческих городов и господствовавших в них культурных ценностей. Подкрепляемая особыми полисными привилегиями, (в частности, увенчаниями, провозглашениями, почетными наградами) эвергетия представляла собой инструмент контроля со стороны государства и способствовала сглаживанию социальных конфликтов. В современной историографии благодеяния граждан и литургии, как способ финансирования, рассматриваются в качестве характерной особенности аристократического образа жизни. С укреплением полисной государственности эта система была приспособлена для нужд демократии, с выработанным комплексом мер, гарантировавшим владельцам состояний юридическую и политическую опеку.

Анализ эпиграфического и археологического материала позволяет сделать вывод о существовании данной традиции в Северном Причерноморье с V—IV вв. до н. э. Вероятно, можно говорить о малых ординарных литургиях — хорегии и гимнасиархии. Однако реальные сведения о благодетелях в северопонтийских городах относятся к эллинистическому времени. Деятельность эвергетов в данный период была связана с предоставлением займов, покупкой на частные средства продовольствия и его продажей по более низким ценам, раздачей хлебных рационов, попечением общественными сооружениями и культовыми обрядами. Хорегия (с IV в. до н. э., вероятно, в форме агонотесии) и гимнасиархия, по всей видимости, вплоть до римского времени являлись магистратурами. В целом, в эллинистический период литургии были менее эффективны в полисах Северного Причерноморья, но роль отдельных благодетелей, на плечи которых легли основные общественные расходы, возросла. Таким образом, возникала некоторая экономическая и политическая зависимость основной массы граждан от состоятельных эвергетов.

В первые века н. э. в северопонтийских городах широкое распространение получило строительство на частные средства граждан оборонительных сооружений, храмов, зданий и мест общественного назначения. Литургии в этот период в Северном Причерноморье, по-видимому, являлись бесплатным выполнением государственных должностей. Лапидарные тексты этого времени подчеркивают важность исполнения обязанностей больше, чем требовалось от магистрата. Прежде всего, это касалось снаряжения посольств, организации празднеств и обрядов, гимнасиархии. Известны также пожертвования неимущим гражданам и попечение общественных объединений (фиасов). Следует учитывать не только прямые, но и косвенные свидетельства о литургиях, в частности, о проведении хорегии, коль скоро в просопографии Горгииппии I—III вв. н. э. встречаются имена типа Хорагус и Хорегион. Значит, жители Боспора иногда называли своих сыновей в честь одной из популярных литургий.

Таким образом, роль благодетелей в жизни гражданских коллективов Северного Причерноморья нельзя недооценивать. Благоприятность на благо отечества была широко распространенным явлением в период с V в. до н. э. по III в. н. э. В автономный период существования полисов эвергетия являлась признаком социального достоинства и отражением ценностных ориентиров греческой гражданской общины. В первые века н. э. благотворительность приобретает характер почетного института, связанного с присвоением титулов. Во многом в этой традиции отразились римские реалии, вполне сопоставимые с терминами, обозначающими почетные звания наиболее выдающихся благодетелей. Характерным элементом эвергетии были разнообразные литургии, которые к первым векам н. э. сложились в определенную систему и являлись натуральным налогом, накладываемым государством на элиту северопонтийских граждан.

М. Л. Рябцева (Белгород)

К ВОПРОСУ О ВАРВАРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО БОСПОРА

Варварский элемент всегда присутствовал в жизни античного Боспора. В эпоху Великого переселения народов концентрация варварских племен в регионе значительно увеличилась. В сочетании с нестабильным внутренним положением царства этот фактор оказал значительное влияние на все стороны жизни Боспора. По своей сути Боспор, однако, оставался государством, в котором продолжали доминировать античные традиции, и в позднеантичный период (конец III—VI вв.).

Тремя основными варварскими этническими элементами в районе Боспора были сармато-аланский, германский и гуннский.

Сармато-аланы издавна жили на Боспоре и оказали влияние на состав его населения («танайты» в Та-наисе, тамгообразные знаки, иранские имена и др.).

Вполне допустимо, что какая-то часть готской верхушки с усилением державы Германариха находит общий язык с боспорской аристократией и входит в ее состав. Германское влияние можно проследить в материальной культуре и быте боспорян: деталях женского костюма, некоторых типах кухонной утвари. Выделяется несколько волн германской инфильтрации на Боспор в III—VI вв.

Гунны, ведя кочевой образ жизни, зависели и от природных условий, и от связей с оседлым населением. Они имели возможность включиться в обмен продукцией с оседлыми племенами. Военно-политическая гегемония гуннов в регионе сохранялась с рубежа IV—V вв. по VI в. Гуннские племена при активном взаимодействии с боспорянами перешли ко второй стадии кочевания, когда воевали

только воины, у них стали появляться могильники.

Этнический состав населения Боспорского царства, как отмечает А. А. Масленников, не был новой этнической общностью, а являлся локальным вариантом общегреческой народности, территориально-этнической группой — боспорянами. Это шире понятия «греки». Неизменность и преемственность этнического состава населения по материалам позднеантичного столичного боспорского некрополя выявил А. И. Айбабин.

К середине IV в. в аппарате государственно-бюрократического управления преобладали греческие имена (около 65 %), но и варварских было уже немало.

Среди названий боспорских городов и поселений, существовавших, в том числе, и в позднеантичное время, преобладала греческая топонимика. Но варварское влияние сказывается и здесь: Феодосия была переименована в Ардабду. Многие приграничные поселения возникли как поселки сармато-аланских родов, которые имели статус «энспондой» (квази-федератов) и пользовались землей за несение военной службы.

В городах продолжали существовать различные союзы, в т. ч. — фиасы. В позднеантичное время наблюдалась некоторая варваризация состава фиасов, судя по именам их членов. Это соответствовало общему процессу усиления варваризации боспорской правящей верхушки.

С. Ю. Сапрыкин (Москва)

Н. Ф. Федосеев (Керчь)

НОВАЯ НАДПИСЬ ЦАРИЦЫ ПИФОДОРИДЫ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

В 2008 г. в Керчи случайно на горе Митридат был обнаружен фрагмент мраморной плиты толщиной 5,5 см с греческой надписью, от которой сохранилось только пять строк. Надпись являлась посвящением царицы Пифодориды Филометоры за царя Аспурга, который назван происходящим от царя Асандроха. Возможно, что в ней упоминалось происхождение Аспурга от Динамии, жены царя Асандра, которую не без оснований считают матерью Аспурга. Не исключено, что посвящение было сделано также и от лица сына Пифодориды и Полемона I — также по имени Полемон. Согласно Страбону, после смерти отца он помогал матери Пифодориде править в Понте. Памятник имеет очень большое значение для истории Боспора, Понта и их взаимоотношений с Римской империей.

В надписи упоминается отец Аспурга — Асандрох (правда, от их имен сохранились только окончания, но имена этих боспорских правителей восстанавливаются уверенно). Он традиционно упоминается Аспургом в качестве отца (одна надпись с именем «Асандрох» засвидетельствована в Пантикапее, другая обнаружена в Фанагории). Уже давно доказано, что под этим именем скрывается Асандр, муж царицы Динамии, архонт и царь Боспора с 47 по 16 г. до н. э., сменивший на престоле Фарнака II, сына Митридата Евпатора. При Аспурге его традиционно называли Асандрохом на иранский манер, чтобы подчеркнуть

Во внешнем облике населения (прежде всего, в одежде) всегда проявлялись варварские черты, это обусловлено условиями северопонтийского климата и большим удобством подобной одежды в повседневном быту. Официально же боспоряне изображались в классических греческих одеждах, о чем мы можем судить по статуям и рельефам. С приходом на Боспор племен германского круга широкое хождение в среде знатных боспорянок получил германский женский костюм и ювелирные украшения.

Эволюции самой государственной власти ощутимо прослеживалось две тенденции: 1) сохранение власти династии Тибериев–Юлиев; 2) варваризация в виде института соправительства. С первых веков н. э. появились новые государственные атрибуты — тамги, которые говорят о принадлежности к определенному роду, семье (сарматские традиции).

В понятии «боспорский феномен» выражен весь сложный комплекс этнических и социальных изменений, характерный для Боспорского государства позднеантичного времени. Концепция выживания, которая заключалась в консервации основных механизмов существования, оказалась вполне жизнеспособной и достаточной для поддержания своей государственной и этнокультурной античной идентичности вплоть до включения региона в состав Византийской империи в VI в.

ирано-сарматские корни Аспурга, так как сарматские племена помогли ему победить римского ставленника Полемона и претендовать на боспорский престол.

Надпись, о которой идет речь, это второй документ, оставленный Пифодоридой на Боспоре. О том, что это именно вдова Полемона I, а не ее одноименная внучка, дочь Антонии Трифены и фракийского царя Котиса III, говорит тот факт, что последняя никогда не была связана с Боспором, в отличие от матери. Первая надпись Пифодориды была найдена в Гермонассе, где Пифодорида находилась после гибели мужа от аспургиан. Она сделала там посвящение жене императора Августа Ливии, назвав ее своей благодетельницей. Этим она хотела закрепить за собой боспорский домен ее бывшего мужа и рассчитывала сделать это при содействии Августа и Ливии. Однако император оставил Боспор под властью Аспурга, который одержал верх в войне с Полемоном. Взамен он дал Пифодориде понтийский и колхидский домены бывшего понтийского владыки, а с 3 г. до н. э. и Каппадокийское царство. Последнее стало возможно после женитьбы Пифодориды на его царя Архелае. Так что Пифодорида после 3 г. до н. э. находилась за пределами Боспорского царства. Аспург же, оставаясь правителем Боспора сначала как архонт или простой династ, с 14 г. н. э. получил царский титул. Он был утвержден в Риме с условием, что возьмет в жены Гипепи-

рию, фракийскую принцессу, родственницу Антонии Трифены, дочери Пифодориды, выданной в 13 г. н. э. замуж за Котиса III Сапея. Очевидно, что разбираемая надпись появилась в результате посещения Пифодоридой Пантикапея в связи с интронизацией и инаугурацией Аспурга и Гипеирии, что происходило почти в одно время со свадьбой ее дочери Трифены и Котиса. Вполне возможно, что

понтійская царица покинула Понт и Каппадокию в 14 г. н. э., чтобы посетить Фракию и Боспор и принять участие в этих знаменательных для ее покровителей в Риме событиях. В результате ее боспорского вояжа и появилась ее посвятельная надпись в честь Аспурга, нового правителя Боспора. Тем самым царица полностью отказывалась от своих прежних притязаний на это царство.

Л. Л. Селиванова (Москва)

БОСПОРСКИЙ РЕЛЬЕФ СО СЦЕНОЙ СРАЖЕНИЯ: СКИФЫ ИЛИ АМАЗОНКИ?

В сезоны раскопок 1983 и 1990 гг. на Таманском полуострове, на территории совхоза «Юбилейный» были найдены фрагменты известнякового рельефа с изображением сцены битвы. Находка, состоящая из частей, использованных вторично в качестве плиты пола, была обнаружена в здании раннеримского времени. Возможно, первоначально плита предназначалась для храма, дворца, победного памятника или надгробия. Рельеф (112×110 см, толщина — 21 см) выполнен из местного серого керченского известняка. Большинство археологов датируют его IV в. до н. э. Рельеф уникален своей нетипичностью для греческого искусства по сложности композиции и динамизму. Фигуры сражающихся, а также лошади представлены многоярусно, в тесном переплетении.

После публикации возникли споры по поводу того, что и кто изображен на рельефе. Типологически он прекрасно укладывается в хорошо известную в греческом изобразительном искусстве тему амазономахии. Однако в широко развернувшейся дискуссии ученые не пришли к единому мнению (см. коллективную монографию 2001 г. «Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?)»). Одни считают, что это типичная битва греков с амазонками. Другие полагают, что здесь представлена битва старых и молодых скифов, либо варваров вообще, либо скифов, участвующих в династических междоусобицах боспорских правителей. Основные аргументы сторонников «мужской» трактовки изображения: 1) у всех воинов одинаковые оружие, одежда, длинные волосы; 2) если это женщины, то амазонки не сражались друг с другом; 3) У предполагаемых амазонок отсутствуют признаки пола; 4) воин, падающий с коня во второй группе поединщиков, изображен с толстой шеей, значит, это мужчина.

Некоторые отличия в одежде и оружии все-таки имеются, незначительные, но выделяющие противостоящих. Различаются и прически. Скифы носили длинные, до плеч волосы, перехватывая их налобной лентой, связывая узлом или заплетая в косичку, а у их противников волосы спускаются почти до бедер. При этом мотив хватания за волосы типичен именно для амазономахии. Гривна на шее передней фигуры, как и торквес кельтов, — знак высокого социального ранга, вероятно, это — царица амазонок.

Что касается половой идентификации, действительно, в сценах амазономахии на греческих вазах

и рельефах пол бойцов очевиден. Известны два типа изображений амазонок: греческий и понтійский. У греков тип амазонки-гоплита довольно редок, обычно амазонки воюют, как и греки, в хитонах и сандалиях (либо босиком). Одежда, уместная в Средиземноморье, не скрывала половой принадлежности. Степной климат с ветрами, дождями, холодом, снегом требовал соответствующей экипировки. Поэтому в иконографии из Северного Причерноморья амазонки представлены в так называемом скифском костюме: саккос, рубаха с длинными рукавами, короткий подпоясанный хитон, в холодное время запашный кафтан из овчины мехом внутрь, штаны-анаксириды, алопекида, короткие скифики или высокие ботинки со шнуровкой. Визуально определить пол в такой многослойной одежде практически невозможно.

Сюжет второй группы сражающихся (воин «с толстой шеей», раненный акинаком в спину) подробно рассмотрен историками медицины. Они пришли к выводу, что здесь изображены агония и смерть амазонки от травматического пневмоторакса, следствием чего является скопление воздуха в плевральной области, раздувание вен шеи и, наконец, асфиксия. Отсюда и раздувшаяся шея. Существуют и другие объективные показатели, в частности, пропорции фигуры. Узкие плечи и талия, длинные волосы, а также более мягкие и нежные черты лица указывают на женщин, а на скифов помимо прочего — трофеи — отрезанные мужские головы на уздечке, которые нельзя спутать с женскими.

Рельеф со сценой сражения — блестящая иллюстрация сообщения Геродота (IV.110–117), передавшего, по всей видимости, местную легенду о происхождении савроматов от амазонок и скифов, которые в начале боя решили, что имеют дело с молодыми, еще безбородыми мужчинами, пока не поняли свою ошибку. Геродот подчеркивает, что у скифов были все основания ошибиться в таких же длинноволосых и одетых по-мужски амазонках.

Таким образом, в рельефе местный мастер, хорошо знакомый к тому же с канонами греческого искусства, изобразил популярное в многоэтнической боспорской среде сказание о борьбе-союзе с амазонками, о происхождении савроматов и о первой встрече скифов с амазонками, когда скифы еще не знали, что перед ними женщины.

И. А. Снытко,
Н. И. Николаев (Николаев)

О КУЛЬТЕ АПОЛЛОНА НА ХОРЕ ОЛЬВИИ

Лидирующее место в Ольвийском пантеоне, несомненно, занимал Аполлон. Главой пантеона — верховным полисным божеством с ранней истории был Аполлон Дельфиний. В V в. до н. э. в Ольвии эпиграфически засвидетельствован союз мольпов, от лица которых выносились посвящения Аполлону Дельфинию с упоминанием имени айсимнета — главы коллегии, возможно, исполнявшего и функции городского эпонима, как это было, начиная с VI в. до н. э. в метрополии Ольвии — Милете. С политическими преобразованиями в государстве — устранением от власти олигархии и установлением тирании, последующим свержением тирании и утверждением демократического устройства не изменились prerogative Аполлона Дельфиния, как верховного полисного божества. С IV в. до н. э. коллективные посвящения мольпов Аполлону сменяются индивидуальными посвящениями жрецов — эпонимов. В ипостаси Дельфиния Аполлон оставался верховным покровителем Ольвии на протяжении почти всей ее истории. Лишь в римское время, по данным эпиграфики, пантеон возглавил Аполлон Простат. Прерогативы Аполлона в Нижнем Побужье в античное время не ограничивались лишь функциями Дельфиния. В березанских граффити начиная с VI в. до н. э. Аполлон фигурирует в качестве Врача. Из ольвийского посвящения Андокида известны еще две эпиклезы Аполлона — Таргелий и Ликей.

Что же касается ольвийской сельской округи, то находки, непосредственно связанные с его культом, крайне редки на фоне многочисленных памятников, связанных с хтоническими божествами и героями. Для архаического времени к культу Аполлона предположительно относят часто встречаемые при исследованиях поселений хоры граффити с одиночными литерами **А** либо сокращением имени божества в виде двух литер **АП**. Не исключена возможность, что с культом Аполлона связаны довольно многочисленные знаки **Е** и **ЕΙ** — древние, восходящие к микенским временам, широко известные в античном мире символы божества. Граффити, содержащие аналогичные литеры, зафиксированы и при раскопках поселения классического и эллинистического времени Сиверсов Маяк-1. Заметим, что вся перечисленная серия надписей лишь с большой долей вероятности может быть отнесена к культу Аполлона. Эти литеры вполне могли являться сокращениями имен владельцев, акрофоническими цифрами и пр. Нумизматические находки на хоре с изображением Аполлона отражают общегосударственный культ и лишь косвенно свидетельствуют

о почитании божества жителями хоры, как и привозная расписная керамика с сюжетами, в которых присутствует Аполлон. Такой же характер имеют и находки посвящений Аполлону Простату римского периода, найденные за пределами Ольвии. Они исходили от полисных коллегий (стратеги, жрецы).

Единственным прямым свидетельством отправления культа Аполлона на хоре непосредственно в среде ее жителей является посвящение на донышке чернолаковой чаши из Сиверсова Маяка. Граффити фрагментарно и восстанавливается следующим образом: 'Αγαθ[ινος vel sim., patronymicon 'Απολλωνι эпиклеза ε] ικαδι. Посвящение вынесено 20-го числа — в праздник Аполлона. По некоторым источникам Аполлон родился 20-го числа, отсюда и его прозвище «Эйкадий». В конце IV в. до н. э. в Афинах эпиграфически засвидетельствована сакральная община κοινον εικοδεων, управлявшая праздники 20-го числа каждого месяца (IG. II/III. 1258). На возможность существования такой общины в Ольвии указывает граффити из раскопок теменоса [Δε]λφινιωι εικοστη. Фиасы, отмечавшие праздник Аполлона 20-го числа, могли существовать не только в Ольвии, но и на поселениях хоры.

Восстанавливаемое в надписи из Сиверсова Маяка имя дедиканта — Агатин достаточно известно в ольвийской ономастике классического и эллинистического периодов. Оно принадлежит знатному роду Агатинов (IOSPE. I². 201; HO. 28 + 29 + 123). Представители клана неоднократно избирались жрецами — эпонимами Аполлона (IOSPE. I². 201). Вполне возможно, что представитель рода совершил сакральную поездку по хоре, где, участвуя в празднествах 20-го числа в поселке у нынешнего Сиверсова Маяка, совершил культовое посвящение с возлиянием в честь Аполлона. Судя по датировке граффити, неким представителем рода мог быть Агатин Антиместоров, который в 327 г. до н. э. исполнял должность жреца — эпонима. Возможно, поселок Агатином Антиместоровым был выбран не случайно, а по причине наличия среди его жителей фиаса Аполлона. Не исключено, что среди первооснователей поселения были представители рода Агатинов, и почетный гость традиционно посетил своих родственников.

Как видим, памятники на сельской округе, связанные с культом Аполлона, крайне редки и их находки скорее являются исключением из правил, нежели закономерностью. Культ Аполлона являлся государственным и главным местом его отправления являлась непосредственно Ольвия.

А. А. Строков (Воронеж)

ПРЯЖКИ ГУННСКОЙ ЭПОХИ В НЕКРОПОЛЕ ФАНАГОРИИ

Пряжки, а также другие детали ременной гарнитуры являются одной из самых многочисленных категорий погребального инвентаря в материалах позднеантичной Фанагории. Наиболее представительная серия

находок пряжек этого периода была получена в ходе работ на Восточном некрополе в 2005 и 2007 гг.

подавляющее большинство пряжек изготовлено из бронзы, изредка встречаются железные (3 экз.)

и серебряные (2 экз.), одна имела следы позолоты на язычке. Рамка изготавливалась из круглого или граненого в сечении прута, к тыльной части которой крепился подвижный, литой или проволоочный язычок. Подвижный щиток представлял собой перегнутую через рамку пластину, между окончаниями которой при помощи одной или нескольких заклепок крепился ремень.

По взаимовстречаемости формы рамки, язычка, щитка, а также наличию декора выделяется ряд вариантов. Наиболее ранние пряжки (6 экз.) представляют собой застёжки с овальной или округлой рамкой, со значительным утолщением в месте наложения язычка. Язычки имеют срез-ступеньку у основания, концом выступают за край и слегка охватывают рамку, в одном случае — с прогибом в середине. Такие пряжки характерны для 2-й половины—конца IV в. н. э.

Наиболее многочисленна серия хоботковых пряжек (30 экз.). Рамка их круглая (в одном случае В-образная), в сечении округлая или граненая, утолщение в ее передней части не так заметно, как у предыдущих вариантов, язычок массивный, имеет высокий срез у основания, своим концом значительно выходит за рамку. Часто имеют щиток — прямоугольный, округлый или ромбический. У двух пряжек щитки украшены перегородчатой инкрустацией в стиле «клуазонне». Язычки некоторых экземпляров декорированы насечками или зооморфным орнаментом. Дата этих застёжек — 1-я половина V в. н. э. К этому же времени относятся железные овальнорамчатые пряжки с массивным язычком (3 экз.). В погребениях они встречаются вместе с хоботковыми.

К середине—2-й трети V в. относится пряжка с овальной рамкой и овальным (почковидным) щитком из коллекции И. А. Хойновского. Эта находка характерна для фазы D2/3 (430–460-е гг. по Я. Тейралу). Ко 2-й половине V—1-й половине VI вв. относится пряжка из погребения 84/1938 с овальной рамкой

и выделенной осью для крепления язычка. Вместе с ней была обнаружена пряжка с овальной рамкой, равномерной в сечении, с плоским язычком. Такие находки характерны для позднеримского времени, но бытовали и в более позднее время, что не противоречит предложенной дате.

Интересна пряжка из склепа 118/2007, найденная в дромосе. Она изготовлена из тонкой бронзовой пластины и имеет форму равнобедренного треугольника. У основания трапецевидной рамки вырезано отверстие, в которое был продет массивный округлый в сечении язычок. Подобные пряжки характерны для более позднего времени — VI и даже начала VII вв. Однако некоторые конструктивные и морфологические особенности (изготовление из тонкой пластины, хоботковый язычок) позволяют отнести ее к наиболее ранним экземплярам такого типа. Сохранившееся погребение в склепе датируется первой половиной V в. по типичным для фазы D2 пряжкам. Дата разрушенного погребения (из которого, по видимому, происходит интересующая нас находка) не может отстоять на слишком большой промежуток времени. Таким образом, эту пряжку можно датировать 2-й половиной V—началом VI вв.

О функциональном назначении пряжек можно судить в основном по материалам раскопок последних лет. Наиболее показательны в этом отношении захоронение воина в могиле 34/2005: три портупейные пряжки лежали на груди, крупная поясная пряжка (щиток украшен в стиле «клуазонне») в области таза, две пряжки и распределитель ремней обнаружены у ступней (обувной набор типа 1–3 по Э. А. Хайрединовой). Аналогичные наборы встречены в Лучистом и Танаисе.

Пряжки из Фанагории имеют многочисленные аналогии на Кавказе, в Крыму, на территории черняховской культуры, в Среднем Подунавье. Большинство их датируется концом IV—первой половиной V вв.

В. О. Хромова (Одеса)

КОМПЛЕКС СІРОГЛИНЯНОЇ ГОНЧАРНОЇ КЕРАМІКИ НИЖНЬОГО ПОДНІСТРОВ'Я VI—IV ст. до н. е. — ЗАГАЛЬНИЙ ОГЛЯД

Проблема сіроглиняної гончарної кераміки цікавить дослідників протягом довгого часу. Проте повністю вона ще не була розглянута. Причому це питання постає не лише для Нижнього Подністров'я, але і для всього регіону розселення греків. Розглядалися лише окремі колекції, кераміка певного проміжку часу або лише деякі аспекти проблеми сіроглиняної гончарної кераміки. Найчастіше вона розглядається лише в загальному контексті усього речового матеріалу при публікаціях археологічних пам'яток.

Незважаючи на досить значний обсяг сіроглиняної гончарної кераміки, зокрема столової, на поселеннях Нижнього Подністров'я (наприклад, Ніконій — близько 25 % з усього обсягу знайденої кераміки, окрім амфор) окремого повного дослідження не проводилося. Не розроблялась типологізація, хроноло-

гія; окремі групи не виділялися та предметно не вивчалися, немає чіткої відповіді щодо походження цього виду кераміки.

Низький інтерес до сіроглиняної кераміки обумовлений незначною художньою виразністю та чіткою вираженою побутовою орієнтацією. На відміну від розписних посудів, які несуть в собі багато інформації та є цікавими для дослідника, сіроглиняну гончарну кераміку можна простежити лише за формами та незначним декоруванням, яке зазвичай представлене рельєфними горизонтальними лініями та зовнішнім покриттям, іноді зустрічається графіті. Також проблематичним є визначити, чи привозилася кераміка з грецьких та малоазійських центрів, чи мала місцеве походження. Лише з часом, простеживши вплив місцевого варварського населення, можна з впевненістю казати про

місцеве походження кераміки. Через незначне інформаційне навантаження є досить складним визначення хронології, то ж доводиться застосовувати зовнішні показники.

Процес колонізації Нижнього Подністров'я складався з двох фаз. Перша (VI ст. до н. е.) пов'язана із заснуванням Тіри і Ніконія, а друга характеризується появою сільських поселень і кінцевим формуванням грецького суспільства в пониззях Дністра.

Сіроглиняна гончарна кераміка Нижнього Подністров'я VI—IV ст. до н. е. представлена столовим посудом (мисками, чашами, кувшинами, келихами, рибними тарілками, тарілками, кратерами, лекифами, ойнохойями та ін.).

Хоча у Нижньому Подністров'ї відомо понад десять поселень архаїчної доби, найбільш виразно сіроглиняна гончарна кераміка представлена на шістьох з них: Ніконія VI—IV ст. до н. е., поселень Надлиманське 3 та 6 VI—V ст. до н. е., поселень Тіра, Овідіопіль 1, Південне IV ст. до н. е.

Більшість форм з Ніконію, який був апоїкією Істрії, та прилеглих поселень східного берегу Дністровського лиману майже повністю нагадує істрій-

ську та фракійську сіроглиняну гончарну кераміку, причому тут представлена велика різноманітність форм. Ніконійська сіроглиняна гончарна кераміка не має розпису. Більшість посудів вкривалися темною обмазкою та ложилися — цілком або частково; рідше застосовувалась темна обмазка без лошіння або ж проводилося лошіння без обмазки. Іноді сосуди вкривалися чорним лаком. Декорування зазвичай відсутнє чи представлене каннелюрами, паралельними горизонтальними лініями на горлі, тулові, вінчику. В той час як сіроглиняна кераміка з Тіри та прилеглих поселень західного берегу Дністровського лиману тяжіє до форм кераміки, представлених в Ольвії. Це, скоріш за все, пов'язано з тим, що виникнувши у VII ст. до н. е., Істрія та Ольвія намагалися розповсюдити свій вплив на грецькі поселення Північно-Західного Причорномор'я на якомога більшій території.

Цілком ймовірно також, що через ріки Дністер та Прут міста-поліси Північно-Західного Причорномор'я здійснювали торгівлю з варварським (скіфським, фракійським) населенням Верхнього Подністров'я та Східної Угорщини.

Л. Г. Шенко (Донецьк)

ТЕРРАКОТОВАЯ ФИГУРА С МЕЧОМ ИЗ ЗАВЕТНОГО

Земледельческие культы и обряды получили на Боспоре довольно широкое распространение. Не является исключением в этом плане и сельскохозяйственное поселение у с. Заветное. Будучи одним из проявлений культовой практики древних греков в Северном Причерноморье, изделия коропластики всегда привлекали внимание исследователей. Глиняные статуэтки, найденные на поселении Заветное V в юго-восточном Крыму, уже были предметом публикации, но одной из них предполагалось повсвятить самостоятельный сюжет.

Это глиняная статуэтка мужчины с мечом, представляющая собой объемную скульптуру (высота — 5,3 см, основание 4,5×5 см). Статуэтка изготовлена в двусоставной форме, стыки хорошо заглажены. Изображен сидящий полный мужчина с подчеркнuto округлым животом и грудью. Правой рукой сжимает рукоять меча, острие которого лежит на левом колене. Платье, типа длинной рубахи с рукавами, имеет глубокий вырез впереди. Подол приподнят, обнажая левую ногу от колена и гениталии, над которыми занесен меч. Голова была отбита в древности. Датируется фигурка благодаря сопутствующему материалу культурного слоя V—нач. IV вв. до н. э.

Аналогий данной терракоте на настоящий момент неизвестно. Следует заметить, что в данной статуэтке акцентировано внимание на двух деталях — на мече и гениталиях.

Изображение меча детализировано. Это короткий меч, навершие которого оформлено в виде головки птицы (грифона). Лезвие широкое, в средней части изогнутое. Это меч типа кописа. Изогнутые мечи с односторонней заточкой начинают входить в употребление в VI и V вв. до н. э. Полагают, что копис,

появившись в Этрурии, был взят на вооружение римлянами. Такие мечи были распространены у греков и македонян в классический период, за ними закрепилось название «махайра». Их изображения довольно часто встречаются в вазовой живописи последней трети V в. до н. э. Аналогичный меч изображен в руках охотника на мозаике из Пеллы (IV в. до н. э.).

На территории Боспорского царства мечи типа махайр встречаются довольно редко. IV в. до н. э. датируют находку однолезвийного меча с изогнутым лезвием в кургане у Карантинного шоссе под Керчью (1834 г.) и рукоять меча в виде головы орлиноголового грифона, обнаруженного в кургане № 3 из группы Семибратних курганов на Кубани.

Поза сидящего мужчины напоминает образ сидящего т.н. храмового мальчика, или юного кабира.

В терракотовых собраниях известна серия статуэток, изображающих сидящих полных мальчиков с одной подогнутой ногой. Большинство из них отличается большой живот. Некоторые статуэтки имеют остроконечные шапки. Наиболее ранние из них происходят из Кипра и Родоса и датируются VI в. до н. э. Подобные фигурки известны в святилищах Деметры, а также в погребениях как в Балканской, так и Малоазийской Греции. Аналогичные терракоты, найденные в боспорских памятниках, относятся главным образом к V в. до н. э.

Этим же временем датируется несколько терракот «храмового мальчика», обнаруженных в Ольвии, на Березани, Никонии.

По мнению многих исследователей, Кабиры являлись воплощением идеи плодородия. Культ Кабиров берет начало в глубокой древности, но со временем он начинает испытывать влияние других божеств. С рас-

пространением греческой земледельческой религии он сближается с культом Деметры. Достаточно отчетливо это демонстрирует святилище кабиров в Нимфее.

Вместе с тем «взрослость» изображенного человека, наличие меча и хитона предполагают и другую интерпретацию.

В доисторических обществах, в эпоху которых зарождался культ Кабиров, символом плодородия, олицетворявшим мужскую силу, выступал фаллос, который играл важную роль в культах многих женских божеств Греции. В классический период его изображение в качестве символа плодородия было тесно связано с культом Диониса.

Рост популярности культа Диониса, связанный с расширением виноградарства и виноделия, нашел

свое выражение в драматургии. Комедии, выросшие из фаллических песен во время шествий в честь Диониса, изображали страдания бога, в которых символ производительных сил занимал не последнее место. В изобразительных средствах это выразилось в костюме актера комедии, сохранявшего постоянство вплоть до IV в. до н. э. Его особенностями являлись толстый живот, толстый зад и кожаный фаллос. Толстобрюхие фаллические фигуры довольно часто встречаются в вазовой живописи как свита Диониса.

Таким образом, можно предположить, что на Боспоре, где большое значение имело земледелие и виноградарство, культ Кабиров начинает приобретать дионисийские черты.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

А. Б. Акимов (Харьков)

ОБ УЧАСТИИ ВЕТЕРАНОВ В ФОРМИРОВАНИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ РИМСКОЙ ДАКИИ

В структуре римского провинциального общества эпохи принципата особую роль играли отслужившие свой срок ветераны римской армии. Они были опорой римской власти в провинциях, активными пропагандистами римского образа жизни, культуры, языка. Немалая роль принадлежала им и в экономике провинций. Вполне естественным было и участие ветеранов в провинциальных органах местного самоуправления, однако о том, насколько активным было участие вышедших в отставку воинов в муниципальной администрации провинций единого мнения у исследователей не сложилось. В связи с этим, представляется важным рассмотреть вопрос об участии ветеранов в формировании органов местного самоуправления римской Дакии, пограничной провинции, активно заселявшейся ветеранами.

Для вхождения в состав муниципальной администрации требовалось уважение и доверие гражданской общины, а также сравнительно высокий уровень достатка. Материальное положение ветерана во многом зависело от успешной военной службы. Размер денежного вознаграждения, выдаваемого воину при выходе в отставку, был небольшим, а земельный участок, получаемый ветераном, позволял надеяться в лучшем случае на положение среднего землевладельца. Будущее материальное благополучие ветерана определялось тем, какую сумму он сумеет накопить за службу. Размер жалования, получаемого воинами римской армии, был весьма солидным, особенно для тех, кто сумел достичь определенных командных должностей. Более трети ветеранов, известных нам с территории римской Дакии, в период службы относились к иммунам, принципалам или к офицерскому составу воинских частей. Некоторые даже сумели достичь должностей, позволявших им войти во всадническое сословие. Состояние ряда ветеранов было, видимо, достаточно велико и позволяло претендовать на различные магистратуры в местном самоуправлении, а почетный и привилегированный статус ветерана обеспечивал им достаточный авторитет среди населения провинции.

Наибольшее число ветеранов упоминается в городских советах Сармизегетузы, создававшейся как ветеранская колония, а также Апула и Напоки, возникших вблизи стоянок воинских частей. Вероятно, в этих городах отставные военные и были первыми декурионами. Судя по надписям, ветеранам были доступны практически все возможные административные и жреческие должности в городах и селах провинции Дакия. Ветераны были, например, дуумвирами и кваттуорвирами городов и магистрами пагов Дакии, верховными жрецами императорского культа в провинции. Примечательно, что на высоких муниципальных должностях в надписях упомянуты исключительно бывшие представители командного состава. Для рядовых легионеров вершиной карьеры, видимо, было вхождение в совет декурионов.

Представление о том, насколько активно ветераны принимали участие в формировании муниципальной администрации Дакии, мы можем получить при помощи статистического анализа надписей. По этому поводу существуют различные мнения исследователей. Например, Л. Мрозевич и Р. Ардеван считают участие ветеранов в самоуправлении незначительным. На наш взгляд, при их подсчетах не совсем обоснованно игнорируются ветераны-всадники. Кроме того, при подсчете следует исключить ветеранов, которые нам известны лишь по военным дипломам — документам, не содержащим никакой информации о гражданской жизни воина. С учетом этих замечаний выясняется, что из упомянутых в надписях с территории Дакии 147 ветеранов 46, то есть почти третья часть, занимали различные муниципальные и жреческие должности в провинции.

Таким образом, ветераны принимали весьма активное участие в местном самоуправлении римской Дакии, участвовали в создании ряда ее городов. Привилегированное положение и стабильная финансовая база позволяли многим из них, прежде всего бывшим представителям командного состава, занимать высшие магистратуры в городах провинции. Все это позволяет считать роль ветеранов в формировании и функционировании муниципальной администрации Дакии весьма значительной.

ЗМІНА ПРІОРИТЕТІВ, ПРИНЦИПІВ ТА МЕТОДІВ ЗОВНІШНЬОЇ ПОЛІТИКИ РИМСЬКОЇ ІМПЕРІЇ В ДОБУ ПРАВЛІННЯ ОКТАВІАНА АВГУСТА (латино- та грекомовна історичні традиції)

Зміна державного ладу Римської республіки викликала певне переосмислення в колі історичних джерел. Чітко розмежована до цього часу традиція у висвітленні проблем історичного розвитку між авторами грецького походження та власне римською латиномовною традицією починає зближуватися на ґрунті «елліністичного відродження». Сучасні Октавіану Августу історики страждають ще елементами більшої різноманітності. Сходження позицій демонструє 52 книга Діона Кассія. Саме у вигляді порад Гая Мецената та Марка Агріппи міститься синкретична позиція обох традицій.

Гай Меценат радить провести реформу сенату, залучивши до роботи в ньому не тільки професіоналів, але й людей з числа союзників та підкорених народів. Подібні дії повинні бути проведені і з станом вершників, а судді для цих верств повинні складатися з аналогічних соціальних прошарків. Ряд порад Мецената були реалізовані. Це торкається, наприклад, порад щодо посади префекта міста Рим, преторіанської гвардії, організації армії, залучення вершників до управлінських структур, організації скарбниці, податкової системи та управління провінцій.

Промови Агріппи та Мецената, що використані як літературний прийом Діоном Кассієм, лише окреслюють загальний сенс політичної діяльності майбутнього імператора. Він ґрунтується на принципі релятивізації. Тобто прислуховуватися до порад оточення і демонструвати своє рішення як результат особистого вольового акту. З іншого боку, принцип релятивізації відображається і у ставленні до підлеглих. Вони так само виконують свої обов'язки, розуміючи, що представляють владу в середині механізму. Тому контроль і можливість апеляції на рішення начальника залишається і в цій монархічній системі.

Другою ознакою політичної діяльності всієї Раної Імперії стає принцип моральності правителя. Саме цю рису особливо підкреслювали всі грекомовні історики та філософи. Правитель повинен керуватися своїм власним розумом, вмюючи керувати собою. Тільки тоді він здатен відповідним чином керувати іншими. Цей принцип був характерним для політичної діяльності всіх принцепсів, у чому можна переконатися на певній тотожності порад Агріппи та Мецената та філософських роздумів Марка Аврелія.

Нові форми політичної гри та складність осмислення себе як суб'єкту діяльності, затиснутого в межі походження, обов'язків, завдань, прав, прерогатив та залежності, вимагали у відповідь або посиленого підтвердження суспільного статусу, або з'ясування відношення до самого себе. Тому основу цього процесу започаткувала пропаганда нового зовнішньополітичного курсу Октавіана, як вияв загальних потреб римських громадян.

Цей курс почав запроваджуватися вже з початку 27 року до н. е. Вже в промові 13 січня цього року звучать принципи, окреслені в порадах найближчого оточення Октавіана. Оскільки одним з аргументів під час всіх вищенаведених подій була зовнішня політика, після реорганізації провінцій Август вдався до втілення суспільних очікувань громадян зовнішньополітичної стабільності. І як не підноситься пропагандою принцепса той факт, що йому вдалося тричі закрити храм Януса на знак закінчення війн, його царювання було переповнено дрібними та великими прикордонними війнами, що тривали до 15 р. до н. е. Саме в цей період постає уява про формування стратегічної лінії на основі цілеспрямованої зовнішньополітичної експансії.

Методи реалізації цієї зовнішньої політики — ведення війни й укладання договорів, залежали тепер від особистої волі імператора. Він міг будь-якої миті віддати наказ полководцям припинити кампанію, відвести війська і т.п., не зважаючи на хід воєнних дій. Він визначає і загальні пріоритети та завдання, які були досить стабільними та традиційними. Після приходу до влади Октавіана Августа було сформульовано основне гасло зовнішньої політики — це розширення всесвіту римської імперії. Основні тактичні задачі були поставлені лише у 15 р. до н. е. і це було пов'язано з тим, що при проведенні активної експансіоністської політики необхідно було, по-перше, мати визначені знання про супротивника, по-друге, скористатися важливими стратегічними пунктами і базами, що могли б забезпечити цю тактичну і стратегічну лінію. У цьому зв'язку цілком логічно була діяльність Марка Віпанія Агріппи по складанню карти і розрахунків основних географічних параметрів передбачуваних завоювань. Саме до цього часу три основні тактичні напрями — іспанський, балканський та східний — трансформувалися у глобальні стратегічні лінії правління Октавіана Августа.

А. П. Беликов (Ставрополь)

ИЛЛИРИЙСКИЕ ВОЙНЫ ОКТАВИАНА И ИХ ОТДАЛЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Последние иллирийские войны периода римской Республики — это походы Октавиана 35–33 гг. до н. э. Они были вызваны не столько внешнеполитическими соображениями, сколько внутренними проблемами римского государства. Опасность отпадения Иллирии и за-

висимость безопасности Италии от сопредельных иллирийских территорий, как представляется, объяснения надуманные и не соответствующие действительности. Римскому господству в Иллирии реально ничто не угрожало. Не говоря уже о том, что местные племена

не собирались вторгаться в Италию или предоставлять свою территорию потенциальным врагам Рима. Тем более, что к северу и северо-востоку от Адриатики просто не было сил, которые на тот момент могли бы представлять собой хоть какую-то угрозу Риму.

Несомненно, правы исследователи, которые главной целью походов Октавиана считают его желание укрепить свой личный авторитет. Парфянский поход Антония в 36 г. до н. э. был попыткой создать подавляющий перевес над Октавианом, предпринявшем в ответ пропагандистскую контратаку в Иллирии. На фоне неудачи Антония в Парфии чрезмерно раздутые самим Октавианом его довольно скромные достижения в Иллирии должны были продемонстрировать сенату и народу римскому — кто из них достойнее власти. Необходимость чем-то занять армию и попутно добыть денег на ее содержание (App. BC. V.127; 128; Dio Cass. 49.36.1), равно как и желание отомстить далматам за разгром римских легионов зимой 48/47 г. — это тоже факторы внутривосточные. По римским понятиям, кровь квиритов не должна оставаться неотомщенной. Прекрасно владеющий всеми методами политической пропаганды и искусством саморекламы, Октавиан демонстративно поместил в портик Октавии отбитые у далматов знамена Габиния (App. Ill. 28; Dio Cass. 49.43.8).

Важен конкретный итог войны 35–33 гг. до н. э. Настоящего завоевания иллирийских племен не

произошло, поэтому походы Октавиана были скорее карательными экспедициями. Значительная часть племен фактически не находилась под римской властью.

Таким образом, длительные почти двухсотлетние контакты римлян с иллирийцами вплоть до конца Республики не привели к прочному овладению всем восточным побережьем Адриатического моря. Это оказалось задачей на перспективу.

Но самое примечательное при этом — достаточно быстрая последующая романизация Иллирии, географически, экономически и даже культурно всегда более близкой к Греции, чем к Риму. Это одна из очень немногих примыкавших непосредственно к Греции территорий, столь быстро ушедших из ареала эллинского воздействия, даже несмотря на большое количество греческих полисов в Иллирии.

Одной из наиболее привлекательных черт римской государственности в период Империи было умение превращать вчерашних врагов в нынешних сограждан. Чужих — в своих. Цивилизаторская миссия Рима в Иллирии несомненно присутствовала, даже на уровне смягчения нравов аборигенов, включенных в орбиту римской цивилизации.

Разумеется, римская культура была выше, но в любом случае феномен столь быстрого «оримливания» варваров-иллирийцев еще ждет своего объяснения.

В. В. Дементьева (Ярославль)

QUAESTORES PARRICIDII АРХАИЧЕСКОГО РИМА: ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОЛЖНОСТИ

С упоминаемой в источниках должностью *quaestores parricidii* тесно связаны принципиальные проблемы изучения римской публично-правовой системы раннего времени, — во-первых, осуществления уголовного судопроизводства в архаическом Риме, а во-вторых, происхождения республиканской магистратуры квесторов.

В числе вопросов, требующих исследовательского ответа, — определение времени возникновения *quaestores parricidii*. Он должен предварять ответы на другие вопросы, включая вопрос о связи паррицидных (уголовных) квесторов с эзрными (городскими) квесторами.

Исследователи обычно рассматривают свидетельство источников о времени возникновения «квестуры вообще», находя в античной традиции две линии — отнесение создания квестуры к царской эпохе и фиксирование ее появления в начале Республики. Представляется, что для более адекватного решения названных вопросов следует вычленивать показания источников о времени создания именно уголовных квесторов, рассмотрев те данные традиции о них, где имеется хронологическая привязка.

Дионисий Галикарнасский, Ливий и Плутарх, определяемые в историографии как представители второй линии в датировке возникновения квестуры (начало Республики), не помогают решить вопрос о времени возникновения собственно паррицидных

квесторов. Варрон (L.L. V.81) связывает квесторов и с судебными, и с казначейскими функциями, но также не датирует их появление (в любом качестве).

Фест отмечает, что паррицидными квесторами назывались те, которые обычно выбирались для рассмотрения уголовных дел, поскольку паррицида — тот, кто убил не только отца, но и любого не осужденного судом человека. В доказательство своих слов Фест ссылается на закон Нумы Помпилия, тем самым косвенно свидетельствуя в пользу царского времени возникновения таких должностных лиц, хотя прямо об этом он не говорит.

Ульпиан (Dig. I.13.1.1,2) связывает появление квестуры с царской эпохой, не используя при термине *quaestores* слово *parricidii*, но ясно указывая, что это были следователи, и по способу расследования (*quaerendi*) они носили название квесторов. Эту информацию Ульпиан почерпнул, по его отсылке, у Юния, Требация и Фенестеллы. Ульпиан не соглашается с Юнием Гракханом, что два квестора были уже у Ромула и Нумы Помпилия, считая, что это сомнительно, но сомнений в наличии квесторов при Тулле Гостилии у него нет, т.к. «действительно древние чаще пребывали во мнении, что Тулл Гостилий первым ввел в государстве квесторов». Ульпиан говорит, таким образом, о времени появления именно уголовных квесторов в царскую эпоху.

Тацит (Ann. XI. 22) пишет о царской эпохе при датировке появления квесторов, но не уточняет, с ка-

кими функциями они возникли. Однако он указывает, что о квесторах говорилось в куриатном законе об империи, который принимался в отношении царей, а Луций Брут при установлении Республики подтвердил его необходимость для консулов. Более вероятно, за этим стояло понимание функций квесторов в судопроизводстве, ибо гражданская сфера действия империя в римских представлениях — прежде всего судебная.

Помпоний (Dig. I.2.2.23) относит *quaestores paricidii* к началу Республики, употребляя и термин для их названия, и называя функции расследования тяжких преступлений, одновременно четко определяя причиной их введения закон о провокации к народному собранию в отношении решений консулов о жизни и смерти граждан. Если признать правоту современных исследований (С. Тондо, Б. Санталочия, Л. Л. Кофанов и др.), что провокация появилась еще в царскую эпоху, то отмеченная у Помпония связь возникновения квестуры с *provocatio* вполне может

указывать и на создание должности уголовных квесторов в это время.

Итак, Ульпиан использует название должности *quaestores paricidii* и относит ее появление к царскому времени, Фест называет данных магистратов тем же словосочетанием и косвенно указывает на то же время их появления, Тацит — прямо свидетельствует о царской эпохе возникновения квесторов, но лишь косвенно мы можем судить о том, что, вероятно, имелись в виду должностные лица, участвовавшие в судопроизводстве. Лишь Помпоний непосредственно связывает возникновение *quaestores paricidii* с началом Республики, но его дополнительная информация о них дает нам основание также усматривать реальную возможность более раннего их появления.

Суммируя анализ сведений источников о времени возникновения уголовных квесторов, можно сделать вывод, что наиболее вероятным было их появление в царскую эпоху.

Т. А. Дробилко (Харьков)

ВЛИЯНИЕ ГРЕЧЕСКИХ И ВОСТОЧНЫХ ТРАДИЦИЙ НА КУЛИНАРНЫЕ И ЗАСТОЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ РИМЛЯН в III—I вв. до н. э.

Знакомство жителей Италии с греками и заимствование у них многих традиций началось с колонизации греками юга Италии. Греки научили коренное население возделывать оливу и искусству приготовления вина (впоследствии римляне превзошли в этом своих учителей). Помимо греков сюда прибыли и финикийцы, научившие выращивать финиковую пальму и гранатовое дерево.

Первоначально пища римлян, как впрочем, и всех древних была простой и однообразной. Основой ее была пшеница, которую по греческой традиции ели вареной в виде своеобразной каши. Также приготавливали густую, круто сваренную кашу из полбы, проса, ячменя или бобовой муки, ставшей своего рода национальной едой италиков. Добавлением к такому рациону служили овощи, оливы, пряные травы, рыба и, по возможности, небольшое количество мяса. Десертом служили сушеные плоды фруктовых деревьев. Пили вино и некоторые виды напитков.

Захватнические войны III—II вв. до н. э. принесли Риму не только новые территории и большие массы рабов. Вместе с небывалым притоком богатств в Италию вливаются широким потоком обычаи богатой и утонченной культуры Греции, эллинистического Востока и Северной Африки. Особенно ярко это выражено в I в. до н. э. Восточные традиции римляне сначала восприняли опосредованно через греков, у которых эти изменения произошли намного раньше под влиянием моды и обычаев, царивших в греческих колониях, где уровень жизни был намного выше. Позднее, с расширением территории Рима на Восток, восприятие восточных традиций римлянами стало непосредственным.

Изменения коснулись и римской кухни. Кардинально меняется не только время приема пищи, но

и число, а также и качество подаваемых блюд. На столах богачей появляются неизвестные ранее продукты, приготовление которых требовало специальных знаний и искусного мастерства. Поэтому в богатых домах содержали большое количество поваров и их помощников. Римские авторы переводят на латинский язык гастрономические произведения греков, в которых содержались рецепты приготовления изысканных блюд. Большой популярностью среди высших слоев римского общества пользуются греческие вина, особенно с о. Хиос, Лесбос, Родос и т. д. Распространился греческий обычай симпозионов, на которых избирали симпозиарха, определявшего меру питья. Три ложа, составленные по греческому обычаю, в виде буквы «П», на которых располагались пирующие с гладковыбритыми, по тогдашней греческой моде, подбородками. Для увеселения гостей содержали певцов, танцоров, актрис и т. д. Переняли римляне и восточный обычай возлежать на левом локте за столом. Также в рационе римлян появились новые продукты и специи, привозимые с Востока. Иногда по египетскому обычаю, в зал, где проходило пиршество, вносили скелет, чтобы напомнить гостям о смерти и поощрить их наслаждения жизнью.

Заимствование римлянами греческих и восточных традиций началось еще со времен колонизации греками и финикийцами юга Италии. Но особенно ярко этот процесс прослеживается в III—I вв. до н. э., когда Рим превращается в самую могущественную державу Средиземноморья. Восточные обычаи римляне первоначально воспринимали опосредованно через греков, а впоследствии, с расширением контактов на Восток, это заимствование стало непосредственным.

А. Л. Зелинский (Киев)

TERMINUS POSTQUEM ДЛЯ ВОССТАНИЯ АЛЕКСАНДРА КОРИНФСКОГО

Камнем преткновения при датировке восстания Александра сына Кратера против Антигона Гоната (ок. 250–249 гг. — здесь и далее — до Р. Х.) по сей день является анекдот, переданный Плутархом в жизнеописании Арата. Его смысл заключается в том, что Антигон, пребывая в Коринфе, всячески пытался завоевать расположение сикионского правителя, после путешествия последнего в Александрию к Птолемею Филадельфу (Plut. Arat. 15). Исходя из этого свидетельства Плутарха, Коринф находился в руках царя Македонии в течение неопределенного времени после возвращения Арата из Египта, что не только затрудняет определение даты восстания Александра, но и сводит на нет даже сами попытки хотя бы приблизительного выявления *termini postquem* для этого события.

Мне представляется возможным приурочить вышеупомянутый анекдот к Истмийским играм, проводимым в Коринфе в апреле/мае 250 г. Античная традиция сохранила свидетельства, говорящие об особом отношении Гоната к священным играм, проводимым раз в два года на Истме. Кроме того, о некоем сакральном подтексте, сопряженном с вышеуказанным пребыванием Антигона в Коринфе, свидетельствует упоминание Плутарха об активном участии царя в жертвоприношениях, а также — в непосредственно связанном с ними банкете.

Приурочиванию визита Антигона в Коринф к Истмийским играм 250 г. не противоречит и хронология событий, произошедших в регионе с момента государственного переворота, совершенного Аратом в Сикионе (май 251 г.) и до возвращения этого политического деятеля из Египта. В этой связи мне представляется следующая хронологическая конструкция:

1. Май 251 — Арат при полном безразличии со стороны Антигона и Птолемея свергает сикионского тирана Никокла.

2. Май–ноябрь/декабрь 251 — Арат возвращает в Сикион изгнанников; вступает в Ахейский союз, чем настраивает против себя Антигона; ведет переговоры с Египтом; получает от Птолемея 25 талантов; выку-

пает пленных сикионян. Ориентировочно, в это же время умирает Кратер и македонским наместником в Коринфе становится его сын Александр, который на первых порах сохраняет лояльность по отношению к Гонату.

3. Ноябрь–декабрь 251 — в Сикионе назревает внутренний конфликт из-за имущества изгнанников; Арат, невзирая на позднюю осень или зиму и на македонский контроль над Эгеидой, спешит (Cicero, De Off. II, 82) в Александрию за деньгами для урегулирования имущественных споров.

4. Январь–февраль 250 — Птолемея, вероятно не без расчета на союз с Александром Коринфским и на преданность Арата, занимается усилением египетского флота (SB, 9215) для операций в Эгеиде; Арат добивается финансовой помощи от Филадельфа и, вероятно, не дождавшись торжеств по случаю дня рождения царя (февраль/март), возвращается на родину с частью египетского золота.

5. Март/апрель 250 — Арат закладывает основу для успешного урегулирования сикионского кризиса, чем упрочивает свои позиции как правитель полиса; Антигона тревожит рост авторитета Арата и установление прочных египетско-сикионских связей.

6. Апрель/май 250 — Антигон приезжает по случаю Истмийских игр в Коринф, где в пику Египту, а возможно, и в виду возникшей напряженности в отношениях с Александром, пытается завоевать симпатии Арата.

7. Июнь 250—первая половина 249 (предпочтительно лето/осень 250) — Александр провозглашает себя независимым правителем; Птолемея, вероятно в непосредственной связи с этим событием, восстанавливает египетское присутствие в Эгеиде.

Таким образом, приурочивая события, рассказанные Плутархом, к истмийским играм 250 г., мы не только устраняем неопределенность в вопросе датировки восстания Александра Коринфского, но и получаем достаточно точный *terminus postquem* для этого исторического события.

О. М. Ильина (Харьков)

КУЛЬТ ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ БОГОВ КИБЕЛЫ В ИОНИЙСКИХ ПОЛИСАХ ЗАПАДНОГО ПОНТА В РИМСКИЙ ПЕРИОД

Особое положение в религии античного мира занимает культ Великой Матери богов Кибелы. Тема этой работы не получила полноценного освещения в специальной литературе, при том что ее затрагивали едва ли не все исследователи, оставившие общие труды по античной религии. В отечественном антиковедении культ Кибелы, как и восточные культы в целом, не фигурировал в качестве самостоятельного объекта изучения. Тем не менее, в многочисленных исследованиях, посвященных проблемам античной религии и культуры, в той или иной степени были отражены некоторые вопросы, связанные с восточными культами в римский период.

Изучение культа Кибелы сопряжено с определенными трудностями, обусловленными характером источниковой базы. Источники по культу весьма многочисленны, разнообразны, но фрагментарны. Археологические, иконографические источники являются чрезвычайно важными в исследовании истоков культа, ибо именно они позволяют предположительно реконструировать древнейшие религиозно-мифологические представления человечества.

Малоазийские культы пользовались в западно-понтских полисах в римский период большой популярностью. В ионийских полисах Дионисополе,

Томи и Истрии культ Кибелы еще с эллинистических времен имел официальный характер и сохранил свое положение в пантеонах в римское время. Вероятно, он был принесен горожанами из метрополии и еще там приобрел эллинистические черты. В ионийском полисе Одессосе культы Кибелы и Аттиса в эллинистический период не прослеживаются в официальном пантеоне. В римский период рассматриваемые культы в Томи и в Истрии приобретают государственное значение, что, с одной стороны, было связано с историческими, религиозными традициями полиса, а с другой стороны — идеоло-

гическими тенденциями в религиозной политике Римской империи.

В Аполлонии официальный характер культа Великой богини подтвержден немногочисленными нумизматическими источниками, что позволяет предполагать введение культа Матери богов в официальный пантеон полиса в знак лояльности к идеологии официального Рима.

Универсальность малоазийских культов, очевидно, и предопределила популярность рассматриваемых божеств в греческих полисах Западного Понта в римский период.

С. С. Казаров (*Ростов-на-Дону*)

ЗАХВАТ КАМΠΑНЦАМИ РЕГИЯ

(об одном малоизвестном эпизоде времен Пирровой войны)

Накануне прибытия Пирра в Италию на юге Апеннинского полуострова сложился узел противоречий, в который оказались вовлечены все сколько-нибудь значимые сила региона — Тарент, Рим, Регий, Локры, варварские племена бруттиев и лукан, а также прибывший на помощь грекам эпирский царь Пирр.

После битвы при Геракле, когда вся Южная Италия перешла на сторону Пирра, римский легион в Регии, состоявший из кампанцев, по примеру мамертинцев поднял мятеж, перебил все мужское население и установил в городе свое господство. Однако позднее римляне выступили против этого легиона, и жестоко покарав его, восстановили там римское господство. Об этом мятеже мы неплохо осведомлены благодаря сохранившейся античной традиции (Polyb. I.7.6–13; Diod. XXII. 1.2–3; Liv. Per. XIII; Dionys. XX. 4–5; App. Samn. 9; Dio frg. 7–12; Oros. IV.3.3–5; Val. Max. II. 7.15). Однако относительно времени появления кампанского гарнизона в Регии в источниках имеются некоторые противоречия. Если Полибий и Диодор относят его появление ко времени прибытия Пирра в Италию, то Дионисий, наоборот, связывает его появление с просьбой горожан защитить их от набегов бруттиев и лукан, а именно к 282 г. до н. э. Подобным образом разделились мнения и среди исследователей: если К. Ю. Белох основывает свои рассуждения на данных Дионисия, то О. Гамбургер отдает предпочтение данным Полибия. С одной стороны, маловероятно, что жители Региа могли обратиться к римлянам с просьбой защитить их от Пирра, прибывшего сюда под лозунгом защиты всех греков. Именно после битвы при Геракле римский гарнизон в Локрах был изгнан горожанами, и здесь может проследиваться определенная историческая аналогия. Еще один важный аргумент: когда римская эскадра появилась в гавани Тарента, она должна была непременно иметь надежную базу для стоянки флота,

и такой базой вполне мог быть Регий. С другой стороны, О. Гамбургер отдает предпочтение данным Полибия, которые, по его мнению, производят более благоприятное впечатление, в отличие от проримских данных Дионисия. Интересна выдвигаемая Полибием причина, побудившая кампанцев к мятежу: зависть к горожанам и желание наслаждаться их роскошью и богатством. Более того, у них перед глазами был пример мамертинцев, которые подобным образом захватили власть в Мессане, живя за счет горожан и долгое время оставаясь безнаказанными. Значительно разнятся сведения источников и о численности кампанского легиона. Полибий называет цифру 4000 человек, Дионисий — 1200. Слово «легион» нужно понимать здесь в известном его значении, но никак не в раннем его смысле, как отряд или подразделение. Здесь нужно отдать предпочтение данным Полибия, ибо с 4 тысячами было гораздо легче рассчитывать на успех. По нашему мнению, не подлежит сомнению один немаловажный факт: гарнизон кампанцев не предпринимал против Пирра и его союзников никаких враждебных действий, в противном случае эпирский царь непременно предпринял бы против них меры военного характера.

Перейти к решительным действиям против мятежного гарнизона римляне смогли только после окончания войны с Пирром. Последней каплей терпения римлян могло быть то, что кампанцы напали на соседний Кротон, изгнав оттуда римский гарнизон. Зонара сообщает, что римляне в своих действиях против Региа были вынуждены заручиться поддержкой мамертинцев, хотя это все же маловероятно. Против кампанцев выступил консул Генуций, который захватил Регий, а мятежных воинов направил в Рим, где они были с позором обезглавлены. Таким образом, овладение Регием явилось заключительным аккордом Пирровой войны и завершением полного покорения Южной Италии Римом.

С. Г. Картюк (*Москва*)

АФИНСКИЕ ПИСЦЫ

Роль писцов в культурах древнего Ближнего Востока широко известна. Однако и в Афинах еще с архаических времен надписи фиксируют существование специального должностного лица — «писца» (*grammateus*), которого современные исследователи

обычно называют «секретарем (*secretary*)». История развития этой магистратуры впервые была подробно рассмотрена еще в конце XIX в. знаменитым американским историком и эпиграфистом Уильямом Фергюсоном.

Если суммировать результаты предшествующих исследований, складывается следующая картина. Первые секретари появляются в Афинах еще в период тирании, но об их функциях мы можем только предполагать.

Очевидно, уже в середине VI в. афинские должностные лица нуждались в записях: две надписи этого периода упоминают лиц, которые служили другим официальным лицам в качестве секретарей, *grammateis*. Их обязанности не были определены, но, возможно, как позднейшие секретари, они набрасывали различные документы и следили за расходами должностных лиц. С середины V в. до н. э. в афинских надписях появляется «секретарь Совета». В кратковременные периоды приостановки функционирования демократического государственного устройства функции всех этих должностей выполнял «регистратор» (*anagrapheus*). Литературные источники дают немного информации.

Поскольку наши сведения об афинских писцах весьма скудны, можно попробовать использовать возможности социальной антропоники и провести статистический анализ собственных имен афинских писцов. Имена секретарей, которые ведали изданием декретов, сохранились в афинских надписях. При анализе комплекса имен афинских писцов учитывались собственные имена как писцов разных категорий, так и их помощников (*синграмматеев*, *гипограмматеев*), которые также встречаются в надписях, хотя и редко. Для анализа специально подсчитывались имена с корнями *dem-* и *arist-*, пропорция которых в том или ином ономастическом комплексе может характеризовать «обычность» или «необычность» социального состава данного комплекса (обычная пропорция имен с корнем *dem-* среди афинских граждан в надписях V—IV вв. до н. э. составляет приблизительно 4,5%, с корнем *arist-* — 3,3 %). Следует отметить,

что выявляемое в больших ономастических комплексах значительное отличие от среднего показателя имен с корнем *dem-* свидетельствует о «специфичности выборки», о неких социальных либо культурных отличиях данной группы от основной массы афинских граждан.

В результате элементарного статистического анализа 301 имени афинских писцов с середины 450-х годов по конец 320-х годов выяснилось, что доля имен с корнем *dem-* в этом списке оказалась удивительно низкой (всего лишь 2,7 %), причем именно к концу IV в. доля имен с корнем *dem-* в надписях этого типа снижается. Что же касается имен с корнем *arist-*, то их доля среди писцов (3,0 %) мало отличается от средне-статистической по всему гражданскому коллективу.

Данные антропоники неопровержимо свидетельствуют о заметном отличии секретарей от основной массы афинских граждан, а еще больше — от наиболее социально активных сторонников демократии. Если судить по собственным именам, афинские писцы/секретари гораздо ближе к членам тиасов, религиозных объединений. Не означает ли это, что мы имеем дело с особой социальной группой, отгороженной некими культурными рамками? Хотя сама система выборов афинских секретарей (нередкая жеребьевка), на первый взгляд, должна была препятствовать подобной «потомственной специализации», но при более внимательном рассмотрении открывается более сложная картина. Демократическая система не препятствовала образованию и функционированию обслуживающих ее «элитарных» социальных групп. Впрочем, система контроля за ними, исходившая от народного собрания или других демократических институтов, позволяла держать «слуг народа» на коротком поводке.

В. А. Квашинин (Вологда)

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ «СРЕДНЕЙ» РЕСПУБЛИКИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В учебной литературе прочно утвердилось мнение о том, что после окончания Ганнибаловой войны Рим окончательно приобретает черты «полноценной» средиземноморской державы, что нашло свое выражение в создании развитого рабовладельческого хозяйства, проникновении эллинистической культуры, внедрении новых, более изощренных форм быта, углублении имущественной дифференциации и т. д. Обоснованием этой точки зрения служит разработанная еще в античности теория «упадка нравов», которая к выделенному временному отрезку относит начало процесса разложения традиционных норм и ценностей под воздействием чужеземных нравов, роскоши, чрезмерного богатства. В данной связи возникает соблазн видеть в отмеченных античной традицией изменениях жизни римской общины ее окончательное расставание с общественной и культурной архаикой и приобщение к кругу высокоразвитых цивилизаций Средиземноморья.

Следует отметить, что оценка античных авторов в целом была принята исторической наукой Нового времени. В историографии достаточно давно при-

сутствует представление о том, что временем расцвета Римской республики является первая половина II в. до н. э. Время между 200 и 146 гг. до н. э. было даже обозначено по аналогии с историей древних Афин как «золотой век» республики. Как можно заметить, хронологически он совпадает со временем расцвета полисной структуры Рима. Вместе с тем, в отечественной научной и учебной литературе господствует бинарная хронологическая модель республиканского периода истории древнего Рима, выделяющая периоды «ранней республики» и «поздней республики». По всей видимости, она была заимствована из немецкой историографии, где следы подобного хронологического членения римской истории встречаются по настоящее время. Однако эта модель явно не соответствует уровню современных представлений об истории Республики. Легко заметить, что в результате такого деления выпадает целый период, связанный со становлением и расцветом в Риме структур гражданского общества, поскольку, по сути, содержанием эпохи «ранней республики» является рождение нового социально-

го организма — *civitas* в условиях кризиса архаических принципов организации общества, тогда как эпоха «поздней республики» связана с затяжным структурным кризисом римской гражданской общины, закончившимся переходом от республиканского устройства к системе Принципата. Поэтому в работах зарубежных исследователей, к примеру, пишущих на английском или итальянском языках, отдельно выделяется период «средней республики», относящийся к IV—II вв.

Таким образом, историческая эпоха, обозначенная принятием закона Лициния — Секстия в 367 г. до н. э. и заканчивающаяся в преддверии гракханского кри-

зиса 130-х гг. до н. э., обретает статус полноценного исторического периода, что выглядит вполне логично, если рассматривать историю Рима не с точки зрения эволюции политической организации (критерий, лежащий в основе традиционного членения римской истории на царский период, период республики и период империи), а развития структур и институтов гражданского общества. Помимо прочего, это позволяет объяснить парадокс, на который указывал еще Р. Ю. Виппер, связанный с тем, что территориально Римская империя сложилась уже во II в. до н. э., а политическое оформление получила только в конце I в. до н. э.

О. М. Конорева (Белгород)

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ЖЕНСКИХ КУЛЬТАХ И ПРАЗДНИКАХ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Ранняя римская религия высоко ставила женщину: благоденствие государства находилось в руках девственниц-весталок, охраняющих вечный огонь на алтаре Весты. Поэтому среди культов и празднеств, связанных с женщинами, особо выделяются Весталии. О самой богине, празднестве и весталках много писали античные авторы (Cic. Leg. II. 12.29; RP.HI. 10.17; De or. E.27.67; Nat. pi or. IH.32.80; Gell. I.12; X.15.31; Ovid. Fast. VI. 249; Fest. P. 296; 297; 320; 466; 468; Dionys. Hal. II. 65-67). День Весталий — 9 июня. Веста относится к древнейшим богам. Еще при царе Нуме культ Весты стал играть централизирующую роль, и с самого начала республики превратился в общеримский государственный. В соответствии с этим и весталки стали государственными жрицами (*sacerdotes*). Весталки входили в число *personae sui iuris* (Gell. I.12.9; VII.7.2).

Култ Ларов, богов — покровителей дома и семьи, также находился на попечении женщин; в доме отца девушка следила за тем, чтобы не потух огонь в очаге, и собирала цветы, которыми украшался очаг; первая жертва, которую новобрачная приносит в доме мужа — жертва Ларам ее новой семьи.

Праздником в честь женщин были Матралии (Ovid. Fast. VI. 475). Они справлялись 11 июня (*ibid.* 473) и отличались архаическими ритуалами (*ibid.* 480–481). Матралии были посвящены богине утренней зари Матер Матуте (Fest. Matralia. P. 113), несущей добро (Fest. Mater Matuta. P. 154). В жертву ей приносили простые пироги, испеченные по-деревенски в глиняной посудине (Ovid. Fast. VI. 531; Varro. LL. V. 106). Храм Матер Матуты был возведен Сервием Туллем и перестроен при Камилле в IV в. до н. э. (Liv. V.19.6; Ovid. Fast. VI.480). Ради семейного счастья Матер Матуте жертвовали, как засвидетельствовали археологи, изображения половых органов и женщин с детьми. Особенностью Матралий было то, что в них принимали участие исключительно женщины, состоявшие в браке единожды (Tert. Monog. 17: *matronae univirae*).

Кроме празднеств, посвященных специально матронам, были и такие, что праздновались в честь бо-

жеств — покровительниц женщин. Важнейшей среди них стала Юнона, первой функцией которой было покровительство браку, родовспоможение (Ovid. Fast. III, 245–258).

Аналогичные благодеяния женщинам оказывали и другие божества. 11 июня справлялся ритуал богини Фортуны. В древнейшее время Фортуна была женской богиней плодородия и материнства, позднее она стала богиней Судьбы, Удачи. После случая с матерью и женой Кориолана она почиталась как божество Женского счастья. Овидий (Fast. IV. 145–155) рассказывает, что женщинам следует курить ладан и умолять Фортуну Вирилис, чтобы она скрывала от глаз мужей их физические недостатки.

Особым женским культом был культ Доброй Богини. Священнодействия проходили в несколько этапов, в разных местах и при участии одних женщин. Особую роль среди них играли жены и матери высших магистратов, в чьем доме начинались сакральные действия. Исходя из переданного Фестом названия священнодействия Дамиевым (Fest. Demium. P. 60), Добрая Богиня обеспечивала плодородие земле, растительности, женщинам. Ведь Дамия известна в греческой мифологии как богиня именно с такими функциями.

Значительное место в обществе занимали фламимики — жены фламينا Юпитера, патрицианки. В священнодействиях они участвовали вместе с мужем. Развод для обоих был запрещен. Выделяет фламимику среди прочих женщин то, что после ее смерти муж терял свой жреческий сан. Это был «священный брак», от которого зависели судьбы общины: плодородие ее полей, размножение стад, рождаемость. Flamen Dialis лишь как супруг богини плодородия или ее заместительницы-жрицы обладал своей сакральной властью. Фламимику же, и будучи в браке, оставалась под властью отца.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в сакральной сфере женщина сохранила свободу и авторитет, а ее участие в публичных священнодействиях (*publica sacra*) позволяло ей ощущать себя полноценным членом римской гражданской общины, *civitas*.

Е. В. Литовченко (Белгород)

ОСОБЕННОСТИ СТАТУСНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЗДНЕРИМСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Позднеантичная эпоха на латинском Западе в силу консерватизма традиции и активной транзитивности представляет для нас особый интерес в «человеческом измерении», сквозь призму мировосприятия наиболее характерных представителей ее культуры, к примеру, галло-римского литератора и епископа Сидония Аполлинария (ок. 430–480 гг.).

Именно римская образованная знать была главной силой, сохранившей классические традиции и передавшей ее преемникам, что, впрочем, не помешало им принимать христианство, а также занимать высшие посты в церковной иерархии.

Слой образованной элиты был немногочисленным и достаточно замкнутым в силу того, что интеллектуальным творчеством могли заниматься люди, имеющие солидное состояние. Несомненно, каждый представитель данного слоя обладал рядом признаков, позволявших им идентифицировать себя как истинных римлян, а также представителей особого микросоциума — образованной знати, узкого круга ценителей прошлого.

Высшая образованная знать позднего Рима имела все основания для того, чтобы гордиться своей принадлежностью к империи, даже после того, как последняя прекратила свое существование. Эти основания веками вырабатывала имперская идеология для того, чтобы римляне имели четкие критерии своей идентификации, отличий от остального «неримского» мира.

Общая идеология Римской империи, «имперская идея» задавала категории престижности в римском обществе. Такими категориями для истинного римского гражданина являлись: знатность рода; богатство, земельные владения; служение государству; риторическое образование; красноречие, ораторское искусство; занятия литературой.

Эти категории не только не потеряли своей значимости в период поздней античности, но и приобрели актуальность: на пороге окончательной утраты военнополитического влияния римляне стремились противопоставить окружающему миру свои высшие ценности и традиции, держась за них, как за надежный якорь.

В прямой связи с «имперской идеей» находились внешние регалии власти римских императоров и се-

ната — инсигнии, которые вкупе с древними латинскими традициями должны были служить усилению верноподданнических отношений граждан государства (царская мантия — трабея (trabea), lituus — царский жезл, курульное кресло (sella curulis) и др.).

Самыми значительными римскими «имперскими» традициями, которые с некоторыми изменениями существовали все позднеантичное время, несомненно, выглядят знаменитые римские игры (ludi) и зрелища, триумф, посещение терм и ритуал застолья. Сведения о том, что древние обычаи римлян имели место в позднеантичную эпоху и играли важную роль в повседневной жизни, зафиксированы в трудах не только светских, но и христианских авторов (Aus. Opusc.; Sid. Epist.; Aug. Confess.; etc.).

Данные элементы римского традиционализма являлись составляющими так называемой «статусной» самоидентификации представителей латинского позднеантичного общества, которая позволяла римской интеллектуальной элите эпохи соотносить свое положение с принятыми в обществе категориями престижности.

Этническая самоидентификация, или дихотомия «свой-чужой», также вытекающая из «имперской идеи», являлась еще более важным моментом в менталитете римского гражданина.

Элементы «статусной» и «этнической» самоидентификации римской высшей знати играли даже, пожалуй, более серьезную роль именно в период поздней античности, когда сущность человека определялась через его общественное положение, сословный статус, род занятий, а не его индивидуальные качества; все действия такой личности были направлены на получение одобрения сограждан.

Позднеримская культурная элита, воспитанная в большинстве случаев на литературных примерах древности, преклонявшаяся перед традиционной римской системой ценностей, каждому событию современной действительности находила аналогии в великой истории Рима. В системе символов, значительных для этого узкого круга хранителей прошлого, главным оставался «вечный Рим» (aeterna Roma).

С. Д. Литовченко (Харьков)

ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ТРЕТЬЕЙ ВОЙНЫ РИМА С МИТРИДАТОМ VI

Римско-армянская война 69–66 гг. до н. э., которая привела к падению империи Тиграна II, вошла в историю древнего мира как один из символов политической и военной неэффективности азиатских деспотий в борьбе с Римской республикой. Множество нареканий вызывают, в первую очередь, отказ Тиграна II от помощи своему союзнику Митридату VI и совершенная неготовность Великой Армении к неизбежной войне с Римом. Учитывая множество противоречий, существовавших

между Римом и Арменией, отказ Тиграна II от поддержки Митридата VI позволил многим исследователям охарактеризовать армянского царя как недальновидного правителя. Армянские историки, стремясь оправдать Тиграна II, доказывали, что царь Великой Армении осознавал римскую угрозу, но объективные обстоятельства не позволили ему оказать помощь Митридату.

На наш взгляд, обе версии неполностью раскрывают особенности внешнеполитических отношений

в регионе в первой половине I в. до н. э. Бездействие Тиграна II может быть объяснено тем, что армянский царь сохранял надежду на предотвращение столкновения с Римом. В качестве союзника Митридата VI правитель Армении не представлял опасности для римлян, так как старательно избегал прямого столкновения с Римом в ходе предыдущих войн. К тому же, сохранение армяно-понтийского союза в период третьей Митридатовой войны представляется маловероятным.

Определенное влияние на позицию Тиграна II могло оказать и отсутствие у Лукулла полномочий на войну с Арменией. Так как широко известная практика римлян не позволяла полководцам самостоятельно начинать войны без согласования с сенатом, армянский царь мог надеяться, что война с Понтом не повлечет войну с Арменией. Речь Луция Лукулла, помещенная у Плутарха, показывает, что римляне не считали Тиграна II реальным союзником Митридата VI (Plut. Luc., 14). События 90–70-х гг., особенно Дарданское соглашение, свидетельствовали о том, что римляне были готовы к мирному решению спорных вопросов, если противник не демонстрировал или прекращал демонстрировать агрессивность. Очередной отказ Тиграна II от помощи Митридату VI мог стать для римлян твердой гарантией миролюбивой позиции армянского царя.

Следовательно, можно предположить, что Тигран II остался верен устоявшейся практике невмешательства в римско-понтийский конфликт. Царь Армении не видел необходимости в нанесении превентивного удара по Риму и, тем более, не собирався вступать в захватническую войну на Западе в условиях конфликта в Южной Сирии и постоянной угрозы с Востока.

Хотя бегство Митридата VI в Армению после поражения от римлян изменило ситуацию на Востоке, Тигран II остался верен своей прежней политике. Царь Великой Армении не только не помог своему тестю Митридату VI, но фактически подверг его аресту. Даже открытые угрозы Луция Лукулла не заставили армян-

ского царя готовиться к войне. Тигран II, зная, что у Лукулла нет полномочий на ведение войны с ним, опасался дать повод римскому полководцу напасть на Великую Армению.

Утверждение Плутарха о том, что Лукулл вынужден был упредить наступление Тиграна II и Митридата VI в начале 69 г. до н. э. через Киликию и Ликаонию в Азию (Plut. Luc., 23), представляется не более чем слабой попыткой оправдать неспровоцированное нападение римлян на Великую Армению. Во-первых, наступление против римских войск через Киликию менее эффективно, чем прямое вторжение в Понт, где Митридат все еще сохранял влияние. Важно отметить, что по версии Мемнона, впоследствии Тигран предоставил Митридату 10 000 солдат для вторжения именно в Понт (Memn., 55, 1). Во-вторых, после вынужденного отступления Лукулла из Армении армии понтийского и армянского царей вторглись в Понт и Каппадокию соответственно, но не в Киликию и Азию (Plut. Luc., 34–35; Dio Cass., XXXVI, 9, 1). В-третьих, наступление Луция Лукулла застало Тиграна II не в равнинной Киликии, откуда было логично вести наступление против римской провинции, а в Тигранакерте (Plut. Luc., 25). Наиболее значимым возражением против версии Плутарха можно считать отсутствие у Тиграна II армии, подготовленной для вторжения, так как известие о наступлении римлян заставило армянского царя направиться вглубь страны для сбора сил (Memn., 56, 3; Plut. Luc., 25; App. Mithr., 83). Действия Тиграна II, таким образом, не могли служить поводом для вторжения Луция Лукулла.

Однако Тигран II ошибся в своих расчетах, так как недооценил стремительные изменения, прошедшие в Римской республике в первой половине I в. до н. э. Зависимость римских полководцев от решений сената значительно уменьшилась, и Луций Лукулл напал на царство Тиграна II без одобрения своих действий в Риме. Именно поэтому, на наш взгляд, Великая Армения оказалась совершенно не готова к отражению вторжения римских легионов.

С. Монева (Велико Тырново, Болгария)

АРЕОПАГ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Афинский Ареопаг — во многих отношениях уникальный институт в истории античности. Ведущий свое начало с незапамятных для афинян времен, окруженный ореолом мифов и легенд, этот Совет прошел через все периоды формирования, развития и упадка Афинского демократического полиса, не только не утратив своего авторитета, но даже укрепив его, оставаясь своеобразным островом стабильности в многократно изменявшемся государственном устройстве. Его поразительная устойчивость и долговечность иногда служат поводом для того, чтобы связывать Ареопаг исключительно с понятиями «аристократия», «консерватизм» и «олигархия». Однако внимательное рассмотрение этих закрепившихся за Советом характеристик приводит к новым наблюдениям и выводам.

Способ формирования Совета резко контрастировал с общим духом Афинской демократии. Вместо обычных для нее жребия и хиротонии пополнение состава Ареопага осуществлялось путем кооптации бывших архонтов, причем полномочия ареопагитов были пожизненными. Это является одной из основных причин того, что Ареопаг считается постоянной опорой аристократов-евпатридов. Однако его состав необходимо исследовать, учитывая изменения во времени, а также то обстоятельство, что судьба Совета была неразрывно связана с эволюцией архонтата. Любые изменения в способе избрания архонтов непосредственно отражались и на составе, и на роли Ареопага.

Очевидно, первая реформа состава Ареопага относится еще ко времени преобразований Солона. По сообщению Плутарха, мудрый афинянин учредил

Совет из ежегодно сменявшихся архонтов (Plut. Sol., 19, 1). До этого архонты, вероятно, избирались из евпатридов, но со времен Солона их избирали из демоса, и архонство было уже доступно для представителей первых двух имущественных разрядов. Следовательно, это была первая попытка расширить членство в Ареопаге.

Реформы Клисфена, насколько можно судить, не затронули Ареопаг. Но последствия этих реформ могли проявиться в постепенной естественной ротации Совета. В число ареопагитов начали вливаться видные политики, которые именно теперь часто становились архонтами. В результате в составе Ареопага оказались чуть ли не все ведущие политические деятели своего времени, лидеры основных соперничавших группировок. Аристократы были представлены, например, Мильтиадом, архонтом 524/523 г. до Р. Хр., но и демократы имели своего архонта-ареопагита в лице предводителя демократической «морской партии» Фемистокла, архонта 493/492 г. до Р. Хр. После того, как на 507/506 г. до Р. Хр. архонтом был избран племянник Клисфена Алкмеон, в Ареопаге сложилась группировка, сконцентрированная вокруг Алкмеонидов, видных лидеров демократического процесса. Эти перемены существенно изменили роль Ареопага. Из старинного судебного и контрольного института он все больше превращался в чисто политический орган. Это происходило не в результате законодательных мер, а исключительно в силу изменений в личном составе ареопагитов, среди которых свое место занимали и приверженцы демократических преобразований.

В 487 г. до Р. Хр. была проведена новая реформа, в результате которой на смену выбору архонтов посредством хиротонии пришло их избрание по жребию. Замещение должностей по жребию афиняне рассматривали как проявление демократической формы правления (см.: Plato. Resp., 8, 557a; Arist. Rhet., 1365b, 30). Это обстоятельство обусловило тот факт, что через определенное количество лет Ареопаг оказался почти полностью состоящим из более или менее случайных людей, не всегда связанных с текущей политикой, и, вследствие этого, он уже не мог играть прежнюю роль оплота аристократии. Возможно, введение жребия преследовало цель не допустить к власти новых активных политиков, для которых случайность выбора могла стать на пути к желанной должности непреодолимой преградой. В этом отношении красноречивым примером является случай с Периклом: когда он уча-

ствовал в выборах в архонты, жребий оказался к нему не благосклонным (Plut. Per., 9). Итак, осуществлявшийся наугад выбор, видимо, приводил иногда к включению в состав Ареопага лиц, которые не имели ничего общего с аристократическим происхождением.

Очередные изменения в составе Ареопага наступили после 457 г. до Р. Хр., когда к архонтату были допущены зевгиты, в соответствии с цензовой реформой Солона — представители третьего имущественного разряда. Данное преобразование показывает, что Совет оставался авторитетным и влиятельным органом, раз зевгиты, главная социальная база Афинской демократии, стремились к участию в его деятельности. Некоторые исследователи считают, что во времена Аристотеля Ареопаг был *de facto* открыт и для фетов. Политическая практика V и IV вв. до Р. Хр. оказала сильное влияние на аристократическое равенство Совета, его состав становился все более широким и из него постепенно вытеснялись традиционные сторонники олигархии в древних Афинах.

Изменения в составе Совета отразились на поведении и статусе Ареопага, что отчетливо проявилось во времена правления Тридцати тиранов. В этом плане особенно показательны два момента. Первый из них связан с отношением Совета к Ферамену, очевидно, игравшему главную роль в замене демократии олигархией (Arist. Athen. Pol., 34, 3; Diod. 14, 3, 2). Согласно оратору Лисию, в 405-404 гг. до Р. Хр. Ареопаг искал средства для спасения, был настроен против Ферамена и работал на пользу демократии (Lys., 12, 69). Второй момент свидетельствует о том, что тираны-олигархи, очевидно, считали Совет неблагонадежным, поскольку лишили его самого древнего из находившихся в компетенции Ареопага прав — вершить суд по делам об убийствах (Lys., 1, 30). Судя по этим эпизодам, Ареопаг не был соучастником олигархии, скорее, он активно защищал демократию и оставался ее опорой. Как бы то ни было, в результате тирании Ареопаг не утратил своей популярности, способ его формирования остался неизменным и от восстановленной демократии Совет получил право охранять законы (Andoc., 1, 84).

Таким образом, после 594–593 гг. до Р. Хр. Ареопаг ни в коем случае не следует автоматически рассматривать как консервативный и реакционный орган или как противодействовавший демократии институт. Этот Совет, который часто считают бастионом аристократии и консерватизма, изменился и был, скорее, памятником разума и гражданского долга.

К. Ю. Нефедов (Харьков)

О ЗАРОЖДЕНИИ КУЛЬТА ПРАВИТЕЛЯ В МАКЕДОНИИ: ФИЛИПП II И ГЕРАКЛ

Проблема истоков культа правителя — важнейшего феномена эпохи эллинизма — тесным образом связана с проблемой «обожествления» отца Александра Македонского, Филиппа. О его культовом почитании сохранилось мало свидетельств и все они не дают однозначного ответа на вопрос о том, удостоился ли Филипп уже при жизни сакрального почитания, аналогичного тому, каким пользовался Александр. В на-

учной литературе каждое из этих свидетельств неоднократно подвергалось детальному рассмотрению в контексте проблемы истоков культа правителей, но никто из исследователей не пытался дать этим разрозненным фактам целостную историческую интерпретацию.

Как представляется, подобная интерпретация должна исходить не из общих представлений о культе

правителя, а из особенностей македонской монархической идеологии эпохи Филиппа. Центральное место в ней занимала идея преемственности трона в роду Аргеадов и тесно связанный с этой идеей образ предка македонских царей Геракла. Очевидно, именно поэтому Филипп, который, по сути, узурпировал трон, с самого начала своего правления уделял повышенное внимание этому герою. Как показывают археологические раскопки, в столице Македонии Пелле Филиппом был возведен внушительных размеров героон, посвященный Гераклу Филакосу. В древней же столице — Эгах, сооружена грандиозная культовая гробница отца Филиппа Аминты III. Такими действиями Филипп пытался утвердить свою легитимность как законного царя.

После того как власть Филиппа вышла за пределы Македонии, культовое почитание начало распространяться и непосредственно на его персону. Уже в 359 г. культ Филиппа очевидно был учрежден в Амфиполе. Примечательно, что неподалеку от этого города в Пидне в то время отправлялся посмертный культ Аминты, к которому Филипп судя по всему и пытался приравняться по степени оказываемого почета. Возможно, уже при жизни Филиппу был посвящен теменос в Филиппах — первом городе в античном мире, названном по имени правящего царя.

Новый этап почитания Филиппа начинается после победы при Херонее. В Афинах в этот период изображение Филиппа было выставлено в святилище Геракла в Киносаргах, что свидетельствует о стремлении царя уподобиться уже непосредственно великому предку. Сам Филипп примерно в то же время возвел в Олимпии толос «Филиппейон», который был ана-

логичен по конструкции святилищу Геракла в Пелле. В этом сооружении располагались статуи Филиппа и членов его семьи, выполненные в технике, характерной для статуй богов. Однако культовые почести правителям здесь, как и в Афинах не воздавались. Тогда же в лесбосском Эресе, освобожденном войсками Филиппа от персидского владычества, был возведен алтарь «Зевса-Филиппоса», то есть Зевса — покровителя Филиппа, что опять говорит о стремлении провести параллель между Филиппом и Гераклом. Финальный акт чествования Филиппа приходится на 336 г. до н. э., когда на празднестве в Эгах «богоподобная» статуя царя была пронесена в торжественной процессии вместе со статуями двенадцати богов, представляя монарха в качестве «сопрестольника» олимпийцев. В этом действе просматривается попытка изобразить «земной апофеоз» Филиппа, его полное приравнение к Гераклу — «сопрестольнику богов».

Таким образом, образ Геракла всегда занимал центральное место в пропаганде Филиппа, и это была не просто дань традиции. Стремясь уподобиться великому герою, Филипп, очевидно, надеялся предстать перед подданными в качестве «нового основателя» царства, который может претендовать на более высокий властный статус, чем тот, которым традиционно пользовался македонский монарх. Не само получение божеских почестей, а именно уподобление Гераклу всеми возможными способами интересовало Филиппа, и к этому и сводился в конечном итоге его культ. Данное обстоятельство не позволяет раскрыть истинное значение культа Филиппа тем исследователям, которые ищут в его деятельности только факты «прямого обожествления».

О. М. Петrenchко (Дрогобич)

ПРИНЦИПАТ ТА ІНСТИТУТ РИМСЬКОГО ГРОМАДЯНСТВА

Проблема римського громадянства — одна з ключових при вивченні історії Римської імперії. Оминувши її, не можливо зрозуміти, яким чином, говорячи словами Полібія, майже вся ойкумена потрапила під владу римлян. У середині II ст. н. е. Елій Арістід зазначав, що на світі немає нічого схожого на римське громадянство.

Від початку римське громадянство мало особистий характер, що визначався лише правом. Надання римського громадянства, повного, чи неповного, використовувалось як інструмент винагороди, тоді як його позбавлення було покаранням. Неповні права громадянства не повинні були сприйматись римлянами як щось неповноцінне, адже у Римі ніколи не було рівного доступу усього суспільства до почестей та посад. Привабливість римського громадянства підтверджується практикою безпідставного ствердження такого статусу окремими особами, навіть під загрозою суворого покарання: тим, хто узурпував привілеї римського громадянства, відрубували голову на Есквілінському полі.

Римська політика щодо громадянства вела до утворення нового типу «світової держави». У II ст. н. е. у літературних та юридичних текстах народжується

доктрина *Origo* (синонім *Patria*). *Origo* позначала місце, де особа була записана як громадянин. З цього часу більше не розглядається приналежність римського громадянина до колонії, муніципії чи вільного і автономного міста, а також його місце проживання, але буде мати значення місто, з якого походить його сім'я.

Інститут громадянства був важливим інструментом романізації та забезпечення стабільного розвитку Римської імперії. Інтеграція провінцій та провінціалів проходила різними шляхами, однак понад усе через поширення римського громадянства (для чого, в принципі, було необхідним знання латини) та урбанізацію. Римляни вибирали тих, кого хотіли ввести у свою общину, розкладаючи керівну еліту союзників, котрим римське громадянство надавалось як певного роду компенсація за зроблені послуги. Римське громадянство також нав'язувалось, щоб придушити слабкі тенденції до незалежності серед завойованих. За Імперії окремі атрибути римського громадянства втрачають своє практичне значення (наприклад — *jus suffragii*). Існує думка, що з часу Антонінів практично не було різниці між римським та провінційним громадянином. Однак, суспільство цю різницю відчувало дуже гостро.

За словами Елія Арістіда, усі у Римській державі розділені на два класи, один — це римські громадяни, інший — їх піддані. Усе людство розділене на римлян та не римлян. Під римлянином тепер слід розуміти не жителя міста, а цілий народ. Як зазначає Арістід, римляни не визнають чужоземцями нікого, хто може і хоче бути їм у чомусь корисним. Оратор наголошує на тому, що інститут римського громадянства зробив можливими шлюби між громадянами різних міст, а уся ойкумена була об'єднана як одне домогосподарство. Суть римської внутрішньої політики у II ст. н. е. може бути визначена терміном «уніфікація». Уряд намагається нівелювати соціальні та культурні відмінності у межах *Pax Romana*.

На початок III ст. н. е. процес романізації провінцій зайшов так далеко, що у 212 р. н. е. імператор Каракалла надав повне право римського громадян-

ства, за більшістю джерел, усім вільним жителям Імперії. Однак, епіграфічний матеріал дозволяє твердити, що і після 212 р. н. е. у Римській імперії були вільні, але без прав римського громадянства. Індивідуальний та колективний статус переїздіна задокументований протягом двох наступних століть після 212 р. н. е., хоча окремі дані є непевні. Політику Каракалли не слід розглядати як процес зрівняння. На той час посилюються відмінності між вищим класом (*honestiores*) та нижчими прошарками (*humiliores*). Останні були не лише обмежені у юридичних правах, але й зазнавали покарань, які у попередні століття застосовувалися лише щодо негромадян. Римляни, протягом усієї своєї історії, намагалися використати потенціал сусідніх народів. Один з механізмів, які використовувалися при цьому, була гнучка політика щодо громадянства.

И. П. Сергеев (Харьков)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРОВ ГАЛЛИЕНА И АВРЕЛИАНА О ПУТЯХ ВЫВОДА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Среди довольно большого числа правителей Римской империи периода кризиса III века Галлиен и Аврелиан занимают особое место. По нашему мнению, всех римских правителей данного периода следует разделять не на две группы (солдатских и сенатских), а на несколько, и одну из них — группу императоров-реформаторов — как раз и составляли Галлиен и Аврелиан.

В представлениях этих римских императоров о путях вывода римского государства из политического кризиса было много общего. Оба они считали, что выходом из кризиса не может быть ни возврат к прежней системе принципата, ни установление военной монархии. Поэтому они не стремились к установлению «хороших» отношений с сенатом и в то же время не шли на поводу у солдат римской армии. Характер их социальной политики позволяет утверждать, что средство к укреплению государственной власти в Римской империи они видели в укреплении позиций императора.

Однако представления данных правителей о том, каким образом достичь этого укрепления импера-

торской власти, были различными. Галлиен не придавал большого значения идеологическому обоснованию легитимности власти императора, не проводил последовательной политики в религиозной сфере. Будучи отцом нескольких сыновей, он стремился с их помощью добиться верности правящей фамилии солдат отдельных частей римского государства.

Аврелиан не имел сыновей и был вынужден опираться на своих полководцев или лично возглавлять войска в тех крупных военных кампаниях, которые имели место в его правление. В отличие от Галлиена он видел в религии важную опору императорской власти и делал попытки произвести определенные изменения в религиозной сфере.

Обоим этим императорам не удалось достичь стабилизации политической обстановки в Римской империи, но их опыт был использован императором Диоклетианом при решении им проблемы преодоления политического кризиса в государстве.

В. Р. Симонян (Ставрополь)

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ИТАЛИИ ВО II В. ДО Н. Э.

В первые два столетия Республики римская внешняя торговля занимала совершенно ничтожное место в средиземноморском обороте как по импорту, так и по экспорту. Археологические данные также подтверждают низкий уровень римской торговли в ее ранний период. Однако уже к середине II в. до н. э. ситуация стала коренным образом меняться.

Военные завоевания Рима обеспечивали экономику необходимыми ресурсами, тем самым способствуя активному вовлечению в средиземноморскую торговлю. Однако самой важной чертой состояния экономики Италии является тот факт, что общий баланс ее торговых отношений с окружающим миром всегда был

отрицательным. Пока Рим был силен ввозом большого количества денег из провинций или в качестве военной контрибуции, такая пассивность товарооборота компенсировалась. Но при малейших сбоях поступления в Италию новых денег немедленно страдали интересы как потребителей товаров, так и торговцев, завозящих их. Закономерен вопрос, мог ли богатый Рим решить эту проблему, считал ли он это вообще проблемой.

Очевидно — нет. В Италии, на наш взгляд, утвердился тип «имперской экономики», ориентированной не на производство, а на потребление. В этом главное отличие римского «империализма» от эко-

номической политики колониальных держав XIX в. У сената явно отсутствовала продуманная экономическая политика, не знал он протекционистских мер по поддержанию собственно италийского ремесла и торговли.

Сейчас уже доказано, что италийские торговцы были малозаметны на Востоке вплоть до конца II в. до н. э. Одним из самых важных результатов римских завоеваний стал относительный мир в средиземноморском регионе, который создал благоприятные условия для развития торговых отношений. Но выиграли от этого больше восточные купцы, которые долго доминировали даже во ввозе товаров в Италию. Поэтому теория «торгового империализма» Рима, якобы расчищающего для своих коммерсантов рынки сбыта, нам представляется абсурдной. Еще и по той причине, что в античности отсутствовали расширенное производство, кризис сбыта и конкуренция за рынки. А сами италийские купцы считались людьми «второго сорта» и уж никак не могли повлиять на политику сената.

Экономика всего Средиземноморья все больше и больше зависела от платежеспособности Рима, по-

скольку он был крупнейшим импортером. Деньги, выкачиваемые из провинций, возвращались туда же в виде оплаты за товары. Это реально способствовало подъему экономики покоренных территорий, но — подрывало сами перспективы развития экономики Италии, где эти средства не вкладывались в производство. В результате отставание Италии от эллинистических стран в сфере ремесла и торговли не только не уменьшилось, но, напротив, даже увеличилось. Общеизвестно, что во II в. до н. э. основой италийского вывоза являлись только вино и оливковое масло. Ничего другого, достойного внимания, Италия не могла предложить миру. Более того, сама она все в большей степени становилась зависимой от провинций даже в поставках продуктов питания.

Даже этот краткий обзор лишь некоторых основных проблем данной темы, подтверждает перспективность ее тщательного изучения. Поскольку экономика пронизывает все сферы человеческой жизни, исследование данной тематики просто обречено на то, чтобы стать комплексным. А это, в свою очередь, способствует разрешению более широкого круга актуальных вопросов, связанных с войной и ее влиянием на все составляющие римской жизни.

А. Н. Токарев (Харьков)

ПОЛИТИКА ОКТАВИАНА В 44 Г. ДО Н. Э. И ОБРАЗ «НОВОГО ЦЕЗАРЯ»

В современных исследованиях все чаще встречаются утверждения о «предательстве» Октавианом в начале его политической карьеры Цицерона, сената и Республики. Они были вызваны, в первую очередь, постоянным интересом историков к взаимоотношениям между Октавианом и Цицероном. В то же время, агитации наследника Цезаря среди ветеранов и плебса в 44 г., оказавшей существенное влияние на дальнейшее формирование его идеологии, в историографии уделяется недостаточно внимания.

Прибыв в Италию после смерти Цезаря, Октавиан поддержал лозунг «мечь за Цезаря» и объявил, что вступает в наследство. Разделяя взгляды «цезарианцев», он не стал вступать в союз с тираноубийцами, как полагает большинство исследователей, а только проводил консультации с различными представителями сенатской аристократии, прощупывая почву для легализации своего положения.

Преобладающее среди современных исследователей мнение о характере действий Октавиана в этот период утверждает, что его поступки можно квалифицировать как демагогию, переплетенную с «цезарианской» пропагандой. Такая оценка, подразумевающая беспринципность Октавиана, ведет к дальнейшим выводам о его «республиканизме» и защите «помпейанской» *libertas* во время Мутинской войны. Однако, по нашему мнению, действия Октавиана можно охарактеризовать как деятельность «популяра».

Октавиан, прибыв в Рим, объявив о желании принять, согласно завещанию, наследство и имя Цезаря, таким образом, заявлял и о наследовании «популярной» политики погибшего диктатора. Позднее, выступив с речью на народной сходке, он сообщил, что

собирается вступить в наследство для того, чтобы выполнить волю Цезаря и раздать каждому плебею по 300 сестерциев. Эти заявления еще больше увеличили популярность Октавиана и привели к конфликту с Антонием, который, опасаясь нового конкурента, помешал провести закон о его усыновлении в куриатных комициях и продолжал противодействовать ему в дальнейшем. В сложившихся условиях противостояние с Антонием было его единственным шансом начать борьбу за власть. Показательно, что и здесь Октавиан вел себя как «популяра». Его сторонники распространяли слухи, что Антоний скрывал хлеб, когда в апреле 44 г. появились задержки с поставкой зерна. К этому добавлялись обвинения в расправе Антония над беднотой, восставшей под руководством П. Долабеллы. Сам Октавиан напоминал, что Антоний допустил несправедливость к памяти его приемного отца, не став мстить убийцам. На волне успеха среди римского плебса он предпринял попытку легализовать свое незаконное положение, выдвинув собственную кандидатуру на должность плебейского трибуна. Несмотря на неудачу его популярность стала политическим фактором.

Еще одним «полем боя» для Октавиана стала организация театральных представлений и зрелищ, которые должны были дать ему право на наследование клиентелы Цезаря и продемонстрировать публичное проявление чувств по отношению к приемному отцу. Это ему удалось, так как в их организации приняли участие *amici* и *familiares* Цезаря, а многие плебеи и ветераны стали смотреть на Октавиана как на нового Цезаря.

Осенью 44 г. разногласия между Октавианом и Антонием достигли критической точки. В конце концов,

Октавиан объявил себя «вождем» в предстоящей войне с Антонием. Но даже в таких условиях, прибыв в Рим, он обратился к народной сходке с речью, которая была полностью выдержана в духе *pietas Caesaris*.

Таким образом, заявления некоторых исследователей об ориентации Октавиана в 44 г. на «республи-

канизм», в сущности, некорректны. Напротив, он широко использовал «цезарианские» лозунги, а самое главное, его действия вполне вписываются в рамки политики «популяров», ведь создание образа «нового Цезаря» требовало от него наследования действий «популяра» Цезаря.

А. М. Филиппов (Харьков)

ГЕГЕМОНИЗМ И АНТИСПАРТАНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В 395–386 ГГ. ДО Н. Э.

Античные историки отмечали, что экспансионизм Спарты способствовал росту антиспартанских настроений в Древней Греции в 404–395 гг. до н. э. Поэтому в современном антиковедении утвердилось мнение об антигегемонистской природе симмахии, которая в годы Коринфской войны выступала против господства лакедемонян. Однако, по мнению Дж. Дэвиса, в 395–386 гг. до н. э. наиболее влиятельные греческие полисы, в первую очередь, оспаривали гегемонию у Спарты. Такой взгляд на Коринфскую войну не получил широкого распространения в антиковедении и вследствие этого, на наш взгляд, нуждается в специальном изучении.

Стремление к гегемонии Афин, Фив, Коринфа и Аргоса в 395–386 гг. до н. э. следует рассматривать с учетом их статуса в антиспартанской оппозиции. Эти государства располагали наибольшим военным и экономическим потенциалом и составляли политическую ось альянса, к которой примкнули менее значительные полисы. Афиняне, фиванцы, коринфяне и аргивяне имели давние связи с многими греческими государствами и могли рассчитывать на ведущие позиции в альянсе.

Первоначально в состав антиспартанской симмахии входили полисы Средней и Северной Греции, большинство из которых в годы Пелопоннесской войны поддерживали Спарту и имели тесные связи с беотийцами. В начале IV в. до н. э. Беотийский союз являлся мощным объединением и претендовал на равноправие в отношениях с лакедемонянами. Военные действия союзников летом 395—весной 394 г. до н. э. в Беотии, Фокиде и Северной Греции были направлены не только на вытеснение спартанцев, но и, безусловно, на усиление беотийского (фиванского) влияния в этом регионе. Беотийцы сохраняли контроль над Средней и Северной Грецией до 386 г. до н. э. Именно этим объясняется их неуступчивость во время заключения Царского мира.

Инициатором военного наступления в Пелопоннесе в 394 г. до н. э. стал Коринф — до этого самый

влиятельный союзник лакедемонян по региональной симмахии. Расчет коринфян строился на отторжении пелопоннесских союзников от спартанцев и решающем сражении в самом Лакедемене. В случае реализации этого плана коринфяне могли обеспечить собственную гегемонию среди пелопоннесских полисов. Интересы Аргоса также заключались в установлении контроля в Южной Греции. Таким образом, становится понятной аргосско-коринфская синтетика, военный потенциал которой представлял большую угрозу спартанской гегемонии в этом регионе. Однако большинство пелопоннесских полисов сохранили верность Спарте. Именно поэтому аргосско-коринфскому объединению не удалось распространить свое влияние на общины Пелопоннеса.

Деятельность Конона в 394–392 гг. до н. э. и Фрасибула в 390–389 гг. до н. э. в Восточной Эгее позволила афинянам частично восстановить влияние среди местных греков и вовлечь их в войну против Спарты. С конца 90-х гг. IV в. до н. э. активность афинян и их малоазийских сторонников в Коринфской войне значительно превосходила степень участия в ней остальных союзников по антиспартанскому альянсу. Это обстоятельство усиливало позиции Афин в межгосударственных отношениях и обеспечило в целом выгодные для афинян условия Царского мира.

Стремление греческих полисов к автономии вовсе не исключало из практики межполисных связей такое понятие как гегемония. В представлении греков именно гегемон был способен гарантировать независимость менее сильным полисам. Но не ограниченная обязательствами гегемония трансформировалась в экспансию и противоречила идее полисной автономии. В представлении большинства греческих полисов Афины, Фивы, Коринф и Аргос являлись противовесом спартанскому экспансионизму. Поддержка союзников по антиспартанскому альянсу придавала действиям этих осевых государств, претендовавших на гегемонию в Древней Греции, необходимую легитимность.

А. Г. Чередниченко (Белгород)

К ПРОБЛЕМЕ БАЛТИЙСКО-ПАЛЕОБАЛКАНСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Особое место в комплексе проблем палеобалканистики, микенологии и индоевропеистики занимают вопросы, связанные с изучением этнокультурной истории Балкано-Эгейского региона в эпоху, которая нашла отражение в большей степени в произведениях

античных мифографов, нежели в трудах историков, т. е. в III — II тыс. до н. э.

Многообразие представлений о мифах как форме архаического мышления, идеологии первобытного общества, эмоционально окрашенном осмыслении

феноменов мира и т. д. не исчерпывает специфики мифов. Мифологические традиции как системы мифов различных этносов представляют собой сакральные генеалогии и отражают воззрения людей традиционных обществ на мир как на космическую родовую общину. События, описываемые в мифах, могут быть локализованы не только в сакральном, но и реальном пространстве и времени. Сравнительный анализ мифообразов индоевропейских мифологических традиций указывает на конкретный локус индоевропейской ойкумены, с которым они связаны. Ядром исследования индоевропейских мифотрадиций выступает древнегреческая мифология, сохранившая и сами праиндоевропейские мифологемы, и память об их месте в «космической» генеалогической системе, в то время как мифы других индоевропейских народов главным образом репрезентируют особенности мифологической ономастики. Сопоставление результатов исследований в области лингвистической палеонтологии и археологии с итогами изучения индоевропейских мифотрадиций на основании сравнительно-исторического метода позволяет определить в качестве ареала индоевропейской прародины земли в бассейне Эгейского моря.

Исходя из данной гипотезы, можно предположить, что наиболее ранний период этногенеза балтов также связан с Балканами. Целью данной работы является более точная локализация ареала раннего этногенеза балтов, основанная на анализе данных сравнительно-исторического языкознания, сравнительной мифологии и археологии.

Балтийская мифология известна фрагментарно, но и того, что не стерто христианизацией, достаточно для суждений о генетических корнях прабалтийской мифологической традиции. Прародителями балтийских народов (прежде всего, прусов) традиция считала братьев Видевута (Будевута) и Брутена, пришедших по морю к устью Вислы. Они стали учредителями прусского социума, светской и духовной власти, осно-

вателями культового центра в Romove (Самландия), где первожрецом стал Krive-Krivaitis. Эти мифологические и культовые образы скорее соотносимы с Зетом и Калаидом, крылатыми сыновьями Борея, чем с Диоскурами (вопреки В.Н. Топорову). Два сына Борея и два сына Финея также представляют собой мифологизированный близнецный культ.

Если предположить, что сакральные генеалогии племен-носителей индоевропейских «сатемных» диалектов отражены в мифах о странствиях дочери Инаха, сына титана Океана, Ио и куретов, то пути древнейших миграций этих племен пролегали с юга Балкан в Дунайско-Карпатский регион и Северное Причерноморье, затем в Закавказье, Малую Азию, на Ближний Восток и снова на Балканы.

Во Фракии и Северо-Западной Анатолии замечено огромное количество гидронимов, топонимов и антропонимов прабалтийского вида. Общее количество топонимических сходств между балтийским и древнебалканским ареалами весьма значительно (превышает сотню), при этом несколько десятков параллелей претендуют на абсолютную точность исходных форм и не допускают сомнений в их подлинности и доказательности. Первые опыты подобных сопоставлений принадлежали еще Й. Басанавичюсу.

Согласно древнегреческому преданию, после переселения племени Финея в Финикию и поражения его в борьбе с Персеем, Финей отправился на поиски Эвропы вместе с сыновьями Агенора, отплыв на кораблях из Тира. После долгих странствий по морям и островам флот Финея пристал к местностям у Боспора Фракийского. Эта область стала именоваться Финеидами. Таким образом, опираясь на данные сравнительно-исторического языкознания и сравнительной мифологии, можно предположить, что земли в Северо-Западной Анатолии и Фракии у пролива Босфор, т. е. Финейды у Боспора Фракийского, являются промежуточной прародиной балтов.

ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В УНИВЕРСИТЕТАХ УКРАИНЫ И РОССИИ (XIX—первая треть XX вв.)

Н. Н. Болгов,

Ю. Н. Сбитнева (Белгород)

Н. П. КОНДАКОВ КАК УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ*

Среди историков — уроженцев современной Белгородчины — особое место занимает академик Н. П. Кондаков (1844–1925). Историк и археолог античности, крупнейший византолог и исследователь православного искусства, он известен на протяжении большей части своей профессиональной карьеры и как университетский преподаватель.

В 1871 г. 27-летний славист получил кафедру по теории и истории искусства в Новороссийском университете (Одесса), одном из ведущих университетов тогдашней Российской империи. Назначение в Одессу ученый воспринял с радостью. Здесь он впервые взойшел на университетскую кафедру, здесь он обрел своих первых учеников, без которых невозможно состояться полностью ни одному ученому. Преподавание облегчило Кондакову такую возможность, если учесть его сложный, замкнутый характер и трудности в общении с людьми.

Из Одессы же Кондаков начал свои знаменитые археологические путешествия по странам восточно-христианского мира, а также провел свои первые археологические исследования в Северном Причерноморье (Херсонес, Боспор).

Вместе с тем, ученый ощущал здесь свое одиночество и бесприютность. Оценки окружающих его реалий зачастую были очень эмоциональными и не вполне объективными: «Дело преподавания в Новороссийском университете по большинству его кафедр имело жалкую участь», — писал он уже в последнее свое пребывание в Одессе — перед эмиграцией.

В 1888 г. 44-летний Кондаков получает кафедру истории искусств в столичном, Петербургском университете, и пост главного хранителя средневековых древностей в Императорском Эрмитаже, а в следующем году — звание академика. В столице империи перед ученым открылись огромные и наиболее широкие перспективы научной деятельности. И он воспользовался ими в полной мере. В Петербурге вокруг Кондакова сплотился цвет тогдашней исторической науки, масса научной молодежи.

Достигнув вершин карьеры и славы, оказавшись приближенным ко двору, академик сблизился и с куль-

турной элитой России, как в столице, так и в провинции. В Ялте он довольно долго соседствовал с А. П. Чеховым, а в период гражданской войны в Одессе стал ближайшим другом И. А. Бунина.

Революция застала 73-летнего академика в Крыму. Всю гражданскую войну он проживал опять в Одессе, испытыв вместе со всей страной все ужасы смены власти и гибели старой культуры. Чтение публичных лекций для последних провинциальных интеллигентов уходящего мира довести до депрессии могло кого угодно, но не Кондакова, который продолжал в любой ситуации жить не внешним, а скорее внутренним миром.

Разделив судьбу старой России, с 1920 г. Н. П. Кондаков оказался в эмиграции (София, Прага). Здесь он активно включился в чтение лекций в различных учебных заведениях, ибо это давало наиболее надежный заработок. Сетую на провинциализм городов Восточной Европы и мечтая о Франции, Кондаков, однако, несмотря на возраст, болезни, постоянно жалуясь на жизнь, не прекращал главного — своей научной работы.

В Праге огромный авторитет ученого опять сблизил его с сильными мира сего. Президент Масарик лично устроил частные лекции Кондакова для своей дочери. Это жалованье сильно поддержало академика и позволило ему приступить к оформлению текстов своих последних трудов. И это, пожалуй, главное: в любом городе, где он жил, Кондаков прежде всего напряженно и интенсивно работал. Из кружка учеников Кондакова в Праге вырос знаменитый Институт его имени.

Лекции ученый считал важным, но, пожалуй, не основным видом своей деятельности. Тем не менее, кафедра была главным и единственным путем живого общения с аудиторией, с учениками, которых у него всегда было много. Видимо, магнетизм личности, а также огромная эрудиция и концептуальное мышление оказывали на университетскую аудиторию такое влияние, что это компенсировало недостатки Кондакова как лектора и нивелировало сложные качества его характера.

Н. П. Кондаков с полным правом может быть назван одним из ведущих преподавателей всеобщей истории в университетах Российской империи и Европы.

* Работа подготовлена при поддержке грантов БелГУ ВКГ № 52-08 и ВКАС № 52-08.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВИЗАНТИНИСТИКА И СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ
В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В. П. БУЗЕСКУЛА
(по малоизвестным архивным материалам)**

В фонде Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского хранятся две малоизвестные историографические работы В. П. Бузескула, посвященные изучению отечественной византистики и славяноведения в XIX в. и в начале XX в. Первая из них («Візантологія та студії над слов'янським світом у Росії в XIX і на початку XX віку». — Ф. Х. — № 14521. — 303 л. (машинопись)) представляет собой перевод на украинский язык последней, третьей части известного исследования ученого «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX в.». Вторая («Виучування історії Близького Сходу в Росії», в составе сборника «Україна і Схід». — Т. 2. — Ф. Х. — № 14635. — 54 с. (машинопись)) — это авторское извлечение из предыдущей работы, в котором В. П. Бузескул, чтобы не увеличивать размеры статьи, практически отказался от ссылок и библиографических справок.

О третьей части исследования В. П. Бузескула по истории отечественной науки о всеобщей истории было известно давно. О ней упоминал еще С. Каптерев в «Хронологическом указателе трудов В. П. Бузескула» (№ 174 (Ч. 3)), писали в историографических исследованиях С. А. Жебелев, М. В. Левченко, А. И. Митряев, В. И. Кадеев, О. В. Сухобоков, Э. Д. Фролов. Ее публикацию во второй половине 1940-х гг. планировал, но не смог осуществить из-за преждевременной смерти Н. С. Лебедев (совместно с И. Ю. Крачковским). В последнее время (еще с начала 1990-х гг.) издание этой работы В. П. Бузескула, хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук, анонсировала И. В. Тункина. Судя по ссылкам И. П. Медведева, машинописную копию труда В. П. Бузескула она подготовила уже в 1993 г., а в 2004 г. об издании подготовленной ею работы упоминалось в Проектах по изданию научных трудов Российского гуманитарного научного фонда. К сожалению, это издание остается неосуществленным до сегодняшнего дня.

В то же время о существовании перевода третьей части историографического исследования В. П. Бузескула на украинский язык и ее авторского реферата известно гораздо меньше. Лишь в последнее время

упоминания о них появились в работах С. Н. Киржаева и В. И. Ульяновского, Л. В. Матвеевой, Э. Г. Цыганковой, Т. О. Щербань. Между тем, эти малоизвестные работы представляют значительный интерес.

Само появление перевода третьей части исследования В. П. Бузескула по истории отечественной науки о всеобщей истории на украинский язык вызвано, очевидно, его стремлением каким-либо путем опубликовать ее после того, как возникли проблемы с изданием этой работы на русском языке, обусловленные идеологическими нападками на автора. В предисловии к переводу, написанном в январе 1931 г., ученый, конечно же, обосновывает необходимость издания иным образом, а именно тесной связью Византии (а также славянского мира) и Киевской Украины-Руси, и тем, что многие исследователи, изучавшие историю Византии и славянства, были либо украинцами по происхождению, либо преподавали в учебных заведениях на территории Украины. Однако это не может скрыть достаточно искусственной, а порой и натужной «привязки» текста к Украине и украинской исторической науке. Украинский перевод исследования В. П. Бузескула интересен также авторскими правками и дополнениями в тексте книги (в тексте ее автореферата они отсутствуют), которые, видимо, отличают ее от русскоязычного первоисточника.

Само обращение ученого к истории отечественной византистики и славяноведения на рубеже 1920–1930-х гг. крайне интересно и важно. Византиноведение, подвергшееся после 1917 г. наиболее планомерному уничтожению со стороны советской власти, было в это время крайне «неудобным» для историографического изучения. В этом отношении интересно сравнить исследование В. П. Бузескула с появившимися практически одновременно весьма заидеологизированными историографическими статьями Г. Н. Лозовика и Ф. И. Шмита, очерками Ф. И. Успенского и В. Е. Вальденберга, изданной в США работой А. А. Васильева, а также более поздними очерками С. А. Жебелева, Н. С. Лебедева, Б. Т. Горянова, В. И. Пичеты, М. В. Левченко, Н. П. Соколова, З. В. Удальцовой, Г. Л. Курбатова, И. П. Медведева и других исследователей.

М. Є. Домановська (Харків)

**П. В. БЕЗОБРАЗОВ ЯК РЕЦЕНЗЕНТ
(ДО 90-РІЧЧЯ З ДНЯ СМЕРТІ)**

Павло Володимирович Безобразов (1859–1918) — відомий російський візантиніст, наукова діяльність якого припала на межу XIX–XX ст., час розквіту російської візантиністики, яка саме тоді спромоглася вийти на світовий рівень. Написавши низку історичних художніх романів і повістей, публіцистичних брошур з актуальних проблем свого часу, життєпис С. М. Соловйова до відомої серії «Жизнь замечательных людей» тощо, як візантиніст П. В. Безобра-

зов фактично залишився «людиною однієї книги» — магістерської дисертації «Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл» (М., 1890; новітнє перевидання — СПб., 2001).

Тим часом науковий спадок П. В. Безобразова не обмежується єдиною книгою — він автор публікацій джерел, статей і численних рецензій на різноманітні російські та іноземні книги з візантиністики, з якими прагнув якомога краще ознайомити вітчизняну

громадськість. На значенні рецензій у творчості П. В. Безобразова, вказуючи на їхню корисність, змістовність та актуальність, особливо наголошував у некролозі науковця О. О. Васильєв, який навіть зазначив необхідність їхнього видання окремою книгою.

Серед рецензованих П. В. Безобразовим праць — твори відомих вітчизняних візантиністів Ф. І. Успенського, А. І. Пападопуло-Керамевса, Хр. М. Лопарьова, М. Г. Попова, Ю. А. Кулаковського, а також всесвітньо відомі доробки Дж. Б. Бюрі, Г. Шлюмберже, М. Гельцера, А. Штекля, Ф. Неймана та ін. Всього П. В. Безобразов опублікував понад 50 рецензій на праці з історії Візантії у провідних російських візантологічних виданнях.

Характерним прикладом рецензій В. П. Безобразова може слугувати його критичний відгук на появу першої в Російській імперії узагальнюючої праці з історії Візантії Ю. А. Кулаковського.

В рецензії на перший том П. В. Безобразов обмежився низкою стриманих зауважень, назвавши стиль викладу автора літописним і вказавши на окремі помилки та неточності. Надзвичайне ж зацікавлення Павла Володимировича викликав другий том «Історії Візантії» Ю. А. Кулаковського, на появу якого він відповів ґрунтовною рецензією, включившись до масштабної полеміки разом з провідними вітчизняними візантиністами О. О. Васильєвим та С. П. Шестаковим. На відміну від своїх колег, П. В. Безобразов вдався до розгромної, часом зухвалої критики твору київського професора. Безперечно справедливим видається зауваження рецензента щодо недостатнього знайомства автора з працями своїх попередників (як

приклад — неувага до праць Ш. Діля та В. Холмса про часи Юстиніана), закиди про ігнорування посилань на літературу, перевантаженість тексту переказами легенд, відсутність прагнення автора вирішувати дискусійні загальні питання, захоплення окремими деталями.

Окрім цих загальних критичних моментів, у відзначенні яких солідарні майже всі рецензенти, і до яких з розумінням, судячи з відповідей, ставився сам Ю. А. Кулаковський, П. В. Безобразов висловлює гострі зауваження, прямо вказуючи на некомпетентність автора з низки питань. Рецензент зосереджується на критиці джерел і звинувачує автора у її фактичній відсутності. Недоліком праці П. В. Безобразова вважає також неточності у перекладі окремих слів і у хронології, що суттєво впливає на зміст. Застарілим вважає він і спосіб викладу матеріалу — за правліннями імператорів, справедливо зазначаючи, що далеко не завжди історичні процеси залежали від перебування на престолі певних осіб. Слушно вказується на необхідність виділення у таких масштабних наукових працях окремих розділів, присвячених певним соціальним, економічним, релігійним, культурним явищам, що не вкладаються в рамки правлінь окремих василевсів.

З цих зауважень поступово вимальовується науковий стиль самого П. В. Безобразова, комплекс його ідеалів і прагнень. Для нього гостра і відкрита критика в наукових рецензіях — не особисті образи на адресу автора, а намагання в ході наукового обговорення віднайти нові, більш досконалі методи та прийоми досліджень, здатні сприяти подальшим науковим пошукам.

И. С. Кравченко (Харьков)

О ВКЛАДЕ И. В. НЕТУШИЛА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РАННЕГО РИМА

И. В. Нетушил — выдающийся ученый конца XIX — начала XX вв., профессор Харьковского университета, член-корреспондент Императорской Академии наук, один из наиболее ярких представителей историко-филологического направления в изучении античных древностей. Свою научную карьеру И. В. Нетушил начал с занятий лингвистикой, со специального изучения фонетики, морфологии и синтаксиса латинского языка. Но, стремясь, в соответствии с собственным представлением о задачах классической филологии, представить целостный образ античного Рима, ученый вскоре обратился к исследованию римской истории. Особое внимание он уделит древнейшему периоду существования Рима — в то время одной из наиболее слабо разработанных, вследствие состояния источниковой базы, областей в романистике.

И. В. Нетушил был одним из немногих историков конца XIX — начала XX вв., которые настаивали на необходимости конструктивного отношения к античной традиции. Ученый ориентировался преимущественно на сочинения античных авторов, сомневался в возможности правильной интерпретации данных археологии. По этой причине современники исследователя оценивали его студии как «историко-филологические», что впоследствии в значительной мере обусловило преобладание негативных тонов

в восприятии И. В. Нетушила как историка Рима многими советскими антиковедами. Скептически к его работам отнеслись, в частности, такие историки, как А. В. Мишулин, В. С. Сергеев, Ф. М. Нечай и др.

Однако, на наш взгляд, с предложенной упомянутыми учеными оценкой исторических трудов И. В. Нетушила согласиться нельзя. При исследовании многих аспектов истории раннего Рима он несколько отошел от подхода к изучению римских древностей, выработанного филологами-классиками второй половины XIX в. Ученый стремился не только выявить аутентичную раннему Риму информацию в сочинениях античных авторов, но и привести господствовавшие научные взгляды на раннеримскую историю в соответствие с новейшими открытиями, в том числе и в области археологии. Благодаря подобному подходу И. В. Нетушилу удалось выработать ряд оригинальных идей, оказавших значительное влияние на развитие отечественной науки о римских древностях.

К числу несомненных научных заслуг И. В. Нетушила относится прежде всего предложенная ученым периодизация истории царского Рима. Именно И. В. Нетушил высказал идею о том, что царский период римской истории следует разделить на два этапа: доэтрускский, охватывавший время от основания Рима до конца VII в. до н. э., когда, по его мнению, Рим во-

шел в состав этрусской федерации, и этап этрусского господства над Римом, который продлился с конца VII в. вплоть до установления Республики.

Опередила свое время и идея И. В. Нетушила о «комплексном» характере реформы Сервия Туллия. Он первым среди отечественных романистов обратил внимание на то, что хотя «конституция Сервия» и имела своей первоначальной целью военные преобразования, ее военная и политическая составляющие переплетаются настолько тесно, что разделить их невозможно. Такая оценка реформы была надолго забыта отечественными антиковедами — к подобным выводам советские историки пришли только в начале второй половины XX в.

Не утратила научного значения и мысль И. В. Нетушила о загадочном римском «сакральном царе».

Историк первым высказал идею о появлении должности *rex sacrorum* лишь в период Республики, а его гипотеза о Нуме Помпилии как сакральном царе республиканского времени и сегодня находит своих приверженцев.

Эти и ряд других гипотез И. В. Нетушила впоследствии были восприняты и развиты такими видными советскими антиковедами, как В. Н. Дьяков, С. И. Ковалев, А. И. Немировский и др. Таким образом, несмотря на доминировавшую длительное время негативную оценку исторических исследований И. В. Нетушила, его идеи оказали существенное влияние на развитие отечественной романистики. И сегодня к переосмыслению гипотез И. В. Нетушила обращаются ведущие российские специалисты по истории раннего Рима.

Е. В. Ляпустина (Москва)

О РАБОТЕ НАД ПРОЕКТОМ «РАЗРАБОТКА И СОЗДАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ "ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» ЗА 70 ЛЕТ"»

Работа над трехлетним проектом, поддержанным Российским фондом фундаментальных исследований (грант РФФИ № 07-06-00094), включает в себя издание сводного указателя публикаций ВДИ с 1937 по 2007 г., а также разработку и создание полноценного сайта журнала. Участники проекта (С. Ю. Сапрыкин, И. С. Архипов, Е. В. Ляпустина, Е. И. Соломатина, С. А. Степанцов) считают принципиально важным провести широкое обсуждение с коллегами-антиковедами, чтобы максимально учесть мнения, рекомендации и опыт профессионального сообщества. Соответственно предлагается обсудить следующие вопросы:

1. Опыт составления многолетних указателей к периодическим изданиям в русских и зарубежных журналах — тематических, алфавитных, погодных и т. п. Сравнение указателей на бумажных и электронных носителях, соотношение способов использования и принципов презентации библиографического материала.

2. Необходимость составления и регулярного обновления сводной библиографии по истории античности на русском языке. Такого рода указатели, подготовленные И. Е. Борщ, публиковались в «Вестнике

древней истории» в 1967–1987 гг. (последний из них вышел уже после смерти автора: «Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1985 г.»//ВДИ. —1987. — № 4. — С. 192–215). С тех пор библиографическая работа ведется в разных центрах, и ее результаты имеют ограниченное распространение. В современных условиях никто не в состоянии вести эту работу в одиночку. Явно требуется объединение и координация усилий.

3. При разработке и создании сайта ВДИ следует учитывать уже довольно длительную историю существования интернет-ресурсов, посвященных различным областям антиковедения. Поэтому желательно обсудить опыт обращения к этим ресурсам и проблемы, связанные с их использованием (стабильность доступа, регулярность обновления, пути поиска, вопросы авторского права, платность или бесплатность использования, возможность копирования и скачивания полнотекстовых материалов).

4. В рамках настоящего проекта на сайте ВДИ предполагается поместить прежде всего указатель материалов за все годы существования журнала с разнообразными возможностями поиска.

**Н. С. Мартемьянова,
А. П. Мартемьянов** (Харьков)

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ И ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА в конце XIX—начале XX вв.

Характерной чертой отечественной системы университетского образования рубежа XIX—XX вв. является существенное возрастание удельного веса в учебном процессе практических занятий. Эта тенденция была во многом обусловлена циркуляром Министерства народного просвещения от 21 июля 1899 г., в котором особо подчеркивалась необходимость «обратить внимание на возможное расширение и правильную постановку названных занятий и на то, чтобы каждый студент принял в них деятельное участие».

Практические занятия на историко-филологическом факультете Харьковского университета в конце XIX—начале XX в. предусматривали прежде всего чтение, разбор и комментирование исторических и литературных текстов. При этом повышенное внимание традиционно уделялось древнегреческому и латинскому языкам. На практических занятиях по кафедре классической филологии студенты под руководством профессоров Г. Ф. Шульца, И. В. Нетушила, Р. И. Шерцля и других опытных педагогов занимались комментированным

переводом написаних в різних жанрах сочинень античних авторів. При цьому на заняттях у Р. І. Шерця вони упражнялись і в перекладах з російського на латинь, що, в известній мірі, «оживляло» мертвий мову і одночасно робило його знання більш надійним. Освоєнню класических мов сприяли і практичеські заняття на деяких інших кафедрах. Наприклад, приват-доцент кафедри історії західних літератур С. В. Солов'єв, працюючи з романськими і французькими текстами, запропонував студентам перекладати їх спочатку на латинський, а потім — на російський мову.

Устойчива орієнтація студентів-гуманитаріїв на обов'язкове оволодіння давньогрецьким і латинськими мовами відповідала інтересам класического освіти, розвитку в Харківському університеті сильної антиковедчеської школи. Бує думка, що пріоритет класическої філології позбавляв історико-філологічеський факультет загальноосвітнього характеру, і саме в цьому заховалась едва ли не головна причина того, що впродовж до початку ХХ в. на ньому навчалося відносно невелике кількість студентів. На наше погляд, з цим важко погодитися: за короткий час з 1905 по 1907 р. кількість студентів на факультеті зросла з 89 до 557 осіб, то є більш, ніж в шість раз, хоча вимоги до вивчення класических мов за ці роки практичеськи не змінилися.

Вивчали студенти і давні східні мови. На протязі багатьох років приват-доцент кафедри порівняльного мовознавства і санскритського мови П. Г. Риттер викладав початок граматики санскриту, а потім вони на практичеських заняттях читали, перекладали і аналізували тексти «Ригведи», «Панчатантри» і «Хитопадеші». Колега П. Г. Риттера по кафедрі приват-доцент І. М. Ендзєлін проводив практичеські заняття, на яких студенти

читали і аналізували фрагменти «Авесты», а також тексти давньоперсидських написів.

На практичеських заняттях по кафедрі загальної історії важке місце в початку ХХ в. відводилося питанням історії демократії в античних Афінах. Руководив такими заняттями один з провідних європейських спеціалістів по цій проблематиці професор В. П. Бузєскул. Примічальною рисою практичеських занять по історії давнього світу було прагнення викладачів ознайомити аудиторію з історическими джерелами, введеними в науковий обіг в найновіший час. Так, працюючи з В. П. Бузєскулом, студенти отримували всебічне представлення об «Афінській політії» Аристотеля, ставшій відомою вченим тільки з 90-х рр. ХІХ в., а приват-доцент Н. С. Гольдін в 1906 р. організував на практичеських заняттях роботу з перекладом законів вавилонського царя Хаммурапі, знайдених всього за кілька років до цього — французькою археологічеською експедицією 1901–1902 рр.

Окрім роботи над текстами джерел, однією з основних форм проведення практичеських занять було заслушування і обговорення студентських рефератів. Їх тематика визначалась викладачами і звичайно була дуже актуальною з науковою або загальноосвітньою точкою зору. Особливу увагу віддавалось історіографічеській підготовці студентів, поощрялись роботи, автори яких проявляли здатність впевнено орієнтуватися в сучасних наукових концепціях.

Різноманітні по формі проведення і тематиці практичеські заняття по вивченню давніх мов і історії давнього світу, проводившесь в Харківському університеті, забезпечували підготовку спеціалістів історико-філологічеського профілю фундаментальності, надавали студентам можливість набути необхідні навички майбутньої професіональної діяльності.

О. Г. Самойленко (Ніжин)

ВИВЧЕННЯ АНТИЧНОЇ ТА СЕРЕДНЬОВІСНОЇ ІСТОРІЇ В НІЖИНСЬКОМУ ІСТОРІКО-ФІЛОЛОГІЧНОМУ ІНСТИТУТІ (ОСТАННЯ ЧВЕРТЬ ХІХ — ПОЧАТОК ХХ СТ.)

Друга половина ХІХ—початок ХХ ст. стали часом розквіту вивчення всесвітньої історії в Україні. До процесу активного наукового пошуку на рівні антикознавства і медієвістики були залучені і вчені Ніжинського Історико-філологічнього інституту (НІФІ), де на межі ХІХ—ХХ ст. склався досить потужний дослідницький осередок, науковий доробок вчених якого в останні роки став об'єктом належної уваги з боку сучасних українських дослідників.

Основи наукового вивчення давньої та середньовісної історії були закладені в НІФІ в 70-х рр. ХІХ ст., із запрошенням у 1875 р. учня М. С. Куторги, відомого історика-античника Петра Івановича Люперського, який у 1869 р. захистив магістерське дослідження «Храмове місто Дельфи з оракулом Аполлона Піфійського у Давній Греції». На той час постановка проблеми була новою і актуальною. Вченого цікавили різні проблеми грецької історії, але як послідовник М. С. Куторги, найбільшої уваги він приділяв історії Аттики та афінської демократії. Наслідком його наукових занять стали «Нариси державної

діяльності і приватного життя Перикла», в яких яскраво виявився погляд науковця на історію давньої Афінської держави. Науково-педагогічна діяльність П. І. Люперського в НІФІ тривала до 1897 р., коли він вийшов у відставку.

Його місце на кафедрі зайняв відомий вчений-медієвіст Володимир Костянтинівч Піскорський, учень І. В. Лучицького, під керівництвом якого він у лютому 1898 р. захистив магістерську дисертацію «Кастильські кортеси в перехідну добу, від середніх віків до нового часу (1188–1520)», що стала визначним явищем у медієвістиці.

Ніжинський період діяльності був для В. К. Піскорського досить складним і, в той же час, плідним. Саме в Ніжині досліднику вдалося обробити накопичений в архівах і бібліотеках Західної Європи матеріал, захистити докторську дисертацію «Кріпосне право в Каталонії», видати першу в Російській імперії «Історію Іспанії та Португалії», що перетворило вченого на одного з корифеїв медієвістики, засновника української іспаністики, члена-коре-

спондента Барселонської академії наук і мистецтв (1901 р.).

Місце В. К. Піскорського на кафедрі загальної історії, після його переїзду до Казані в 1906 р., зайняв вихованець Петербурзького ун-ту Вітольд Владиславович Новодворський. На відміну від свого попередника, який повністю поринув у дослідження західно-європейського середньовіччя, В. В. Новодворський віддавав перевагу історії середньовічної Польщі, про що свідчать його праці «Боротьба за Лівонію між Московією і Річчю Посполитою 1570–1582 рр.», «Із біографії канцлера Яна Замойського», «Польща, Данія, Швеція в царювання польського короля Стефана Баторія» та ін. Лише невидані «Лекції з історії Англії в середні віки» та «Історія Англії в XV–XVII ст.» викликають певний інтерес у дослідників-медієвістів.

Серед інших професорів кафедри загальної історії варто згадати також Олексія Івановича Покровського, який у червні 1894 р. переїхав до Ніжина і обіймав професорську посаду до 1905 р. Від свого вчителя Ф. Ф. Соколова він перейняв любов до античної історії, інтерес до хронології, увагу до

фактів і питань, навіть найбільш дрібних. Наукові розвідки О. І. Покровського «До питання про головний характер давньоєлінської держави», «Про «Вступ» до історії Греції професора В. Бузескула», «Нові явища в галузі розробки давньогрецької історії», як і два його дисертаційні дослідження — «Про красномовність у давніх єлінів» і «Про хронологію Афінської історії VI ст. до Р.Х.», визначалися великою ерудицією їх автора, вимогливістю та самостійністю висновків і, що вирізняло його серед інших дослідників, величезними примітками, які інколи виступали самостійним дослідженням в дослідженні. На думку В. Бузескула, ці примітки були інколи важливіші за сам текст. Маючи різносторонні інтереси, О. І. Покровський «був в тій же мірі істориком, як і філософом, соціологом і етнологом, що забезпечувало ґрунтовність його висновків і широту поглядів».

Отже, професори НІФІ активно працювали на ниві всесвітньої історії, залишивши помітний слід у становленні антикознавства та медієвістики наприкінці XIX—на початку XX ст. в Україні.

И. В. Тункина (Санкт-Петербург)

**«...ПЛОД 50-ЛЕТНЕГО НАУЧНОГО ТРУДА»
(К ПЕРЕИЗДАНИЮ ПОСЛЕДНЕЙ МОНОГРАФИИ В.П. БУЗЕСКУЛА
«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ В РОССИИ В XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА»)***

Историк-энциклопедист, всю свою жизнь отдавший Харьковскому университету, академик РАН и ВУАН Владислав Петрович Бузескул (1858–1931) занимает особое место в русской историографии всеобщей истории как автор ряда обобщающих трудов по истории науки. В 1924 г. В. П. Бузескул решил написать монографию «об исторической науке и ее представителях» в России. Эта идея в 1927 г. была поддержана председателем академической Комиссии по истории знаний В. И. Вернадским. До революции 1917 г. в России была создана гуманистическая европейского уровня, оказавшая формирующее воздействие на целый ряд дисциплин историко-филологического цикла, которая в известной мере определила оригинальные черты отечественной науки. Это обстоятельство отчетливо осознавал В. П. Бузескул, который на свой труд смотрел как «на свой долг; говорят теперь, что у нас раньше науки не было. Надо показать, что она была и что сделано в России в области всеобщей истории (как и в других) немало».

За десять месяцев 1928 г. была написана первая часть книги, посвященная начальному этапу науки всеобщей истории в России, с момента организации Петербургской Академии наук в 1724 г. до 70-х гг. XIX в. Она была опубликована в 1929 г. в «Трудах Комиссии по истории знаний» под редакцией В. И. Вернадского. В том же году В. П. Бузескул написал вторую часть монографии, освещающую русскую историографию истории Западной Европы в эпоху Средневековья и Нового времени, а также Классического Востока и Древнего мира в пору расцвета отечественной исторической науки на рубеже XIX

и XX вв., а в 1930 г. — третью, которая включает обзор византиноведения и славяноведения за тот же период. Главным вопросом, занимавшим автора, стала возможность издания 2 и 3 частей в изменившихся политических условиях — сфера гуманитарной науки подвергалась насильственному насаждению марксизма в духе вульгарно социологизаторских подходов школы М. Н. Покровского. В 1930–1931 гг. в ходе развернувшейся травли академиков «старой школы» Бузескул был причислен к стану историков «антимарксистского толка», что сильно отразилось на его душевном состоянии и привело к обострению болезней — прогрессирующей катаракте глаз и развитию рака желудка. 1 июня 1931 г. В. П. Бузескула не стало.

Вторая часть монографии В. П. Бузескула, сокращенная в местах, касающихся творчества репрессированных историков и эмигрантов, вышла уже после смерти автора в Ленинграде в 1931 г. с редакционным предисловием В. П. Волгина, под редакцией и с послесловием С. А. Жебелева. Третья часть по политическим мотивам ни Всеукраинской АН, ни АН СССР так и не была опубликована, хотя с декабря 1930 г. Бузескул не терял надежды ее сокращенного издания на украинском языке в Киеве (рукопись перевода сохранилась в ИР ЦБ УВ НАНУ). Все попытки С. А. Жебелева издать третью часть в 1930-х гг. оказались обречены на провал. В 1946 г., после частичной реабилитации и формального восстановления в правах византиноведения и славяноведения, византинист М. В. Левченко выступил с инициативой издать третью

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-80283, и РГНФ, проект № 08-01-91113а/У.

часть труда Бузескула. Редакцию текста взяли на себя акад. И. Ю. Крачковский и научный сотрудник византийской группы ЛОИИ АН СССР Н. С. Лебедев. После смерти И. Ю. Крачковского в 1951 г. Н. С. Лебедев продолжал работу над томом, сократив части текста с упоминанием оценки трудов русских ученых в западноевропейской научной литературе и раздел о трудах историков церкви. В сокращенном виде текст был утвержден к печати Ученым советом Института истории АН СССР в марте 1957 г. Однако и эта попытка издания третьей части была обречена на провал — именно в это время ведущие историки страны участвовали в подготовке коллективных «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1955–1985. Т. 1–5).

А. М. Чередниченко (Київ)

НЕОПУБЛІКОВАНА СТАТТЯ В. П. БУЗЕСКУЛА

В інституті рукописів Наукової бібліотеки України ім. В. І. Вернадського, у десятому академічному фонді зберігається стаття «Виучування історії Близького Сходу в Росії» [ІР НБУВ, Ф. Х, Спр. 22816–22817], належить вона В. П. Бузескулу. До сьогодні ця робота лишається ненадрукованою.

Як відомо, Владислав Петрович, видатний вчений, академік АН СРСР (з 1922 р.) та УАН (з 1925 р.) займався не тільки історичними дослідженнями. Вченого цікавив сам розвиток історичної науки. Результатом цих багаторічних досліджень являється «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.» у 3-х томах. Відомо, що друком вийшло лише дві частини праці. Третя, присвячена дослідженням з візантології та слов'янознавства, ніколи не видавалася.

Стаття «Виучування історії Близького Сходу в Росії», за словами самого В. П. Бузескула є витягом саме з третього тому «Всеобщей истории». Вона мала увійти до збірника наукових праць Комісії для дослідів з історії Близького Сходу та Візантії ВУАН, до його третьої частини: «Історіографічні студії й наукові повідомлення».

Історія цього збірника починається з діяльності Комісії для виучування Візантійського письменства та його впливу на Україну (Візантійська комісія), що була організована при ВУАН у квітні 1926 р. під керівництвом академіка Ф. І. Міщенко. Працівники цієї комісії з самого її заснування почали готувати «Візантологічний збірник» («ВЗ»). Ідеологічне втручання, бюрократизація, недостатнє фінансування та постійні реорганізації ВУАН унеможливили продовження нормальної наукової праці Візантійської комісії. «ВЗ», що планувався як щорічник, жодного разу не вийшов.

Рішенням ІФВ ВУАН від 1.01.1930 р. Візантійська комісія була перетворена на Комісію з вивчення Близького Сходу та Візантії (Близькосхідна комісія). Врешті, повністю підготовлений до друку «ВЗ» перетворився на збірник наукових праць Близькосхідної комісії: «Україна і Схід». Зміст збірника було доопрацьовано. До нової редакції включили й «Виучування історії Близького Сходу в Росії» В. П. Бузескула. Але в середині 1934 р. друк припинили, а в 1937 р. збірник «Україна і Схід» разом з іншими роботами академічних інституцій віддали на зберігання до Всеукраїнської бібліотеки України. Таким

Автори цього труда так или иначе использовали как опубликованные части, так и рукопись неизданной третьей части книги В. П. Бузескула прежде всего как источник историко-научной и библиографической информации. Спустя еще тридцать лет, в 1989 г. в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН началась подготовка переиздания «Всеобщей истории...» по авторским рукописам в полном виде, с научными комментариями и именным указателем ко всем 3 частям. Публикация в издательстве «Индрик» (2008) последнего фундаментального историографического труда академика В. П. Бузескула в год его 150-летнего юбилея — один из шагов в пропаганде нереализованного богатейшего наследия русской исторической науки.

чином, стаття «Виучування історії...», як і весь збірник так і не побачила світ.

Утім, ще раніше Владислав Петрович звертався до ВУАН з проханням надрукувати повністю третю частину «Всеобщей истории». На той час у В. П. Бузескула виникла складна ситуація з текстом третьої частини. Її вчений передав (як і попередні) до видавництва Всесоюзної академії, але на той момент в Академії друкувати цей том не збиралися, разом з тим, рукопис автору не повертали. Отже, вчений хотів попередньо заручитися принциповою згодою ВУАН.

У листах до свого друга академіка С. О. Жебелева В. П. Бузескул писав: «не знаю, что будет со II частью моей работы, если даже она увидит свет. Приходится ведь говорить о лицах и темах, совсем не по времени... Но к чему это поведет! Воображаю заранее...». І вчений не помилився. Його роботу включили до редакційного плану, зробили скорочення, переклали українською, і в такому вигляді вона осіла в архіві видавництва ВУАН. В. П. Бузескул неодноразово у листах до Сергія Олександровича виказував серйозні побоювання, щодо долі свого твору: «теперь о Византии и византинистах говорить неудобно... у меня теперь является еще больше сомнений и опасений по поводу II части моей книги; мною уже написаны главы о разработке византийской истории с 70-х годов прошлого столетия и об изучении славянского мира... много приходилось говорить о трудах, касавшихся церкви. Думаю, ...остальные две [части] — о Византии и славянском мире (стоившие мне наибольшего труда и времени) — отложит до более благоприятного времени, когда, м. б. ...здравый смысл возьмет верх над нелепостями».

Кращих часів, коли здоровий глузд візьме гору, В. П. Бузескул не дочекався, вчений помер 1 липня 1931 р. у 73-річному віці. Те, що вважалося науковим досягненням ще в середині 1920-х рр., у 1930-х рр. прийшло до трагічного зіткнення з новими критеріями. Сама ж візантологія — ця «підсобниця самодержавства», як наукова галузь, на думку радянських ідеологів, заслуговувала на ліквідацію. Таким чином, на третій том «Всеобщей истории» В. П. Бузескула тричі випала доля залишитися архівним матеріалом, навіть у вигляді статті, він не побачив світ.

СЛАВЯНЕ И КОЧЕВНИКИ

Аксенов В. С. (Харьков)

ЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ САЛТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (на материалах Нетайловского грунтового могильника)

В настоящее время на салтовских памятниках бассейна Северского Донца имеется ряд вещевых находок, не характерных для алаано-болгарского населения. Это в основном единичные металлические элементы одежды, украшения, подвески-обереги, связанные как с пеньковским населением Днепровского лесостепного Левобережья, так и с народами, заселявшими в VIII–IX вв. Волго-Окское междуречье и Прикамье. Новые исследования Нетайловского грунтового могильника (2006, 2007 гг.) позволяют расширить наши знания о связях салтовцев с другими народами Восточной Европы. В исследованных захоронениях были обнаружены фибулы, браслеты, шумящая подвеска, которые не могут не вызвать интереса.

Серебряная фибула из погребения № 440 относится к разряду кованых Т-образных фибул с трапециевидной пластинчатой прогнутой спинкой и лопатовидной плоской ножкой. Подобные по материалу, оформлению и размерам фибулы были обнаружены в погребениях № 164 «Б», 350 того же Нетайловского могильника. Типологически близкая фибула, изготовленная из бронзового листа и с более короткой осью для пружины, была обнаружена в погребении № 460. Аналогичные фибулы происходят из погребения № 8 Коминтерновского II могильника турбаслинской культуры (вторая половина VI–VII вв.). Типологически близкие фибулы в VIII–IX вв. встречаются на памятниках Северо-Восточного Кавказа (Дагестан, Чечня).

Браслеты из погребений № 449 и 456, изготовленные из железа и бронзы, соответственно, относятся к типу пластинчатых с расширяющимися незамкнутыми концами и утолщением в средней части спинки. Три подобных браслета происходят из других захоронений могильника. Так, один бронзовый браслет найден в погребении № 370, и еще два серебряных браслета были найдены в захоронении второй половины VIII века № 164 «Б». Еще один такой бронзовый браслет найден в одном из захоронений конца VIII века Рубежанского катакомбного могиль-

ника (катакомба № 4). Данные браслеты находят прямые аналогии в памятниках VII в. с территории Чечни и Ингушетии.

Таким образом, и фибулы, и браслеты свидетельствуют о связи нетайловцев с народами Северного и Северо-Восточного Кавказа эпохи раннего средневековья. Возможно, данные изделия указывают и на те районы, откуда пришли переселенцы в бассейн Северского Донца.

Интерес вызывает бронзовая шумящая подвеска из погребения № 464. Подвеска представляет собой полую трубочку, в нижней части которой расположены в ряд три петельки круглой формы. В каждую петельку вставлена пластинчатая привеска в виде длинной прямоугольной пластинки. Подобные шумящие подвески являются этническим атрибутом финно-угорских народов Поволжья и Прикамья VIII–IX вв. (меря, мордва и др.). У этих народов подобные шумящие подвески входили в состав ожерелий, нагрудных и головных украшений. Найденная в погр. № 464 шумящая подвеска дополняет перечень финно-угорских вещей, найденных в салтовских памятниках бассейна Северского Донца (застежки-скулгамы, коньковые подвески, перстни и др.). Как часть сакрализованного комплекса личных украшений женского костюма, подобные вещи вряд ли могли выступать предметом торговли или обмена. Поэтому присутствие таких предметов личного убора в погребальных памятниках салтовского населения бассейна Северского Донца следует, по нашему мнению, рассматривать как факт присутствия в составе салтовского населения Подонцовья представительниц финно-угорских народов Волго-Камья. У преобладающих в военном, политическом и социальном плане салтовцев насильственно захваченные женщины других племен становились рабынями, наложницами, младшими женами. После своей смерти они, соответственно захоранивались на родовом кладбище мужа. Свидетельством чему и являются элементы иноэтнической материальной культуры в погребениях салтовского Нетайловского грунтового могильника.

И. В. Голубева (Харьков)

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ ХАРЬКОВА

Письменные источники не дают полноценной характеристики материальной культуры и быта переселенцев, а в последующем жителей Харьковской крепости позднего средневековья (казацкого периода). Сведения средневековых арабских географов о более раннем периоде истории жизни на территории города разрозненны, отрывочны и в силу их вариативной трактовки породили множество гипотез об отождествлении Харькова с различными крепостями. Лишь археологические данные, в силу своей объективности, могут позволить хронологически и этнически атрибутировать поселения, существовавшие когда-либо на мысу у слияния рек Харьков и Лопань.

Раскопки в центральной части города осуществлялись А. С. Федоровским в 1928–1929 гг., но отчетов о них не сохранилось, находки были депортированы в годы Второй мировой войны. Небольшие разведывательные шурфы в последние годы давали в основном вещевой материал XVII–XIX вв.

В результате проведения археологических экспертиз и, в основном, охранных археологических исследований ДП ОАСУ «Слобожанская археологическая служба» на территории Покровского монастыря, по улицам Клочковской и Квитки-Основьяненко изучены остатки Харьковской крепости, а также культурный слой и постройки XIII–XIV вв.

В рамках культурных отложений казацкого периода выявлены отдельные постройки, остатки гончарной

бытовой и архитектурно-декоративной керамики, изделия из железа и стекла, монеты различных номиналов, которые чеканились в период правления Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Петра I, а также Кристины Августы и Сигизмунда III Вазы. Особо следует отметить формирующуюся коллекцию монет Петра I, которые представлены различными типами, начиная от дореформенных серебряных копеек-чешуек, заканчивая монетами западноевропейского образца. Привлекает особое внимание литой бронзовый крест второй половины XVII века.

Сведения о довоенных раскопках не давали возможности получить достоверную информацию о жизни населения на территории городища после монголо-татарского нашествия. В ходе современных исследований зафиксирован гумусированный культурный горизонт, насыщенный обломками древнерусской посуды. О полукочевом характере жизни этого населения позволяет говорить высокий процент рубленых для приготовления в пищу костей диких животных. Выявлены хозяйственные и культовые комплексы.

Продолжающиеся раскопки позволят не только расширить знания о характере материальной культуры и быта населения, жившего на территории крепости, но и извлечь соответствующие артефакты, которые представляют большой интерес для экспонирования.

В. В. Грибовський (Дніпропетровськ)

ЗЕМЛЕРОБСТВО У ГОСПОДАРСЬКІЙ СИСТЕМІ ПРИЧОРНОМОРСЬКИХ НОГАЙЦІВ XVI–XVIII століть

Збільшення питомої ваги землеробства у господарстві кочовиків традиційно розглядається як індикатор руху від кочування до осілости, від нижчої до вищої стадії розвитку. На матеріалі історії причорноморських ногайців простежується, що підпорядковане ритмам кочівницької економіки землеробство становило специфічну норму; зростання її обсягів не спричиняло «якісного стрибка» від одного до іншого господарсько-культурного типу.

У період існування Ногайської Орди на Нижній Волзі ногайці мали стабільну територію кочування, усталені маршрути кочівки за меридіональним типом: зима — південь, літо — північ. Землеробство завжди було хоч і неprestижним, але неминучим супутником кочівницького господарства. Той, хто взимку втрачав худобу і не міг навесні рушити на кочування, або став чабаном більш удачливих одноплемінників, або залишався в зимівнику, сів хліб, просо тощо, не вдаючись до складної агрикультури. Ще Юсафат Барбаро (1431) зазначив землеробство як одне із звичайних занять кочового населення Золотої Орди.

Міграції ногайців до Північного Причорномор'я занурили ногайців у відмінні від Поволжя умови. Експлуатація літкових пасовищ ускладнювалася через небезпечне сусідство запорожців. Ситуація перманент-

них воєн примушувала кочові мікрогрупи до частішої зміни кочовищ. При цьому кочівницьке господарство постійно перебувало в умовах підвищеного ризику; стада ногайців часто гинули через природні катаклізми, епізоотії. Компенсувати втрати кочовикам доводилося традиційним засобом — здійсненням набігів на землеробське довкілля — румунські, молдовські та українські землі.

Однак навіть у тих умовах залишалося місце для землеробства. У свідченнях М. Меховського (1517), М. Броневського (1578), Жана де Люка (1625) Ф. Феррана (1709) подаються цілком певні згадки про землеробство. Останній автор зазначив: «Ногайці довго не живуть на одному місці. Довше вони залишаються там, де засівають поля, але по закінченню жнив завжди перекочовують до інших місць». Північне Причорномор'я традиційно виступало одним із центрів забезпечення центральних регіонів Османської імперії хлібом. Продаж вирощеного збіжжя дозволяв номадам отримувати ремісничі вироби. Землеробство орієнтувалося не на внутрішнє споживання, а на експорт. Утім, вирощений номадами хліб був невисокої якості й використовувався у турецьких містах як фураж, будучи не в змозі конкурувати з високоякісною пшеницею східного Середземномор'я.

Кримські хани задля протидії відкочівці ногайців за межі Причорномор'я вдавалися до примусової седентаризації. Буджацькі ногайці, котрі першими закріпилися під владою Кримського ханства, були присилувані «зламати свої гарби» і побудувати стаціонарні села. У степовому Криму ритуальне «ламання гарб» і насильницьке переведення кочовиків до осілости здійснювалися з наказу ханів ще у XVI ст. На початку XVIII ст. у Буджаку фіксується 200 ногайських сіл.

У XVIII ст. (особливо у період між двома російсько-турецькими війнами — 1739–1768 рр.) в економіці причорноморських ногайців відбуваються важливі трансформації, спричинені стабілізацією кордонів Османської імперії з Росією і Польщею. Скорочення частоти і масштабності набігів призвело до згорання обсягів работоргівлі. Стабілізація кордонів спричинила нову економічну ситуацію, помітно підвищила рівень безпеки на степовому порубіжжі і створила сприятливі умови для розвитку землеробського господарства як серед осілого населення Криму, так і серед кочових ногайців. Набуває широкого вжитку землеробський реманент, сінокосіння.

У середині XVIII ст. помітно зростають обсяги землеробства і у причорноморських ногайців. Хлібні поля ногайців розташовуються не тільки поблизу зимівників, тобто на півдні кочового маршруту. У 1744 р. згадано перебування єдисанців «для жатвы» у Побужжі, поблизу кордону з Запорозькими Вольностями.

У 1742 р. там же фіксуються і поля джембуйлуківців. Пора жнив була для ногайців важливим періодом господарського циклу. Технологія обробки та зберігання продуктів землеробства у причорноморських ногайців у цілому не відрізнялася від інших регіонів, заселених тюркомовним населенням. Ногайцями використовувалась пшениця простих сортів, просо, овес, які не потребували складної обробки ґрунту. Орали примітивним плугом, до якого прилаштовувалося колесо від гарби. Ногайці здійснювали дрібну оранку землі та незначне боронування, що перешкоджало росту посівам озимини. Землеробство ногайців ґрунтувалося виключно на займанщині цілинних угідь, без жодної системи сівозмін. Засвідчена джерелами висока врожайність забезпечувалася виключно високими властивостями цілинних чорноземів. У черговий період міграцій ногайців, пов'язаний з переводом російським урядом ногайських орд на кочування до р. Кубані в останній третині XVIII ст., спостерігається помітне зниження питомої ваги землеробства у єдисанців, єдичкульців та джембуйлуківців; схильність до осілости виявили тільки буджаківські ногайці.

Таким чином, потрапляючи протягом XVI–XVIII ст. у різні політичні та соціально-економічні умови, ногайці продемонстрували високу адаптивну спроможність своєї господарської системи. Збільшення питомої ваги землеробства у XVIII ст. не спричинило руйнації кочового типу економіки і не еволюціонувало в осіле землеробське господарство.

И. В. Зиньковская (Воронеж)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РАННЕГУННСКОГО ВРЕМЕНИ ЖИВОТИННОГО ГОРОДИЩА*

В настоящее время на территории Верхнего Подонья известно не менее 20-ти памятников типа Чертовицкое-Замятино (конец IV–V вв.). Они представлены поселениями, а также погребениями по обряду ингумации. К ним с полным основанием сейчас можно отнести и материалы Животинного городища в Рамонском районе Воронежской области. Памятник изучался в 70–80-е гг. XX в. экспедицией Воронежского университета под руководством А. З. Винникова. Он содержал культурные напластования различных эпох. В результате просмотра и изучения керамической коллекции Животинного городища из слоя, построек и ям удалось выделить весьма представительную керамическую серию середины I тыс. н. э. Ее составляют, прежде всего, фрагменты груболепных горшков с примесью крупного шамота и слюды. Реже встречалась лепная столовая керамика с гладкой поверхностью, покрытой лощением бурого или черного цвета. Орнамент для лепной керамики этого времени мало характерен и лишь иногда встречается в виде простых насечек и вдавлений по срезу или по краю венчика или зигзагообразной линии. Лепные сосуды рассматриваемого времени представлены следующими типами:

I — округлобокие сильно профилированные горшки с плавно отогнутым наружу венчиком вариантов Ia

и Ib. Они близки керамической традиции киевской культуры в ее сейминско-донецком варианте.

II — округлобокие горшки с прямым вертикально поставленным венчиком, со слабо выраженными покатыми плечиками (варианты IIa и IIб).

III — горшки с высоким прогнутым венчиком и хорошо выраженным плечиком. Большинство фрагментов имеют признаки груболепной керамики киевской традиции. Однако следует обратить внимание на верх сосуда этого типа, украшенного по плечикам двумя рядами округлых вдавлений. Сосуды с такой орнаментацией характерны для мощинской культуры.

IV — биконические горшки с ребром по тулову, выраженным в разной степени. Этот тип сосудов обнаруживает наибольшую близость биконическим сосудам поздней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культуры.

Кроме горшков в керамический комплекс середины I тыс. н. э. Животинного городища входили лепные миски: как округлобокие, так и ребристые. В слое встречены немногочисленные фрагменты глиняных плоских дисков 1 типа. Гончарная керамика из слоя городища представлена единичными фрагментами сосудов черняховской культуры и типа Ксизово–19.

* Стаття подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №070156109 а/ц.

На Животинном городище удалось выделить серию глиняных пряслиц середины I тыс. н. э. Они имеют характерную биконическую форму, но от боршевских пряслиц отличаются довольно широкими отверстиями иногда с воронковидными углублениями по верху и основанию. Три пряслица орнаментированы зигзагообразным орнаментом, вертикальными канелюрами или округлыми вдавлениями по ребру. Пряслица с подобным орнаментом известны только в черняховской культуре.

Помимо культурного слоя керамика 2-ой четверти I тыс. н. э. была также обнаружена в хозяйственных ямах и жилых комплексах. В постройке 21 были найдены пять лепных горшков и два гравленных пряслица, характерных для черняховской

культуры. В хозяйственной яме 33 найдено три лепных сосуда.

Итак, по культурной атрибуции всю керамику раннегуннского времени с Животинного городища можно подразделить на три группы:

1 — лепная керамика, имеющая аналогии на памятниках сейминско-донецкого варианта киевской культуры. Количественно она явно преобладала.

2 — груболепная и лощеная керамика (округлобокие и ребристые миски) с чертами мощинской традиции.

3 — гончарная керамика черняховской культуры, а также фрагмент гончарного сосуда типа Ксизово.

С рассматриваемым нами горизонтом, по-видимому, связаны грунтовые погребения, обнаруженные на площади Животинного городища.

В. Г. Івакін (Київ)

ДРУЖИННІ ПОХОВАЛЬНІ СТАРОЖИТНОСТІ КИЄВА КІНЦЯ IX—X СТ.: СПРОБА РЕЛІГІЙНОЇ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

Давньоруські поховальні пам'ятки кінця IX—X ст. несуть в собі інформаційний пласт, який важко переоцінити. На особливостях поховального обряду населення Києва відбилися складні соціально-економічні, і, передусім культурні процеси, які проходили на середньому Подніпров'ї в часи становлення давньоруської держави. Саме на рубежі I—початку II тис. поховальний обряд суттєво видозмінюється: трупопокладення поступово витісняє кремацію, причому певний період обидва обряди співіснують паралельно. Розпочинається цей процес у IX ст., коли разом із варязькими дружинами в середньодніпровський регіон активно просувається християнство. Це призводить до прийняття нової віри частиною киян. Цей факт фіксують візантійські, арабські та західноєвропейські джерела. Для задоволення духовних потреб неофітів запрошують священнослужителів, будуються церкви. Віротерпимість язичницької частини суспільства сприяє відносно мирному співіснуванню двох релігійних громад.

Поховальні пам'ятки київських могильників відображають процеси, пов'язані із християнізацією київської землі. Більшість виявлених пам'яток зазначеного періоду (85 %) становлять інгумаційні поховання. Серед них значну частку (більше 40 %) складають поховання в дерев'яних трунах та безпосередньо в могильних ямах. Орієнтація поховань відповідає канонам християнського обряду: тіло небіжчика кладуть головою на захід (з невеликими сезонними відхиленнями). На жаль, далеко не завжди вдавалося зафіксувати положення рук небіжчика, проте існуючі матеріали вказують на значне розповсюдження схрещення рук на животі або на грудях. Наявність курганів на київських некрополях не озна-

чала переважання поганського світосприйняття (до того вони далеко не завжди фіксуються). Кургани залишалися зовнішньою язичницькою формою при християнському змісті і проіснували ще кілька століть по офіційному хрещенню держави. Більшість київських поховань X ст. оздоблені бідним нечисленим інвентарем, а частіше взагалі безінвентарні. Виключенням постають багаті камерні поховання дружинної еліти. Нам здається неможливим трактувати наявність подібного інвентарю як характерну ознаку язичництва. Це помилкове твердження виникло через інтерполяцію в давньоруські часи сучасного християнського поховального обряду. Судячи по знахідкам на території давньоруських земель та загальноєвропейським аналогам, практика покладення багатого інвентарю (передусім зброї) була загально-розповсюдженою і після остаточної перемоги християнства. А. Кирпичников робить висновок про перетворення язичницького супроводжувального інвентарю в розвинуту феодалну символіку. Таким чином багатий інвентар в похованнях новонавернутої знаті свідчив про їх високий соціальний статус, а не релігійні переконання. В перехідний етап від язичництва до християнства проявляються різні змішані уявлення, які утримуються довго, аж поки церква не окріпне настільки, щоби розпочати боротьбу проти місцевих звичаїв та обрядів. За основними ознаками поховального обряду пам'ятки дружинного періоду схожі із християнськими поховальними старожитностями XI—XIII ст. Очевидним є те, що в перші століття християнізації поховальна традиція включало багато язичницьких рис, з якими церква вимушена була миритися. Багато з цих рис (могильний насип, поминальна трапеза тощо) дожили до наших часів.

В. И. Квитковский (Харьков)

ОТОПИТЕЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА ЖИЛИЩ САЛТОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (по материалам Северского Донца)

Отопительное устройство является одним из важнейших, и мало изменяемых со временем элементов интерьера древнего жилища. Его изучение содержит

информацию об этнической принадлежности его создателя, а в некоторых случаях и о хронологии жилища.

Вопросы их типологии для салтовских древностей уже ставились рядом исследователей, однако изучение велось в пределах отдельно взятых памятников и при сравнительно небольшой выборке объектов. В предлагаемой работе рассматривается 72 отопительных устройства с 10 памятников лесостепной зоны Северского Донца (Верхний Салтов, Дмитриевка, Коробовы Хутора, Маяки, Мохнач, Нетайловка, Пятницкое-1, Роганино, Сухая Гомольша), на которых были раскопаны постройки с очагами. Для предлагаемой типологии были взяты следующие критерии: 1 — место его расположения в помещении; 2 — тип отопительного устройства.

Относительно местоположения ситуация выглядит следующей: в углу постройки было обнаружено 21 устройство (29 %), возле одной из стен — 20 (28 %), в центре — 23 (32 %), 8 очагов (11 %) вынесены в отдельные ниши. При этом на разных памятниках их соотношение отличается. Например, в Коробовых Хуторах 6 печей и очагов были в нишах, что составляет 60 % от общего количества по памятнику, но нет очагов в углу основного помещения. На Дмитриевке из 19 отопительных устройств в нишах нет ни одного.

Рассматривая объекты по второму критерию, отмечаем наличие трех типов отопительных устройств: очаги, печи и жаровни. Наиболее представительными являются очаги — 52 объекта, что составляет 72 % от общего количества. 17 печей (24 %) и 3 устройства (4 %), которые исследователи отнесли к жаровням. В свою очередь, каждый из перечисленных типов делится на варианты. По устройству очаги можно разделить на открытые, «кострообразные», выявленные в 28 случаях (54 % от общего количества очагов); возведенные на останце выше уровня пола — 10 (19 %); углубленные по отношению к полу — 14 (27 %). Некоторые из них обложены камнем или обмазаны глиной. Камни могли использоваться как для сохранения тепла, так и в роли

ограничителей очага (в некоторых жилищах камни находились только у стен или вблизи деревянных конструкций). Глина служила дополнительным укрепляющим и изолирующим материалом. Печи, в зависимости от материала, из которого они созданы, традиционно делятся на глинобитные — 6 (35 %), каменки — 9 (53 %), и комбинированные — 2 (12 %). Для жаровен, из-за небольшой выборки, виды выделить невозможно.

Интересную картину дает корреляция предложенных критериев. В центре наиболее часто (78 %) располагаются открытые и углубленные (тарелкообразные) очаги. В углу преобладают печи (52 %) и «кострообразные» очаги (38 %). В ниши были вынесены исключительно печи и очаги на останце (по 50 %). В некоторых постройках сосуществовали разные типы отопительных устройств — печи и очаги. Выше перечисленные факты свидетельствуют о взаимопроникновении различных культурных традиций (открытые очаги в центре — характерная примета кочевой традиции; печи в углу — бесспорный славянский признак; очаги, расположенные в углу или у стены, часто с использованием камня, известны на аланских памятниках Северного Кавказа).

Тип отопительного устройства тесно связан и с формой котлована постройки. В юртообразных (округлых) жилищах преобладают очаги в центре. Все печи, большинство очагов в нишах и у стен найдены в квадратных или прямоугольных жилищах. При этом были обнаружены квадратные (прямоугольные) жилища с центральным открытым очагом (23 % от всех отопительных устройств) и округлые постройки с более сложными очагами у стены (6 %). Такие случаи являются примером заимствования кочевниками бытовых традиций оседлого населения (аланского или славянского), с сохранением своих традиционных черт. Это, скорее всего, неразрывно связано с процессом оседания кочевников в рамках существования лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

В. В. Колода (Харьков)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КОРОБОВЫ ХУТОРА: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Археологический комплекс Коробовы Хутора, состоящий из городища и обширного селища, расположен на правом берегу Северского Донца между одноименным селом и поселком Гайдары в пределах Змиевского района Харьковской области. По уточненным данным жилая площадь городища составляет $\approx 1,5$ га, разведанная площадь селища ≈ 30 га. Памятник изобилует западинами, которые в подавляющем большинстве являются остатками заплывших раннесредневековых жилищ. Территория селища местами террасирована. На элементах современного рельефа (склоны, края оврагов и террас) местами прослеживаются дороги, соединяющие между собой городище, берег реки (условно «пристань») и отдельные районы обширного селища.

К настоящему моменту раскопами исследовано ≈ 20 % двора цитадели и менее 1 % площади селища, однако уже сейчас можно сделать ряд выводов:

1. В связи с многократным использованием территории памятника для жилищно-хозяйственных нужд

различных людских общностей, можно выделить ряд этнокультурных периодов: городецкий, скифоидный (конец V—IV вв. до н. э.), пеньковский (VI—начало VII вв.), салтовский, преимущественно аланский (середина VIII—середина X вв.), славянский — северяне-роменцы — (вторая половина X—середина XI вв.), слобожанский (конец XVII—начало XX вв.).

2. Этапы строительства городища соответствуют наиболее интенсивным этнокультурным периодам. В раннем железном веке (скифский период) по периметру верхней площадки возвышенности были сооружены грунтово-деревянные укрепления по системе «ров-вал». В салтовский период раннего средневековья поверх прежнего вала была возведена новая грунтовая стена с жестким ядром, состоявшим из соединенных на глиняной основе и спеченных кусков рваного камня с примитивно сформованными кирпичами. Поверх этой стены (цитадели) возводилась стена (бруствер?); ров перед ней углублялся. Кроме того, с северной и западной сторон цитадели были

сооружены две дополнительные линии фортификации из рвов, валов и эскарпов. В славянский период можно говорить лишь предположительно об обновлении стены цитадели и углублении перед нею рва.

3. Население скифского времени использовало для проживания преимущественно городище; салтовского — главным образом, обширное селище; северянское — исключительно городище.

4. В салтовский период этнической основой населения были северокавказские аланы, рядом с которыми проживали бывшие степняки-кочевники (болгары, тюрки, угры) и славяне. Это подтверждается синкретическими чертами домостроительства и интерьера жилищ, а также керамикой. В следующий, северянский, период традиции синкретизма сохранились.

5. Основой хозяйства средневекового населения было пашенное земледелие и приселищное скотоводство, дополненное охотой и рыбной ловлей; разнообразным представляется и ремесло: черная металлургия и кузнечное ремесло, литье цветных металлов, обработка кости, рога, кожи, прядение и ткачество. Фиксируются торговые отношения с Крымом, Приазовьем и Поволжьем.

Р. О. Костоправов (Владимир)

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ В ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД (по материалам топонимики и народных преданий)

Отношения древнерусских князей с кочевниками прошли два основных этапа эволюции. Первый был связан с тотальной борьбой, сменяющейся периодом активных союзнических отношений, когда степные народы становятся одним из существенных факторов истории Древней Руси. Более того, некоторые из них вливаются в структуру древнерусского государства, становятся его составной частью — черные клобуки (черкасы), берендеи, торки. Русские князья начинают родниться с кочевниками. Среди последних появляются христиане (половецкий посол Василий, половецкий хан Глеб Туркевич).

Упоминания о кочевниках на службе князей Северо-Восточной Руси так же неоднократно встречается на страницах летописей. Перипетии междоусобных войн и династические браки приводят к тому, что в пределах Северо-Восточной Руси оседают представители кочевых народов.

Исследованию этих групп и посвящена настоящая работа. Данная проблема, на наш взгляд, весьма актуальна. За ней стоит не просто факт присутствия и оседания кочевых народов на территории Северо-Восточной Руси и их ассимиляции с местным населением, но и вопрос о том, как происходило влияние этих элементов в структуру общества. Один из существенных моментов связан с тем, что кочевники, переселявшиеся в Волго-Окское междуречье, были тесно связаны с княжеской властью, а потому весьма интересно попытаться проследить их роль в борьбе между князьями и местными элементами — как городскими обществами, так и боярством.

Поскольку летописных упоминаний, свидетельствующих об оседании кочевников на Руси нет, и археологически это так же зафиксировать пока не удается,

6. Стратиграфия комплексов на селище позволяет предположить две волны переселения алан в салтовский период существования памятника.

7. Материалы раннего железного века на памятнике аналогичны артефактам с иных поселений скифского времени лесостепной зоны Северского Донца и свидетельствуют об освоении данного региона скифоидным населением, пришедшим сюда с левых притоков Днепра, не ранее конца V в. до н. э.

8. Артефакты конца I—начала II тыс. вписываются в общую концепцию этнокультурного развития лесостепного региона С. Донца. Суть ее: мирное сосуществование и взаимная комплиментарность славянского и разноэтнического салтовского населения (при военно-политическом доминировании северокавказских алан со второй половины VIII до середины X вв.) сменяется, после возвращения последних на родину, доминированием северян, в этническое сообщество которых были инкорпорированы и представители бывшего салтовского населения. Большинство северянских городищ прекращает свое существование в середине XI в. в связи с половецкой угрозой.

ся, в качестве основного источника были использованы материалы топонимики и народных преданий.

На территории, которая в домонгольский период составляла Северо-Восточную Русь, фиксируется ряд топонимов, происходящих от летописных названий кочевых народов: берендеи (с. Берендеево Ярославской обл.), половцы (с. Половецкое Ярославской обл.), торки (с. Торчино у Суздаля), черкасы (с. Черкасово Владимирской обл.) (черные клобуки). Как видим, здесь представлены все степные народы, с которыми Русь активно контактировала в домонгольский период истории. Труднее выяснить ситуацию с бродниками. Названия, восходящие к корню «брод» очень многочисленны, но выделить те из них, которые происходят от «бродники», от тех, которые восходят к «брод» — «переправа» не представляется возможным, а потому мы вынуждены опустить их. Так же удалось выделить группу топонимов, которые, возможно, восходят к половецким именам (Боняково, Итларь, Кобыки Владимирской обл. и др.).

Уже сейчас можно констатировать, что основная масса топонимов сконцентрирована преимущественно на территориях, которые в домонгольский период были тесно связаны с городами Владимиром, Суздалем, Юрьевом-Польским, Переславлем-Залесским. Незначительное количество находится возле Ярославля и Твери. Очевидно, что влияние кочевников в общественную структуру Северо-Восточной Руси происходило в результате княжеской политики. Явно и то, что отсутствие топонимического материала по данной теме в районе Ростова связано с тем, что князья северо-восточной Руси опирались на Суздаль, а затем Владимир, а так же новые ими самими построенные города — Юрьев-Польской, Переславль-Залесский.

К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ ПУНКТОВ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ ДНЕПРО-ВОЛЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

На территории салтовской культуры Волго-Днепровского междуречья в настоящее время известно не менее пятидесяти различных фортификационных пунктов. Еще несколько фортификационных сооружений связано с предсалтовским или раннесалтовским временем. Данные пункты в литературе именуются городищами, хотя ими собственно никто глубоко не занимался. В работах С. А. Плетневой, В. К. Михеева, Г. Е. Афанасьева, И. А. Баранова известные фортификационные пункты хазарского времени классифицированы или типологизированы только по внешним особенностям: по природной или социальной плановой структуре, по способу строительства находившихся там оборонительных сооружений. А ведь абсолютно все относящееся к военному делу (оружие, защитное снаряжение, фортификационные сооружения и т. п.) всегда разделяется не по внешним видам, а прежде всего по возможным способам их использования, применения. С этой точки зрения, при достаточно внимательном рассмотрении всех фортификационных пунктов хазарского времени, сразу становятся видны их главные различия между собой в способе использования, а это уже объясняет и различия в их внешнем виде.

Все рассматриваемые фортификационные пункты кардинально различаются по наличию или практически полному отсутствию культурного слоя внутри оборонительных сооружений: они либо были заселены, либо населения там не проживало. От этого, по нашему мнению, и зависели размеры фортификационных пунктов. Площадь тех, которые были заселены, колеблется от 9–12 (Карнаухово) до 120 (Верхний Салтов) га. Размеры других укрепленных пунктов обычно не превышали 2 га, лишь иногда достигая 4 га (Костомаровский) или не превышая 0,36 га (Татьяновский).

Поэтому только заселенные в хазарское время, и поэтому наиболее крупные фортификационные пункты следует называть городищами. Это древнее народное слово, появившееся не позднее XVI в., всегда означало город (или большое поселение), окруженный оборонительными сооружениями. Рассматриваемые городища, располагаясь на высоких мысах или берегах рек, всегда имели валы, рвы лишь с напольной стороны. А вот какие там строились стены, и охватывали ли они весь периметр городища — сейчас это дискуссионная проблема. Пока только на наиболее крупном (Верхнесалтовском) городище зафиксирована так называемая цитадель — центральная и наиболее укрепленная часть городища размером около 2 га. Всего к настоящему времени на территории распространения салтовской культуры известно лишь 8 городищ. Крупное Верхнесалтовское городище в некоторых местах было окружено рвом шириной 24 м и глубиной 6 м. Эти

места стали известны участникам Кочетокской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1959 г. лишь благодаря указаниям старожилов с. Верхний Салтов. Немалое количество поселений салтовской культуры находятся в местах, где было удобно, сравнительно быстро и легко возвести оборонительные стены. Достаточно яркие примеры этому — Маяцкое городище, Красное (с цитаделями), Сухогомольшанское поселение. При осмотре автором в 2001 г. Большого Сидоровского городища были зафиксированы остатки валов и рвов на Малом Сидоровском городище.

Как уже неоднократно отмечалось мною, все небольшие и не имевшие постоянно проживающего на них населения фортификационные пункты хазарского времени более правильной будет разделить на военные лагеря и крепости. Отдельно стоит выделить пункты, назначение которых пока не ясно.

Военные лагеря располагались на мысовых выступах с узким перешейком с напольной стороны. Именно здесь возводилась одна или несколько линий обороны, обычно состоящие из коротких рвов и валов со входными шейками. Подобные военные лагеря предшествуют другим укрепленным пунктам хазарского времени. Наиболее ранний из известных пунктов — Глодоский. После оседания подобные лагеря на подчиненной территории кочевники не возводили. Они укрепляли уже существующие военные лагеря и превращали их в другие военные пункты (крепости). Сейчас таких военных лагерей насчитывается чуть более десяти.

Крепости представляли собой площадки, окруженные со всех сторон каменными стенами. Сейчас их насчитывается чуть более полутора десятков, из которых наиболее известной является Саркел. Как показали результаты научно-археологических исследований, в цитадели крепостей постоянно находился военный гарнизон.

Почти полтора десятка памятников с оборонительными сооружениями либо вообще не раскапывались, либо были обнаружены совсем недавно. Без широких исследований их пока невозможно отнести к одному из отмеченных выше видов фортификационных пунктов. Два из них являются похожими и располагаются относительно недалеко друг от друга. Это известное Волчанское городище, а также случайно обнаруженное автором в 2000 г. городище у с. Мартовая. Оба городища расположены на высоких мысах, с напольной стороны имеют защитные линии валов и рвов. Наиболее укрепленной частью в обоих случаях является цитадель размером 0,9 и 0,2 га, соответственно, укрепленная по всему периметру каменными стенами. Военное назначение данных фортификационных пунктов еще предстоит выяснить.

К. В. Мызгин (Харьков)

НАХОДКИ «ВАРВАРСКИХ» ПОДРАЖАНИЙ РИМСКИМ МОНЕТАМ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И МОЛДОВЫ

Среди нумизматических находок, относящихся к позднеримскому периоду на территории украинской лесостепи и Молдовы, отдельной группой выделяются находки «варварских» подражаний римским монетам. Под «варварским» подражанием в нумизматической литературе подразумевают несовершенное подражание монетам народами, не испытывшими непосредственного греческого или греко-римского культурного влияния. Как правило, это эмиссии монет с изображениями, аналогичными изображениям на монетах официального римского чекана. Нужно различать «варварские» подражания и подделки римских монет. Существенное различие между работой римских и варварских ремесленников, копировавших монеты, состояло в осознанности передаваемого изображения.

В отличие от римских фальшивок, изображения на варварских подделках выполнены более схематично.

К наиболее ранним варварским подражаниям монетам, известным на территории Восточной Европы, относятся подражания тетрадрахмам Филиппа II и Александра Македонского. По всей видимости, эти подражания были чеканены кельтскими племенами Среднего Подунавья, где они широко известны.

На сегодняшний день на территории украинской лесостепи и Молдовы достоверно известно о 37 находках варварских подражаний римским монетам, которые происходят из 24 пунктов: 18 монет происходит из 15 пунктов единичных находок, 10 монет находилось в составе 9 кладов римских монет. По металлу находки варварских подражаний распределяются следующим образом: медь, плакированная золотом — 2 экз. (5,4 %), серебро — 23 экз. (62,2 %), золото — 10 экз. (27 %), металл неизвестен — 2 экз. (5,4 %).

Хронологически находки варварских подражаний распадутся на три группы: 1) конец I—II вв. (Траян — Септимий Север) — 28 экз. (82,4 %); 2) вторая четверть—середина III в. — 4 экз. (11,7 %); 3 — середина IV в. (Констанций II) — 2 экз. (5,9 %).

В. В. Скирда,
І. М. Скирда (Харків)

СПРОБИ ЕТНІЧНОГО ВИЗНАЧЕННЯ АРХЕОЛОГІЧНОГО МАТЕРІАЛУ НА XII АРХЕОЛОГІЧНОМУ З'ЇЗДІ

Серед багатьох питань, які були поставлені перед дослідниками, що брали участь у роботі XII Археологічного з'їзду, проблема етнічної приналежності спеціально не піднімалася, але науковці приділяли їй певну увагу.

Етнічну належність найбільш давніх археологічних пам'яток намагався визначити В. В. Хвойко, який вважав за можливе пов'язати середньодніпровські пам'ятки трипільської культури, що в той час відносилися до неолітичного часу, з давньоарійським населенням. Найдавніші курганні поховання на Харківщині,

які в той час відносили до перехідного періоду від каменю до бронзи, В. О. Городцов, Ю. В. Готьє та К. М. Мельник пов'язували з кіммерійцями. Проаналізувавши матеріал, отриманий в результаті розкопок курганів на півдні Харківщини, В. О. Городцов виділив три нові археологічні культури — ямну, катакомбну та зрубну, які послідовно змінювали одна одну. Дослідник звернув увагу на схожість господарського укладу та релігійних уявлень носіїв цих культур, однак відзначав, що вони належали різним народам, не конкрети-

38. Типологічески известные находки варварских подражаний разбираются на три группы:

1 группа: подражания серебряным римским монетам (денариям, силиквам). Известны в Поднестровье, на Волини, в Среднем Поднепровье, в Галичине, на Левобережье, в Северо-Западном Причерноморье, в Молдове. Основными центрами чеканки подобных монет являются Добруджа, западные районы Северного Кавказа и Керченский полуостров, а также Западная Грузия.

2 группа: подражания антонинианам. Известна находка в Северном Причерноморье. Представляла собой медную подвеску, плакированную золотом. По всей видимости, подражание относится к работе местных черняховских ювелиров.

3 группа: подражания ауреусам или квинариям. Основная зона распространения — Среднее Поднепровье. Известны также отдельные находки в Подолье и в Северном Причерноморье. По всей видимости, центры чеканки варварских подражаний золотым римским монетам следует искать западнее ареала распространения черняховских древностей. Хотя не исключена и чеканка некоторых подражаний местными ювелирами.

Таким образом, на сегодняшний день нет никаких оснований утверждать, что в среде черняховского населения возникла чеканка монеты, в виде подражаний римским образцам. Отдельные типы варварских подражаний местной чеканки, такие как подражание антониниану или некоторые из золотых подражаний, изначально изготавливались как деталь убора и не получили широкого распространения в черняховской среде.

зуючи їх етнічну приналежність. Значну увагу етнічній проблематиці В. О. Городцов приділив у своїй доповіді «Поховання з конем в Європейській Росії». Зокрема, він відзначив, що згаданий обряд був започаткований східними народами, які належали до урало-алтайської мовної гілки. Поховання з конем на території Росії, на думку науковця, з'являються наприкінці бронзового віку і були запозичені місцевим населенням, яке дослідник пов'язував з фінами. В. О. Городцов відзначив, що за залізної доби такий вид поховань почало практикувати і слов'янське населення, особливо це було притаманне кривичам. Слід відзначити, що не всі дослідники, присутні на з'їзді, погодилися з думкою В. О. Городцова. Зокрема, Г. Лонткевич та Д. М. Анучин ставили під сумнів широке розповсюдження конярства у середовищі фінського населення, а В. І. Сізов та М. Є. Бранденбург не поділяли думку, стосовно того, що обряд поховання з конем серед слов'янського населення практикували саме кривичі.

Ще до початку роботи з'їзду відкривач середньовічного Верхньосалтівського катакомбного могильника В. О. Бабенко висунув припущення про його належність кочовому населенню, яке прийшло у верхів'я Сіверського Дінця з гірських країн. Виступаючи на з'їзді, він припустив, що даний могильник міг належати хозарам, половцям, печенігам або торкам. О. М. Покровський вказував на те, що він має багато спільного з могильниками Північного Кавказу, а за антропологічним типом верхньосалтівські поховання відрізняються від слов'янських, крім того, один із черепів взагалі мав чітко виражені монголоїдні риси. Близьким за часом та матеріальною культурою до Верхньосалтівського виявився Зливкінський ґрунтовий могильник, носії якого за антропологічним типом були віднесені Д. М. Анучиним до окремого тюркського племені.

Не менш дискусійним було питання про етнічну

належність Донецького городища великокнязівської доби. Д. Я. Самоквасов вважав, що дана пам'ятка належала половцям. Але більшість дослідників (В. О. Городцов, В. І. Сізов, В. Є. Данилевич та ін.) вважали його слов'янським і, навіть, робили припущення про його належність сівер'янам. Також слов'янськими, близькими за матеріальною культурою до Донецького городища, були визнані городища та кургани поховання біля с. Ніцаха. Цю точку зору поділяли К. М. Мельник, Д. І. Багалій та В. О. Городцов. До того ж, К. М. Мельник вважала, що ці пам'ятки належали окремому слов'янському племені, яке літописи згадують під назвою бродники.

Дослідженнями курганів з кам'яними бабами на Харківщині займалися Є. П. Трифільєв та В. О. Городцов. Вони, а також інші науковці, присутні на засіданнях з'їзду прийшли до висновку, що такі поховання належали середньовічним кочовикам. Є. П. Трифільєв висловив припущення про їх належність торкам. В. О. Городцов також пов'язував їх з тюркомовними торками або половцями. Але Д. М. Анучин, який проводив антропологічні дослідження, зауважив, що за антропологічними ознаками, небіжчики з поховань, розкопаних В. О. Городцовим, відрізняються від основного типу тюркомовних племен.

Таким чином, розглянутий нами матеріал дає можливість прийти до висновку про те, що проблеми етнічної визначеності археологічного матеріалу на XII Археологічному з'їзді були доволі актуальними, хоча і не були остаточно вирішеними. Особливо складним для дослідників того часу було визначення етнічної приналежності пам'яток, найбільш віддалених від нас у часі. Найближче до вирішення проблеми етнічної приналежності підійшли такі науковці як В. О. Городцов та К. М. Мельник, погляди яких здебільшого збігаються з висновками сучасних дослідників.

С. П. Тараненко (Київ)

ОСНОВНІ ТИПИ СПОРУД МАСОВОЇ ЗАБУДОВИ ПОДОЛУ КИЄВА X—першої половини XIII ст.

Дерев'яні споруди, як основний елемент масової забудови давньоруських міст, потребують окремого та ретельного вивчення археологів та істориків. Саме ці знання дозволяють реконструювати справжній облік середньовічного міста.

Історія археологічного дослідження київського Подолу нараховує більше 60-ти років. Розвідки І. М. Самойловського в 1949 р. та перші стаціонарні розкопки І. Богусевича у 1950 р. були першою археологічною інформацією про один з найдавніших центрів Києва в давньоруський час, включаючи данні масової забудови.

В даній роботі представлений аналіз на базі 201 дерев'яних споруд, досліджених на розкопках Подолу за період з 1984 по 2000 рр. Виявлені основні типи споруд Подолу Києва в різні періоди (X, XI, XII, першої половини XIII ст.) за конструкцією стін, та рівнем заглиблення від денної поверхні, а також простежені етапи розвитку домобудівництва.

X ст. 3-за глибокого залягання (до 12 м) шарів цього періоду в зазначений час досліджено тільки дві споруди каркасно-стовпової конструкції господарчого призначення.

XI ст. В цей період зафіксовано 70 споруд. Серед них інтерпретовано як житла — 19 і господарчого призначення — 51. Житла: 18 зрубної конструкції (5 багатоярусних), 1 каркасно-стовпова з підклітом. Господарчого призначення: 23 зрубів (3 багатоярусних), 20 каркасно-стовпових, 8 — не визначено конструкцію (3 багатоярусних).

XII ст. Найбільша група досліджених будівель — 105. Жител — 58 та 47 господарчих споруд. Житла: 39 зрубів (16 багатоярусних), 16 каркасно-стовпової конструкції (5 багатоярусних), 3 не визначено (2 з підклітом). Господарчого призначення: 26 зрубів (8 багатоярусних), 14 каркасно-стовпових (4 багатоярусних), 7 не визначено (одна споруда з підклітом).

Перша половина XIII ст. Зафіксовано 8 жител та 16 споруд господарчого призначення. Житла: 6 зрубної конструкції (одна багатоярусна), 2 каркасно-стовпвої конструкції (одна багатоярусна). Господарчі споруди: 12 зрубів (4 багатоярусних), 3 каркасно-стовпвої конструкції (одна багатоярусна), одна будівля не визначеної конструкції.

Приведені статистичні дані дозволяють стверджувати про існування на Подолі Києва у X–XIII ст. двох типів дерев'яних будівель за способом будівництва стін: зруб та каркасно-стовпова конструкція. Вони існували паралельно без заміни одна на одну, але зруб

був домінуючим конструктивним типом як жител, так і господарчих споруд. Масова фіксація жител каркасно-стовпвої конструкції в першій половині XII ст. вказує на соціально-економічні зміни в суспільстві. Поява в X ст. багатоярусних споруд (з підклітами) дає можливість розглядати житла як більш універсальні об'єкти середньовічного міста.

Поєднання даних з 1950 по 1984 рр., та з 2000 року по наш час, як здається, принципових змін нам не покажуть. Наступні дослідження, можливо додадуть інформацію для реконструкцій будівель, їх інтер'єрів та планувальної структури давньоруського Подолу тощо.

М. В. Хоружая (Харьков)

«РОГАТЫЕ» ПРЯЖКИ САЛТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Пряжки в виде ажурной рамки треугольной формы, вершины которой оформлены в виде трех выступающих усов (двух боковых серповидной формы и одного центрального, чаще всего, стреловидной формы) получили в литературе название «рогатых». Они являются принадлежностью костюма салтовских женщин, и характерны только для населения Верхне-Салтовского и Ютановского археологических комплексов, оставленных одной из племенных групп алан.

Данные пряжки выступают, как самостоятельный элемент женской одежды, так и в комплексе с подвесками-амулетами (подвески с соколиными головками, колесовидные солярные амулеты) или туалетными принадлежностями (копоушки, туалетные коробочки, туалетные кисточки). Амулеты и туалетные принадлежности крепились к пряжкам при помощи бронзовых цепочек или кожаных шнурков. При погребенной зачастую находится одна, реже две «рогатых» пряжки. Одиночные «рогатые» пряжки могли выступать деталью поясного ремня, или же крепиться к одежде женщин в районе груди. С помощью пары «рогатых» пряжек к одежде женщин крепилось, помимо амулетов и металлических туалетных принадлежностей, ожерелье бус.

«Рогатые» пряжки, выступая атрибутом женского костюма, несли сложную семантическую нагрузку. Основой пряжки является рамка треугольной формы. Треугольник у многих народов был знаком женского пола, символом Великой богини (богини неба), покровительницы жизни и смерти. Великая богиня у индоевропейских народов, будучи богиней неба, выступала подательницей живительной влаги и способствовала урожаю, выступая символом плодородия, вообще. Оформление углов треугольной рамки тремя выступами, в таком случае, можно рассматривать как стилизованное изображение женской фигуры с поднятыми вверх руками (центральный стреловидный отросток символизирует голову богини, а два изогнутых боковых уса — ее поднятые

вверх руки). Именно такая поза представлена на славянской ритуальной вышивке и в весенних обрядах, связанных с молением о подаче небесного блага всему живому. Дублирование изображений по углам пряжки должно было только усиливать силу амулета.

На связь данного изделия с небесной сферой (с Великой богиней) указывают и те амулеты, которые зачастую подвешивались к «рогатым» пряжкам. Это обычные солярные амулеты в виде двойного кольца с восемью лучами между ними и амулеты с соколиными головками, семантика которых хорошо известна.

Интересно оформление пряжек из катакомбы № 16 Рубежанского могильника. Оформление одного из углов рамки в виде восьмерки придает всему изображению вид стилизованной головы коровы. У индоевропейских народов с Великой богиней связывался белый цвет по той причине, что это цвет молока, а богиня считалась матерью и кормилицей. Для алан бассейна Северского Донца, в хозяйстве которых разведение крупного рогатого скота имело большое хозяйственное значение, корова вполне могла выступать символом Великой богини.

Единичные «рогатые» пряжки с двумя усами, развернутыми в разные стороны, по углам треугольной рамки, несмотря на свои отличия, также связаны с идеей плодородия и небесной богиней. В данном случае пряжку можно считать знаком земли с растительностью (усы, расходящиеся из углов рамки). Такие символы хорошо известны у разных народов. Они выражают моления о том, чтобы богиня неба способствовала урожаю.

Таким образом, «рогатые» пряжки у части аланского населения бассейна Северского Донца выступали символом Великой богини (подательницы жизни) и были связаны с идеей плодородия. Поэтому они были атрибутом одежды девушек, достигших брачного возраста, и молодых женщин.

НОВЕ ПОСЕЛЕННЯ XIV СТОЛІТТЯ В БАСЕЙНІ СІВЕРСЬКОГО ДОНЦЯ

Восени 2006 р. в результаті розвідувальних робіт на території Харківського району Харківської області було виявлено нове поселення орієнтовною загальною площею 5 га з комплексами раннього та пізнього середньовіччя. Поселення розташоване на пологому схилі мису, поряд з яким протікає безіменний струмок, що впадає в р. Харків. Під час розвідки на поверхні були зібрані дрібні уламки кераміки скіфського часу і раннього середньовіччя. Шурфуванням ґрунтового шару встановлено відсутність потужних культурних нашарувань. Речові залишки були репрезентовані лише невеличкими шматками обмазки і дрібними фрагментами стінок ліпних горщиків. Проте на площі біля 2 га, де ґрунтовий шар виявився зрізаним землерійною технікою на глибину від 0,5 до 1,2 м, на фоні материкового суглинку були зафіксовані чорні плями багатьох комплексів. Під час охоронних археологічних досліджень розкрито більш сорока житлових та господарських об'єктів, серед яких найбільш цікаві залишки жител та господарських приміщень післямонгольського періоду. За формою та розмірами серед них можна виділити легкі наземні будівлі, від яких залишилися лише невеликі за розмірами майданчики, заповнені горілою деревиною та дрібними уламками глиняної обмазки з фрагментами кераміки. Крім того виявлені залишки наземних будівель чотирикутної за планом форми, незначно заглиблених у материк. Серед численних будівель помітно виділяються залишки приміщень значних розмірів, заглиблених в материковий суглинок більш ніж на 1–1,5 метрів зі слідами потужних дерев'яних конструкцій. Верхня частина таких приміщень не збереглася, нижня облаштована нишами, підбоями, додатково виритими господарськими ямами, поглибленнями. У деяких житлах зафіксовані ями від опорних стовпів. Будь-які пічі в них були відсутні. Приміщення мали м'яке золите заповнення з речовими залишками (у центральній частині комплексу), понад стінками фіксувався щільний затіклий ґрунт без знахідок.

Господарські ями та приміщення оточували житлові комплекси. Глибокі господарські ями мали в плані форму круга або овалу, стінки їх від верху поступово розширювались до дна. Для них характерне

багатошарове заповнення, насичене будівельним сміттям, кістками тварин та речовими залишками з глини, ріже — металів. Господарські приміщення мали підпрямокутну в плані форму, невеликі розміри, сходи, підбої, додаткові ями, викопані у материковому дні, стінки їх були у верхній частині вертикальні, проте біля дна поступово розширювались. Золисте заповнення з включеннями вуглеців містило матеріальні залишки золотоординського часу. Серед інших розкритих комплексів необхідно відмітити тандир, зафіксований у північній частині ділянки, що досліджувалась. Він мав вигляд ями, вирізаної в материку, стінки якої додатково були обмазані глиною та пропалені. У вуглецевому заповненні фіксувались зольні прошарки. В ямі знайдено уламки чавунних казанів, дрібні шматки глиняної обмазки.

Серед предметів матеріальної культури на цьому поселенні знайдені уламки горщиків за формою подібних до давньоруських, але із своєрідною нетиповою орнаментациєю, гирло середньовічної амфори трапезуноусного типу, уламок ручки амфори зі слідами ангобу, уламки чавунних казанів, залізні знаряддя праці, серед яких можна відмітити серп новгородського типу, двозубу острогу та рибальський гачок. В розкритих комплексах виявлено металеві прикраси, предмети озброєння, кераміку золотоординського часу, срібні монети Мухамеда Булака, що датуються третьою чвертю XIV століття. В одному з жител знайдено уламок кам'яного жорна з отвором.

Поселення мало значні розміри. Комплекси не перетинають один одного, серед них простежуються різні за призначенням будівлі. Речового матеріалу в досліджених об'єктах небагато, проте він достатньо виразний. Важливо підкреслити, що ця пам'ятка є першим чітко зафіксованим поселенням золотоординського часу на Харківщині з яскраво вираженими житловими та господарськими комплексами XIV ст. Дослідження цієї пам'ятки дозволяє отримати більш повну інформацію про життя населення в середній течії Сіверського Дінця в післямонгольський час та ставити під сумнів тезу про існування на цій території протягом тривалого часу так званого «Дикого поля».

Э. Шультце (Берлин),

М. Любичев (Харьков)

КЕРАМИКА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ УЧАСТКА «В» ПОСЕЛЕНИЯ ВОЙТЕНКИ 1 (по раскопкам 2004–2006 годов)

С 2004 г. Германо-Славянской археологической экспедицией ХНУ им. В. Н. Каразина производятся планомерные исследования большими площадями археологического комплекса позднееримского времени Войтенки 1 на Днепро-Донецком водоразделе. Осу-

ществляется совместный проект «Керамика черняховской культуры и ее производство в Войтенках» с участием доктора Э. Шультце (Евразийское отделение Немецкого археологического института, Берлин, ФРГ), канд. ист. наук М. Любичева (Германо-Славянская

археологическая экспедиция, Национальный университет имени В. Н. Каразина, Харьков, Украина), доктора М. Дашкевич (ARCHEA, Варшава, Польша), Е. Бобрик (Химический факультет, Технологический университет, Варшава, Польша), доктора Г. Шнайдера (Рабочая группа археометрии, Свободный университет, Берлин, ФРГ). Речь идет об изучении керамики не только с помощью традиционных типолого-статистических методов, но и с использованием достижений естественных наук.

Исследования показали, что на участке В имеется (в отличие от участка А) только один горизонт — черняховское поселение ступеней СЗ—начала D1. Рядом размещается синхронный могильник. Вся керамика из подъемного материала, слоя и комплексов является здесь исключительно гончарной.

В заполнениях и на полу полуземлянки 1 присутствует лишь кухонная керамика — фрагменты горшков с развитыми (длина равна толщине) и хорошо развитыми (длина превышает толщину, манжетовидные и Г-образные) венчиками. Тулово одного горшка было украшено поясом из вертикальных углубленных овалов. Такая композиция является необычной для орнаментации черняховских горшков.

Из заполнения наземной каркасной постройки 1 происходят фрагменты горшков с развитыми и хорошо развитыми венчиками, горшка-вазы с лощеной поверхностью, мисок открытого и закрытого типа, двуручного кувшина. Горшок-ваза орнаментирован композицией из

врезанных двух параллельных горизонтальных линий и волнистой в поле между ними.

В слое найдены фрагменты горшков, мисок открытого и закрытого типа, мисок-ваз (в том числе с широкими плоским венчиком), мисок с орнаментом из ряда плоских овалов по ребру, мисок со лжеушками. Обнаружено большое количество фрагментов чернолощенных кубков с самыми разнообразными вариантами орнаментации. Обращает на себя внимание фрагмент миски с лощеной поверхностью коричневого цвета, украшенной штампами в виде колосьев, каждый из которых содержит по 20 «зерен» в ряду. Вероятно, мы имеем дело с фрагментом импортного сосуда. К импорту относятся и светлоглиняные амфоры типа F, различные части которых обнаружены в слое и на поверхности. На некоторых фрагментах амфор содержатся дипинти, надписи, нанесенные красной краской.

Гончарные горшки из слоя и комплексов участка В соответствуют признакам третьего периода развития горшков на памятниках Среднего Поднепровья, отнесенного к середине IV—началу V вв. (по А. В. Петраускасу и О. В. Петраускасу) Датированные находки из полуземлянки 1 (костяной гребень Никитина I, 1; бронзовая подвязная фибула Б2в), каркасной постройки 1 (фрагмент стеклянного кубка Кенигсбрух, бронзовая подвязная фибула Б1в) также укладываются в эти рамки. Комплекс гончарной керамики из участка В очень похож на материалы, происходящие из поселений Шлях 2, Халимоновка, Бормля 2 (верхний горизонт).

ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н. А. Алексеенко (Севастополь)

НОВЫЕ ИМПЕРАТОРСКИЕ МОЛИВДОВУЛЫ ИЗ ХЕРСОНА (К ВОПРОСУ О МАЛЫХ ПЕЧАТЯХ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ)

На Херсонеском городище печати Византийских императоров представляют достаточно компактную группу памятников, в большинстве своем относящуюся к VI—VII вв. До недавнего времени их было известно лишь 9 экземпляров. В последнее десятилетие нам удалось ввести в оборот еще 12 печатей. Новые находки вполне вписываются в хронологические рамки ранее изданных, в некоторой степени ее расширяя и дополняя.

Как известно, основную массу императорских печатей представляют свинцовые моливдовулы, которые использовались для традиционной корреспонденции. Однако и здесь, видимо, существовали определенные особенности. Обнаружение в последнее время моливдовулов, в известной мере отличающихся от традиционных сфрагистических типов, принятых тем или иным византийским императором, позволило Е. В. Степановой высказать предположение о существовании больших и малых (личных) императорских печатей, подобных византийским золотым монетам. В свое время в поле нашего зрения также попала находка такой «малой» печати императора — Юстиниана I. И хотя она практически не отличается от его традиционных моливдовулов по диаметру, ее сфрагистический тип иной и полностью копирует монетный тип солида.

1. Аверс. Погрудное изображение императора Юстиниана в фас, одетого в плащ и диадему с подвесками, держащего в правой руке державу, увенчанную крестом. По кругу традиционная монетная надпись.

Реверс. Фигура крылатой богини Ники, обращенная влево, держащая длинный крест. По кругу плохо читаемая латинская надпись.

Четко прослеживаемый сквозной канал для продевания шнура, вне всякого сомнения, определяет в ней императорскую печать, а не некую коммеморативную тессеру. Безусловно, определение рассматриваемого моливдовула как малой печати Юстиниана I значительно расширяет хронологические границы бытования этого вида печатей, ограниченные Е. В. Степановой эпохой иконоборчества. В тоже время заимствование монетного типа, а также значительное сходство нашей находки с некоторыми печатями и пломбами предшественников Юстиниана позволяют нам высказать еще одно предположение.

Не исключено, что монетный тип рассматриваемого моливдовула может предполагать и его более раннюю

датировку в сравнении с остальными печатями Юстиниана. Вероятно, здесь нельзя сбрасывать со счетов то, что император изначально мог использовать для личной (?) печати матрицы солида, а уже затем для его официально государственной печати был разработан специальный сфрагистический тип. В ином случае использование нумизматического типа для императорской свинцовой сфрагистики могло отражать взаимосвязь последней с практикой внедрения в византийскую практику хрисовулов. На чем мы остановимся ниже.

Все эти вопросы в равной степени можно отнести и к следующему моливдовулу, несмотря на то, что его датировка отстоит от предшествующего на пять столетий.

2. Аверс. Погрудное изображение Христа, анфас в «крещатом» нимбе, держащего в левой руке Евангелие. По сторонам титлы: IC-XC.

Реверс. Поясное изображение императора анфас, одетого в дивитисий, лор и диадему с подвесками, держащего в правой руке державу, увенчанную крестом, а в правой — лабарум (или длинный крест?). По кругу надпись: «....Дука»

Анализ изображений и данных эпиграфики позволяют отнести данную печать к памятникам XI столетия. Сопоставляя данные нумизматики и сфрагистики, нашу печать следует отнести к Михаилу VII Дуке (1071–1078).

Напомним, что Е. В. Степанова высказывала мнение, что аналогичные моливдовулы могли выполнять роль малых личных печатей императоров, каждый раз имевших чрезвычайный характер, когда в качестве матриц использовались штемпели монет. На наш взгляд, не исключено, что так называемые «малые» печати являлись своеобразными суррогатами императорских хрисовулов. В таком случае «малая» печать, копируя тип хрисовула, должна являться также государственной печатью, но определенного специального назначения. Безусловно, трудно определить сферу ее применения, т. к. источники об этом умалчивают. Но лишь одно, как и хрисовулы они должны были прикрепляться к корреспонденции, носившей чрезвычайный характер, степень важности которой очевидно в какой-то мере уступала таким документам как межгосударственные договоры и верительные или жалованные грамоты. Этим, очевидно, может объясняться и их достаточная редкость.

К. Ю. Бардола (Харьков)

ФИСКАЛЬНАЯ И РЕГУЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В современной экономической науке наряду с классификацией налогов не менее важно определить их функции. Большинство экономистов выделяют две основные функции налогов: фискальную и регулируемую. Фискальная функция заключается в создании материальных ресурсов для функционирования государства. Функция регулирования состоит в использовании государством налогов для достижения не только и не столько фискальных, а и общеэкономических или социальных целей. В последнее время экономическая наука оказывает предпочтение изучению функции регулирования, рассматривая налоги как некие «встроенные стабилизаторы». Однако, рассматривая налогообложение времен поздней античности и раннего средневековья, экономисты и историки зачастую отмечают его исключительно фискальный характер. Во многом это обусловлено влиянием, которое оказывала «классическая теория налогов» А. Смита и Д. Рикардо на историческую науку в целом. Согласно их теории налоги являются одним из видов государственных доходов, которые должны покрывать затраты по содержанию правительства. Налогообложение Поздней римской империи, основные принципы которого в дальнейшем были восприняты правительством ранневизантийского государства, является ярким доказательством этой теории. Императоры III—V вв. стремились максимально эффективно использовать систему налогообложения для увеличения поступлений в казну. Были задействованы практически все возможности прямого и косвенного обложения, активно применялись методы дополнительной налоговой нагрузки, часто использовался добровольный и принудительный откуп налогов. В результате к VI в. в ранней Византии сложилась достаточно сбалансированная налоговая система, при помощи которой правительство могло активно наполнять бюджет и накапливать в государственной казне значительные денежные средства, как это было при правлении императора Анастасия I. Однако большое количество налоговых льгот и увеличение доли косвенного налогообложения в виде таможенных пошлин и налога с торгового оборота приводило к тому, что значительная часть налогового бремени перекладывалась на плечи наименее социально защи-

щенного населения. Недовольство проводимой византийским правительством налоговой политикой служило причиной для многочисленных антиправительственных выступлений плебса, количество которых значительно возросло к концу V — началу VI вв.

Основные изменения византийской системы налогообложения происходят во время правления императора Юстиниана I и его преемников. Связаны они были, в первую очередь, с унификацией принципов налогообложения, отменой льгот и уменьшением доли косвенных налогов в государственном бюджете, а также с усилением государственного контроля над процессами распределения и взимания налогов. Впоследствии подобные принципы при осуществлении налоговой политики привели, с одной стороны, к уменьшению социальной напряженности, стабилизации цен и укреплению государственной вертикали власти, а с другой, к уменьшению общей суммы налоговых поступлений, к снижению эффективности процесса взимания налогов и, в определенной степени, к сворачиванию частной инициативы. В VII—VIII вв. роль косвенных налогов в государственном бюджете становится минимальной, значительно снижается количество прямых налогов и практически отсутствуют налоговые привилегии. Налогообложение в этот период играет не только фискальную, но и, в значительной мере, регулируемую функцию. При помощи таких налоговых практик как синона и эпибола византийские императоры контролировали не только объем налоговых поступлений, но и в значительной мере уровень цен и (в определенной степени) материальное положение налогоплательщиков. Исходя из этих целей государство держало под жестким контролем внешнюю торговлю даже в ущерб доходу от таможенных пошлин и налогов с торговых сделок. В целом, по мнению экономистов, предпочтение в налоговой политике методам прямого обложения свидетельствует об уравнилельных целях государства.

Таким образом, можно сказать, что задолго до XVI в. в Византии действовала система налогообложения, которая наряду с фискальной деятельностью в значительной мере осуществляла и регулируемую функцию.

С. В. Дьячков (Харьков)

ПЛОЩАДКА ДЛЯ МЕТАТЕЛЬНОЙ МАШИНЫ ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО (XIV—XV ВВ.)

Археологическими исследованиями Объединенной археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (С. В. Дьячков) и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Н. А. Алексеенко) в 2005–2007 гг. на территории консульского замка крепости Чембало был обнаружен «арсенал» каменных снарядов (208 шт.). Ядра (преимущественно в форме шара или

эллипса) были вытесаны из местного камня, известняка, диорита («морской камень»), а также барабанов мраморных колонн. Вес ядер колеблется от 20 до 100 кг (преимущественно от 35 до 65 кг).

Внушительный запас каменных ядер предназначался для метательной машины типа требюше. Машина была установлена на северном склоне горы Кастрон (отметка 57 м) у оборонительной куртины вблизи

башни № 8, которая прикрывала подходы к консульскому замку. Место для установки требюше было выбрано очень удачно. С южной стороны машина была укрыта склоном горы, а с востока и севера оборонительными стенами консульского замка. В то же время местоположение машины позволяло ей обстреливать вход в бухту Чембало и эффективно бороться с кораблями противника. Уместно отметить, что в начале раскопок на этом участке нами обнаружены остатки минометной позиции времен Великой Отечественной войны.

Покидая крепость в 1475 г., генуэзцы не имели возможности забрать требюше, поэтому машина, сооруженная из дорогих пород дерева, была сожжена. В ходе раскопок 2006–2007 гг. найдены следы горения машины, несколько десятков больших «строительных» гвоздей, а также отдельные железные детали и пластины (8×4,5; 6×5,5 см) с железными и медными заклепками. В 2007 г. у основания оборонительной куртины обнаружен крупный фрагмент деревянной конструкции камнемета: доска (1,67×0,21 м) и вертикально прикрепленный к ней брус со стороной 0,15 м. Обломок конструкции не сгорел, поскольку был углублен в грунт.

Раскопками 2008 г. изучена площадка, на которой была установлена требюше. Размеры площадки для установки метательной машины составили 5,6×5,05 м, что в полной мере соответствует рекомендациям средневековых военных инженеров и современным реконструкциям требюше. Обычно площадь основания камнемета составляла около 15 кв. м. Площадку соорудили на крутом склоне горы с внутренней сто-

роны куртины к востоку от башни № 8. Для обустройства горизонтальной поверхности площадки удалили значительную часть скального выступа. Большие необработанные камни (0,45×0,4×0,5; 0,25×0,4×0,55 м и т. п.), появившиеся в результате скола скалы, были уложены в основание площадки, на месте наибольшего склона горы. Максимальная мощность основания площадки 0,7 м. Практически половину поверхности основания площадки составила подтесанная скала. Остальную часть основания площадки плотно забутовали необработанным камнем и щебнем. Основание площадки было перекрыто плотным слоем зеленой глины (0,05–0,08 м), которую, как показали предыдущие раскопки строений консульского замка, генуэзцы широко использовали в качестве нивелирующего, гидроизолирующего и связующего материала. Приблизительно 2–3 см поверхности площадки составлял «натоптыш». В османский период истории Чембало ровную, правильной формы площадку использовали для сооружения хозяйственного помещения. В ходе раскопок собственно площадки были обнаружены немногочисленные, измельченные фрагменты керамики преимущественно XIV в.

Следует отметить, что площадку для метательной машины, которая в момент «выстрела» подвергалась изрядному сотрясению, не стали сооружать вплотную к оборонительной стене. Между основанием площадки требюше и нижними рядами кладки куртины сохранили заполненное грунтом пространство (0,45–0,55 м). Таким образом, вибрация машины не оказывала разрушительного воздействия на оборонительную стену.

А. І. Кузь (Чернівці)

ІТАЛІЙСЬКІ НАЙМАНЦІ НА СЛУЖБІ В ТАНІ (1431–1433 рр.)

Серед численної кількості документів фонду *Diversorum Filze** Секретного архіву Генуї важливе місце займають різні петиції та клопотання, що стосуються діяльності італійців у Північному Причорномор'ї. Деякі з них мають відношення і до перебування найманих військ на службі Генуезької комуні, зокрема в Тані.

В петиції Михаїла з Тани (*Michael de Tana*), власника постоялого двору Маддалене подається цікава виписка про перебування тут найманих воїнів (*stipendiarii*), а також їх зброєносців та слуг (*armigeris et pedestribus*) в період з 1431 по 1433 рр. Воїни заборгували власнику двора велику суму грошей, і він просить комуну повернути збитки, завдані постояльцями. Далі йде їх список. Це Ландзаротто із Сієни з 4 кіньми, 4 слугами і 2 зброєносцями; Джакомелло із П'яченци з 5 кіньми і 3 зброєносцями; Бордонотто з 3 слугами; Джирардіно ді Бонтерсо з 8 слугами і 2 зброєносцями; Земієзе із Парми з 4 слугами; Антонелло ді Фермо з 2 слугами; Бордонотто з 2 слугами; Мікеле з 1 слугою.

Очевидно можна говорити про перебування в генуезькій частині Тани найманців різного

соціального статусу. Про це говорить кількість слуг і зброєносців у рицарів. Як відомо, в XV ст. кавалерист з титулом графа, барона чи баннерета міг мати більш багату численну свиту, на відміну від простого рицаря. Разом зі своїм оточенням він формував бойову одиницю — «спис». Вона складалася з рицаря, зброєносця, пажа, слуги і двох-трьох лучників.

Умови кондотти, укладеної в 1432 р. між Флоренцією і Мікелетто дель Аттендолі, обумовлюють, що кожен «спис», наданий останнім, буде включати в себе одного капітана, одного конюшого або помічника і одного пажа з двома кіньми і одним ронкіном (*unum caporalem, unum equitorem sive piactum, et unum paggium, cum duobus equis et uno ronzeno*). Так само, за виключенням окремих випадків меншої або більшої чисельності, «списи», які Папська держава використовувала у війнах середини XV ст., складалися з одного командира списа, одного пажа, одного ординарця. Часто до формування «списа» долучалися і піші стрільці.

У XV ст. італійська армія поділялася на дві частини — кондотьєрів, військ організованих в наймані за-

* Регести документів фонду *Diversorum Filze* Секретного архіву Генуї були свого часу перекладені і опубліковані С. П. Карповим (див. — Регесты документов фонда *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья/Причерноморье в средние века. — М.—СПб.: Алетейя, 1998. — Вып 3. — С. 9–71.)

гони різної величини, і війська, сформовані з окремих найманців. Генуя часто залучала на службу як одні, так і інші формування, в залежності від геополітичної ситуації в тому чи іншому регіоні.

Італійські наймані загони в Тані були малочисленими і скоріш за все відповідали класичній структурі поділу на «списи», як найменшій бойовій одиниці. Вони в свою чергу зводилися в ескадрони (*squadri*). Всередині ескадрон ділився на 2–3 капральства по 10 «списів», на чолі яких стояли сарогалі. Ці формування очевидно мали постійний характер і складали основу місцевого гарнізону. Хоча не виключено, що перебування окремих найманців у 1431–1433 рр. в Тані було тимчасовою акцією і пов'язане із загостренням генуезько-венеціанських торговельних конфліктів в регіоні

у 1431–1432 рр. Під час одного з таких конфліктів деякі венеціанці, що проживали в Кафі, були ув'язнені, а їхнє майно конфіскували. У відповідь на це Венеція відправила до Чорного моря у вересні 1432 р. ескадру з шести галер під командуванням Стефана Контаріні. Йому доручили добитися звільнення з Кафи усіх постраждалих венеціанців і вести військові дії з генуезцями Тани. Можна припустити, що Республіка св. Георгія перекинула для посилення оборони міста нові сили, куди входили і уже згадані вище найманці.

Таким чином, можна говорити про те, що на службі в генуезьких колоніях перебували найманці з різних міст Італії, при чому як кіннота, так і піхота. Такі військові формування могли мати як постійний, так і тимчасовий характер.

В. В. Майко (Симферополь)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОСАДА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ

Реконструкция исторической топографии раннесредневекового города, в том числе и Сугдеи, была бы не полной без попытки анализа характера застройки городского посада. Археологические раскопки на территории посада средневекового Судак с 1965 г. производились регулярно. Однако за исключением возможности локализовать основные городские некрополи второй половины VIII—первой половины X вв., полученный материал (фрагменты пифосов, хозяма, обрывки кладок на территории некрополя Судак–I, подъемный материал), незначителен. Поэтому введение в научный оборот новых материалов актуально.

В 2007 г. Судакская экспедиция Национального заповедника «София Киевская» на северо-восточном участке посада, напротив туристической гостиницы «Горизонт» провела раскопки крупного некрополя позднесредневекового времени (некрополь Судак–IX). Погребения этого могильника частично перекрыли остатки раннесредневековой постройки. Сохранился ее северо-восточный угол и фрагменты северной и восточной стен. Обе стены сложены с использованием элементов кладки «в елку». Толщина стены составляет 0,78–0,85 м, что не совсем типично для раннесредневековых жилых построек. Максимальная сохранившаяся высота — 0,60–0,65 м. Вероятнее всего каменными были только цоколи стен, сами же они, в отличие от жилых построек на территории самого городища, были глинобитные. При этом необходимо добавить, что цоколи двух стенок сложены «в перевязь».

Стратиграфия заполнения сохранившегося участка постройки чрезвычайно проста. Под слоем дерна расположен горизонт серого суглинка с мелкими фрагментами углей и гальки. Именно в этот горизонт и впущены все погребения. В нем обнаружены и мелкие фрагменты керамики позднесредневекового времени.

В этом же слое встречены и фрагменты керамики раннесредневекового времени. Керамический ком-

плекс, происходящий с пола дома, представлен фрагментами амфор причерноморского типа, кухонными сосудами первой половины X в. и фрагментами ойнахой. Встречены и лепные кухонные сосуды. С внешней стороны восточной стены дома зафиксирована крупная оранжевоглиняная ойнахойя. Диаметр дна больше диаметра плечей, горло узкое, маленькое. Ойнахойи подобной морфологии не типичны для праболгарских древностей юго-восточного Крыма. Подобная грушевидная форма столовых кувшинов появляется в юго-восточной Таврике только со второй половины X в. Здесь же обнаружено и прясло, изготовленное из стенки амфоры причерноморского типа. Открытая постройка расположена в прямой видимости от остатков раннесредневекового дома, изученного Е. А. Айбабиной в 2003 г. с северной стороны шоссе Туристов.

Кроме того, на площади раскопа 2 к востоку от остатков описанного выше дома на глубине 1.40 м от уровня современной дневной поверхности обнаружено погребение. В слое, перекрывающем костяк, встречены фрагменты керамики второй половины IX—первой половины X вв. (амфоры причерноморского типа и высокогорлые кувшины с ленточными ручками). В 0,38 м к западу от черепа погребенного располагался крупный обработанный песчаниковый блок. Входил ли он в конструкцию погребального сооружения, сказать сложно. Костяк в вытянутом положении, ориентирован на запад. Возле локтя правой руки обнаружена бронзовая серьга с подвеской крымского производства. Литейные формы для отливки совершенно аналогичных серег обнаружены при раскопках городища на плато Тепсень.

Обнаружение этого погребения позволяет еще раз поставить вопрос о том, что именно на этом участке посада находился еще один городской раннесредневековый некрополь. В его состав входил каменный склеп, раскопанный М. А. Фронджуло, который располагался всего в нескольких метрах к северо-западу и грунтовый склеп (могила 22), изученный А. И. Айбабиным на площади раскопа в 1978 г.

В. І. Мудеревич (Чернівці)

ХРЕСТОНОСНИЙ РУХ НА БЛИЗЬКИЙ СХІД В ЗГАДКАХ ДАВНЬОРУСЬКИХ ЛІТОПИСІВ

Хрестові походи на Близький Схід безперечно стали певним символом середньовічної епохи, втіленням докорінних трансформацій (релігійних, культурних, політичних, соціальних, економічних, ментальних) західноєвропейської цивілізації кін. XI—XIII ст. Проте, було б упереджено обмежувати їхній вплив лише на країни Західної Європи, Візантії та арабський світ, ігноруючи реакції цих подій на теренах Центральної та Східної Європи. Соціум Київської Русі, яка перебувала в умовах територіальної роздірненості та політичної децентралізації, не міг не реагувати на хрестоносні візії в Палестині, що яскраво ілюструють писемні джерела того часу: літописи, ходження, повісті та ін.

За своїм характером вони є досить уривчастими та фрагментарними, тому виключно на їх основі неможливо відтворити цілісну картину перших хрестоносних кампаній. Проте, інформація, яку донесли до нас окремі писемні пам'ятки, безумовно є важливою в плані осмислення рівня інтеграції ідеї «визволення Гробу Господнього» в соціокультурному вимірі Київської Русі та її реєстрації в плані морального і ментально-релігійного сприйняття. З огляду на це, акцент потрібно робити на визначення реакції окреслених подій давньоруським населенням на рівні осмислення в рамках усталеної церковної, православної парадигми.

Логіка роздумів приводить до висновку, що ідея боротьби проти невірних отримала досить позитивні оцінки в літописній традиції, на фоні боротьби руських князів з кочівниками (зокрема половцями). Зважаючи на це свідчення про перший хрестовий похід знаходимо в Густинському літописі, де автор згадує про взяття Єрусалима 1099 р. «в се лето хрістіане взяша Іерусалим под турком». Цікаво, що автор більш пізнього літопису не бачить чіткої межі між католиками й православними, зазначаючи, що саме християни відвоювали Гріб Господній.

Більш інформаційними є згадки в Іпатіївському літописі, де чітко ілюструється реакція на чергове захоплення мусульманами Єрусалиму: «месяца сентября 2 день тма би по всеі земле яко же дівітіся всім члвеком сонце бо погібе а небо погоре облакі огнзарными таковая знаменія не на добро бівають в тоі бо день того месяца

взять бил Єрусалим безбожними Сраціни». Як бачимо, автор висловлює своє розчарування з приводу втрати християнами (католиками) Святого Міста та осквернення невірними святих місць. Поряд з цим, автор побоюється негативних наслідків (покарання Всевишнього) того, що: «преда Господь святой градъ Єрусалим беззаконним темь Агаряном». В його розумінні падіння «Святого Граду» — це кара Божа за вчинені людством гріхи та невиконання волі Всевишнього. Окупація сарацинами Святої Землі призвела до втрати християнами своєї головної Святині — Гробу Господнього. Резономом даних подій стало затемнення сонця, чим символічно на Русі позначали найбільші трагедії: «в Галічі яко і звезди відвіті серед дні солнцю померкши». Ці свідчення черговий раз засвідчують відсутність будь якого релігійного протистояння між католиками та православним, адже постать Фрідріха Барбароси, який був в числі організаторів Третього Хрестового походу за визволення святих Палестини, досить позитивно розглядалася літописцем: «В то же лето (1189 р. — В. М.) іде цар немецкій (Фрідріх Барбаросса — В. М.) со всею своею землею бітіся за Гроб Господній проявить бо башеть ему аггель Господній велеше іті, і прішедшімь імь і бующимся крепко с богостоудными тимі Агаряном».

Про Четвертий Хрестовий є згадка в Новгородському літописі старшого і молодшого изводів, де під заголовком «Повість о взятті Царгорода фрягами», автор намагається засудити дії західноєвропейських рицарів проти Константинополя, як християнського міста.

В свою чергу Типографський літопис досить лаконічно фіксує події П'ятого Хрестового походу. Під 1218 р. літописець анотує: «ході король со утри і с немці в Іерусалим, і Бія за Гроб Господній со сраціни, і не успів ничто же возвратися».

Таким чином, із коротких цитованих літописних уривків можна прослідкувати певну тенденцію в світоглядному сприйнятті давньоруських книжників (ченців), яка проявилася в позитивному осмисленні та певному співчутті до борців за Гріб Господній. І хоча хрестоносний рух зазнав кардинальних відхилень від цих ідей, на теренах руських земель сприймався саме в окресленому ракурсі.

Т. А. Назарова (Київ)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Изучение антропологических материалов из средневековых захоронений города (X—XIII вв.) позволило довольно четко представить морфологический облик его населения: брахикранное, европеоидное, со средневисоким черепом и среднешироким лицом, грацильное, часто с уплощенным затылком. Последние два признака особенно были отмечены исследователями (Г. Ф. Дебеч, К. Ф. Соколова, Г. П. Зиневич). Вместе с тем на сегодняшний день остаются нерешенными вопросы, поставленные в свое время

практически всеми учеными-антропологами: 1) удельный вес монголоидной примеси в морфотипе херсонитов; 2) наличие арменоидного компонента; 3) этническая атрибуция брахикранного антропологического типа — основного ядра населения средневекового Херсона.

1. Исследователями отмечалось наличие монголоидной примеси в рассматриваемый отрезок времени — от небольшой до значительной. Уровень концентрации монголоидных черепов примерно одинаково пред-

ставлен во всех видах погребальных сооружений: в усыпальнице X—XIII вв. — 1 % в мужской серии и 2% — в женской; в «Храме с ковчегом» в одном случае из 8 и др. Таким образом, мы можем присоединиться к мнению Г. Ф. Дебеца о присутствии в антропологическом типе населения Херсона «несомненной», но «очень незначительной» монголоидной примеси.

2. Наличие арменоидного антропологического типа среди населения Херсона объясняется массовым переселением армян в Крым в конце XIII—нач. XIV вв. Армянская серия характеризуется резкой брахикранией, средними размерами лицевого отдела, покатым лбом и сильно выступающим носом. Сравнительный анализ ее с херсонскими сериями, в частности, из часовни, датирующейся XIII в., показывает существенное несовпадение цифровых показателей по большинству признаков. Не отрицая присутствия арменоидных черт в морфотипе населения средневекового Херсона (поскольку черепа с отмеченным комплексом признаков все же имеются), можно сказать, что удельный вес арменоидного элемента для этого временного периода был крайне мал.

3. Вопрос о времени появления брахикранного европеоидного населения в средневековом Херсоне пока остается открытым, учитывая отсутствие краниологических серий, датирующихся собственно VIII—IX вв. Оно могло появляться в X в. (когда выраженная брахикrania фиксируется на черепах, относимых к этому времени), или же население с обозначенным комплексом признаков, появившись в VIII в. в юго-западном Крыму (это подтверждается

материалами из могильников Гончарное, Родниковое, Пампук-Кая), в то же время появляется и в Херсоне.

Существенный признак, отличающий отмеченные выше черепа от других черепов брахикранного круга (болгарские, хазарские погребения), — прижизненное уплощение затылка — отмечается у населения Греции (Пулянос, 1960). Малоазийское население характеризуется брахикранной формой черепа. Появление брахикранного типа совпадает с широким распространением в Крыму плитовых могил, которые существовали задолго до этого в Малой Азии и на Балканах. В науке уже давно высказана точка зрения, согласно которой появление в Крыму в VIII—IX вв. плитовых могил связывается с иммиграцией иконопочитателей из малоазийских провинций Византии, а их отсутствие в это время в Херсоне объясняется его ролью оплота официальной иконоборческой церкви. Разрыв между временем появления его в сельских поселениях и Херсоне составляет, по некоторым данным, до двух столетий. По-видимому, в реальности это занимало гораздо меньше времени, однако определенный хронологический разрыв все же имел место. К этому остается добавить, что экономические и культурные связи Херсонеса с Малой Азией зафиксированы еще в первые века новой эры, а брахикранный антропологический тип считается присущим коренному малоазийскому населению. Таким образом, все вышесказанное может определенным образом указывать на миграцию в юго-западный Крым волн брахикранного европеоидного населения, истоки которого, видимо, следует искать на территории Малой Азии.

Т. В. Смирницких,

Н. Н. Болгов,

Н. С. Будаева (Белгород)

ПРОСТИТУЦИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ*

Античные формы и разновидности проституции почти без изменений существовали и в позднеантичный период, став одним из интересных явлений в повседневной жизни Ранней Византии.

Одно из первых официальных упоминаний о степени развития и государственной политике по отношению к проституции дает нам Зосим, языческий историк рубежа V—VI вв., относительно эпохи Константина Великого (Zos. II. 38, 1—3).

Среди наиболее известных гетер была будущая императрица Феодора (Procop. Hist. arc. IX. 18). Если верить Прокопию, ее поведение было похоже на болезнь нимфомании, но последующая жизнь Феодоры в браке опровергает это предположение. Скорее всего, она была лишь эротоманкой, т. е. подобно Мессалине, любила до страсти «сам процесс». Будучи второй дочерью циркового надсмотрщика из трех, после смерти отца она была принуждена матерью зарабатывать всеми возможными способами. Все сестры стали гетерами (Procop. Hist. arc. IX, 10—11). Взяв от жизни все, что можно, Феодора утратила интерес к сексу. Однако

ее судьба являет яркий образец если не возмездия, то воздаяния. За грехи молодости она расплатилась полностью: в 548 г., в возрасте 40 лет она умерла от рака.

Помимо публичных домов (у христианских авторов — блудилищ) существовали и гетеры-индивидуалки, адреса которых были хорошо известны. Так, в сравнительно небольшом в VI в. Иерихоне, по сообщению Иоанна Мосха, произошел эпизод с грехопадением одного монаха из близлежащего монастыря. Обуреваемый похотью, он направился именно в «жилище блудницы» (Leimon., 14).

У своего дома промышляла в одной египетской деревне блудница, пытавшаяся совратить авву Серапиона (ум. ок. 358 г.) (Logii st. ab. Serap., 1).

«Бродячие» блудницы часто сопровождали в пути своих «клиентов». Иоанн Мосх сообщает, что близ Тарса в Киликии в ксенодохиях отдыхали трое молодых людей с блудницей по имени Мария. Встретив там же двух благочестивых старцев, гетера бросила свое ремесло и ушла с ними в монастырь (Leimon., 31).

* Работа подготовлена при поддержке Гранта БелГУ ВКГ № 52-08 и программы «Развитие научного потенциала высшей школы».

В поисках заработка гетеры часто беременели, не используя средства предохранения. В таких случаях они без колебаний шли на прерывание беременности: «Публичные девушки, уже много раз испытавшие это, знают, если они сходятся с мужчиной, когда они забеременели. Тогда они изгоняют плод» (Hippocr. De carn.). В Ранней Византии по сравнению с временами Гиппократов в данном отношении почти ничего не изменилось. Будущая императрица Феодора, будучи гетерой, в юности «часто бывала беременной, но почти всегда ей удавалось что-то придумать и с помощью ухищрений вызвать выкидыш» (Procop. Hist. arc. IX, 19).

Законодательство о проституции прослеживается по Кодексам Феодосия и Юстиниана. Гетера не могла выйти замуж лишь за человека сенаторского звания (закон Константина от 336 г. — CTh. IV. 6, 3; закон Маркиана 454 г. — Nov. Marc. 4), но и это правило можно было обойти (Феодора и Юстиниан) (Procop. Hist. arc. IX, 51).

Проституция резко осуждалась в Писании как высшая форма разврата. Символом средоточия всех

пороков в Библии является «блудливая жена», которая «раздвигает ноги свои для всякого мимоходящего» (Iezek. 16, 25).

В Ранней Византии христианского осуждения заслуживали те, кто тратит деньги на блудниц, но не столько за блуд сам по себе, сколько за то, что эти деньги могли бы пойти на благое дело: «Какого гнева не заслуживаешь ты, когда даешь деньги блуднице, но проходишь мимо нищего?»

Иоанн Златоуст подчеркивает, что Христос принял и блудницу, чтобы разрешить ее от порока. Нет такого порока, какой не был бы побежден благостью Спасителя.

Таким образом, Ранняя Византия, унаследовав от античности феномен проституции, боролась с ним преимущественно с помощью морального осуждения. Греховным это занятие было лишь, если в нем имел место элемент сладострастия (примеров тому немало — Мария Египетская, Таисия Блудница и др.). Гетеризм из-за нищеты грехом не считался.

С. Б. Сорочан (Харьков)

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТ ЭКСПЕДИЦИИ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В «ЦИТАДЕЛИ» ХЕРСОНЕСА в 1996–2007 гг.

С 1996 г. С. Б. Сорочан возглавлял археологический отряд, работавший в составе археологической экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством ведущего научного сотрудника И. А. Антоновой. Отряд вел работы на территории «цитадели» Херсонеса, которая охватывает 0,5 га, включает памятники всех эпох существования города и может являться своеобразной лабораторией по его изучению. Работы отряда были сосредоточены главным образом на раскопках так называемой Южной площади. Здесь были обнаружены следы продольной римской улицы, а находки свидетельствовали о пребывании в данном месте солдат римской вексилляции.

С 2001 г., после смерти И. А. Антоновой, работы в цитадели продолжила экспедиция кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ, которой руководит С. Б. Сорочан. Экспедиция занялась исследованием раннесредневековых терм VI–IX вв. на Южной площади и начала раскопки остатков монументального здания, расположенного к востоку от них. Кроме того, были проведены работы по расчистке территории около боевой калитки в 19 куртине, вблизи башни Зинона, самой мощной фланговой башни города.

В результате раскопок 2001–2003 гг. был открыт угол здания с небольшим двориком с каменной вымосткой и водостоком, проходящим сквозь стену. Вероятно, это была усадьба зажиточного хозяина, существовавшая в XIII в. Она отапливалась большой каменной печью с квадратной топочной камерой шириной 2,3 м по внешнему обмеру, устьем длиной 1,98 м и высотой 0,65 м. Обнаруженные материалы позволили утверждать, что жизнь на территории «цитадели» в позднесредневековый период не оборвалась. Более того, стратиграфия раскопанного памятника свиде-

тельствует о том, что он перестраивался дважды в XIII в., на что указывают два слоя горения.

К югу от бани VI–IX вв. в 2001–2002 гг. исследовался глубокий поздний перекоп, доходящий до скального основания. Доследования 2002–2003 гг. показали, что на месте перекопа, к югу от терм VI–IX вв. и к западу от большой постройки, обнаруженной под остатками усадьбы XIII в., располагалось помещение, в котором уцелели следы полукруглого торца почти полностью разрушенной ванны. Параллельно ей, к югу находилась еще одна прямоугольная ванна глубиной 0,5 м, которую перекрывал слой с материалом середины IX в. Первоначально было высказано предположение, что обнаруженные остатки являются продолжением уже открытой бани VI–IX вв. Однако раскопки 2007 г. показали, что к югу от этой бани находились еще одни термы. Следовательно, новая баня была сооружена рядом со старой, но несколько позже. Несомненно, она функционировала на протяжении «темных веков», пока не была разрушена и сnivelирована к середине IX в. Объяснение причин этой нивелировки видится в строительстве еще одного общественного здания, западное крыло которого захватило термы VII в.

Исследования этого монументального сооружения, проведенные в 2004–2006 гг., позволяют считать, что у комплекса большого фемного претория X–XI вв., обнаруженного на территории «цитадели» И. А. Антоновой, был предшественник. Рядом с ним находилось еще одно крупное обособленное здание, сnivelированное к моменту строительства претория X–XI вв. К настоящему моменту раскопаны три крупных помещения почти правильной квадратной формы, следующие анфиладно по линии запад — восток. Общие размеры открытого здания 18,0×6,60 м, площадь

118,8 м². В целом, постройка выглядела как прямоугольное в плане здание, которое, судя по значительной толщине стен, могло иметь второй этаж.

Обнаруженное здание может быть интерпретировано как место размещения фемных властей, поскольку находки материала из его фундамента указывают на строительство этого сооружения в 40–50-е гг. IX в., когда в Херсоне появился византийский стратиг. Раскопки показали, что монументальное сооружение просуществовало сравнительно недолго, до конца IX в., и было разобрано и сnivelировано в связи с постройкой нового большого фемного претория из парных зданий с двором и гарни-

зонной базиликальной церковью X–XI вв. Доследования этой церкви в 2004 г. помогли установить, что она имела с южной стороны помещение баптистерия с небольшой известняковой купелью прямоугольной формы.

Раскопки экспедиции в «цитадели» продолжаются. В их ходе выполнен большой объем консервационных работ, утверждена программа и разработана методика таких работ. Ждут своего исследования строительные остатки бани VII в., церковь или молельня с богатой фресковой росписью около 19 куртины, слои XIII–XIV вв. к югу от места, где была обнаружена средневековая усадьба.

М. В. Фомин (Харьков)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АФОНСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Судя по сохранившимся памятникам «Афонский» обряд получил широкое распространение в монашеской среде и встречается среди погребений Киево-Печерской лавры, византийского Херсона, «пещерных» монастырей в Крыму, на Ближнем Востоке.

Такая традиция подразумевает ингумацию в могиле, а спустя некоторое время перезахоронение останков в специальных костницах, которые нередко представляли собой отдельные помещения, в которых складывали крупные кости и черепа.

Данный вид погребения получил свое название от монашеской традиции, распространенной среди лавр Афона и сохранившейся там до сегодняшнего дня. На самой горе Афон до IX в. встречается почитание мощей, что подразумевает традиционное погребение. Арабские завоевания X ст. привели к монашеской эмиграции с Ближнего Востока. Вероятно, именно они принесли с собой новшество в погребальной традиции, получившее распространение в монашеской среде.

Афонский погребальный обряд берет свое начало в Ветхозаветной церкви. Так, во время раскопок Иерусалимского кладбища первого века н. э. была собрана целая коллекция асуариев — небольших каменных ящиков, которые использовали для повторного захоронения. В некоторых восточных монастырях похожая традиция сохранилась до сегодняшнего дня. Так, в монастыре Св. Екатерины на Синае существует три вырубленные в земле могилы для погребения монахов. В случае смерти четвертого, для него освобождается одна из могил, кости из которой переносятся в специальное помещение — костницу.

Таким образом, Афонская погребальная традиция появилась в период становления христианства и формирования монашества. Она возникла на Ближнем Востоке и получила распространение среди монастырей Афона, откуда в свою очередь была принесена на территорию Крыма и Киевской Руси.

М. М. Чореф (Бахчисарай)

К ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ДЕЛА ХЕРСОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI В.

В ходе длительного изучения монетного дела Херсона были выявлены и датированы многочисленные типы его бронз. Но и сегодня принципиальные вопросы обстоятельств возобновления эмиссии и о резонах выбора изображений и буквенных обозначений при оформлении монет этого города остаются открытыми. Естественно, что на данном этапе исследования мы не считаем возможным разрешить все эти проблемы. Попытаемся только обосновать наши определения бронз, чеканенных в этом городе в первой половине VI в.

По мнению большинства исследователей, в интересующий нас период в денежное обращение Херсона поступили две серии пентануммиев местного производства: с изображением императора, окруженного надписью VICTORIA AVGGGE или с монограммой « $\rho\theta\lambda\iota\varsigma$ $\chi\epsilon\rho\sigma\omega\nu\omicron\varsigma$ » на реверсе. До сего времени споры по вопросу их атрибуции не утихают. Если большинство нумизматов, вслед за В. А. Анохиным, датируют эти бронзы правлением Юстиниана I (527–565), то их

оппоненты, придерживаясь точки зрения И. В. Соколовой, выделяют в его эмиссии только монеты с монограммой, а почти все разновидности VICTORIA AVGGGE приписывают Юстину I (518–527). Они ищут и находят подтверждения своим предположениям в прочтении одних и тех же легенд аверсов. Действительно, многочисленные ошибки и пропуски в этих текстах создают безграничные возможности для теоретизирования.

В то же время исследователи практически не обращают внимания на оформление реверса этих монет. Ныне выполнен только их начальный иконографический анализ. Но для атрибуции монет результаты этих исследований практически не используются. Мы, в свою очередь, попытаемся доказать, что анализ элементов оформления реверса дает возможность уточнить датировку этих монет.

Как известно, изображение императора и монограмма являлись ordinарными элементами оформ-

ления позднееримских и византийских бронз. К примеру, при Юстине I фигура стоящего правителя с крестом и со сферой, окруженная надписью, содержащей его имя и титулы, размещалась на аверсе декануммиев чекана Константинополя. В первой половине VI в. монограммы императоров выбивали на реверсах мельчайших номиналов: от нумма до пентануммия. Но при Юстиниане I уже не чеканили декануммии с изображением стоящего императора на лицевой стороне. Отметим, что на монетах серии VICTORIA AVGGGE фигура властителя в рост помещалась не на аверсе, а на реверсе, и была окружена легендой, не содержащей его имени. Как видим, эти бронзы оформлены не в ключе ранневизантийской монетной традиции. Следовательно, они не могли быть выпущены при Юстине I.

Очевидно, в Херсоне в то время бытовали какие-то местные правила оформления денег. Чтобы выявить их, обратимся к трудам по монетному делу Римской империи. И действительно, в V в. в Херсоне выпускали $\text{Æ}2$: от имени Льва I (457–474) и Зенона (474–491). На реверсе монет выбивали изображение правителя с копьем в правой и со сферой в левой руке, попираю-

щего плененного варвара. Прототипами херсонских VICTORIA AVGGGE могли стать и $\text{Æ}3$ Зенона чекана Константинополя, на оборотных сторонах которых нет коленопреклоненной фигуры. При Анастасии I (491–518) они были девальвированы до уровня декануммиев. В начале правления Юстиниана I их курс не менялся. Тогда же в Херсоне были выпущены монеты со стандартными для Позднего Рима изображениями императора с крестом и со щитом или с лабарумом на реверсе. Вероятно, их прототипы находились в тот период в денежном обращении региона.

В результате реформы 538/9 гг. позднееримские и ранние херсонские бронзы деноминировали и до начала VII в. ходили в качестве пентануммиев. В том же году эмиссия монет серии VICTORIA AVGGGE была прекращена, а в обращение поступили пентануммии с монограммой на реверсе.

Итак, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы смогли не только атрибутировать монеты Херсона первой половины VI в. и установить их номиналы, но и попытались определить состав денежного обращения города и его ближайшей округи в тот период.

ИСТОРИЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА И СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

М. И. Боброва,

А. Д. Каплин (Харьков)

Е. И. СТАНЕВИЧ И СЛОБОЖАНЩИНА

Известный религиозный писатель, философ Евстафий Иванович Станевич (1775–1835) сыграл немаловажную роль в достаточно бурных событиях общественной жизни Российской империи первой трети XIX в. Однако о его пребывании на Слобожанщине известно значительно меньше, как и о судьбе его библиотеки.

По происхождению грек, Е. И. Станевич был воспитанником Московского коммерческого училища. С 1801 г. состоял на государственной службе, однако через два года вышел в отставку и поселился в деревне Поповка Сумского уезда Харьковской губернии, где около двух лет проживал в доме А. А. Палицына. Через некоторое время вновь поселился сначала у А. А. Палицына, а потом у помещиков Кондратьевых в Сумском уезде, где проживал около 8-ми лет.

Как член «Беседы любителей русского слова» (с 1811 г.), он был деятельным сотрудником его «Чтенний» и подвергался нападкам со стороны членов знаменитого «Арзамаса». С 1816 г. он вновь поступил на государственную службу и в 1818 г. выступил на борьбу с господствовавшим тогда мистическим направлением, издав книгу «Беседа над гробом младенца о бессмертии души, тогда только утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении веры и церкви». Эта книга, которую протоиерей Н. Лашенков назвал «подвигом гражданского мужества», вызвала целую бурю. Пострадал ее цензор, ректор С.-Петербургской духовной семинарии архимандрит (затем епископ) Иннокентий (Смирнов), он был удален из столицы в Пензу, где вскоре и умер в возрасте 35 лет (ныне причислен к лику святых). Е. И. Станевич также был удален из столицы; экземпляры книги были конфискованы и сожжены, печать была переполнена ругательствами по адресу автора. Когда при дворе перевес получило другое направление, новый министр народного просвещения, А. С. Шишков, доложил о книге Станевича Государю Императору Александру I, и она в 1825 г. была издана по Высочайшему повелению с единственного экземпляра первого издания, который сохранился в библиотеке митрополита Михаила.

Е. И. Станевич вновь был возвращен в С.-Петербург, где отсутствовал 6 лет. Назначен директором училищ Курской губернии (с 1825 по 1833). С февраля 1834 г. он вновь поселился в Сумском уезде, где и похоронен.

В 1844 г. с публичного торгового Харьковского университета было куплено значительное количество книг из библиотеки Е. И. Станевича (всего 500 названий в 800 томах). На сегодняшний день выявлено 217 экземпляров книг (133 названия). Их удалось идентифицировать по записи владельца. В основном на обороте титульного листа или на самом титуле издания написано: «Изъ книгъ Евстафія Станевича». На некоторых книгах есть шрифтовой суперэкслибрис: золотыми буквами оттиснуто «Евстафій Станевичъ». Большая часть собрания на иностранных языках. Это книги XVIII—нач. XIX вв. Ж. Боссюэта, Г. Гроция, Ж. Кондорсе, Ш. Монтескье, С. Пуфендорфа, Ж. Ж. Руссо, Э. Сведенборга, А. Тремблея и др., посвященные философии, истории, политике, религии, морали, естествознанию. Они изданы в Амстердаме, Базеле, Берлине, Берне, Женеве, Лионе, Лондоне, Париже, Стокгольме, Страсбурге и др. городах Европы.

Владея несколькими иностранными языками, Е. И. Станевич активно пользовался своей библиотекой, перевел с французского две поэмы. На книгах встречаются записи владельца (порой многочисленные) в виде дневниковых записей, заметки на полях, подчеркивания и выделения в тексте.

В ЦНБ хранятся также труды самого Е. И. Станевича: «Собрание сочинений в стихах и прозе» (СПб., 1805), «Рассуждение о русском языке» (СПб., 1808), «Способ рассматривать книги и судить о них» (СПб., 1808). А на экземпляре книги «Беседа на гробе младенца о бессмертии души, тогда только утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении веры и церкви» (СПб., 1825) имеется собственноручная надпись Евстафия Ивановича: «В библиотеку Императорского Харьковского университета усерднейшее приношение от сочинителя. Августа 23 д. 1825. С.П.бург».

ЗЕМСЬКЕ САМОВРЯДУВАННЯ І РОЗВИТОК ШКІЛЬНИЦТВА НА СЛОБОЖАНЩИНІ

У дореформений період рівень загальної освіти українців зазнав катастрофічної деградації: офіційна статистика свідчила майже про повну неписьменність дорослого населення та відсутність шкіл для навчання дітей.

Згідно із земською реформою восени 1865 р. в Харківській губернії почали роботу виборні зібрання та їх виконавчі органи — управи. Важливою сферою діяльності органів земського самоврядування стала народна освіта. Вже на перших сесіях депутати доручили членам управ підготувати пропозиції щодо відкриття шкіл та підготовки вчительських кадрів. З'ясувавши, що поширення грамотності гальмується насамперед низьким життєвим рівнем народу, земські збори призначили грошову допомогу сільським громадам на шкільні потреби.

Першим у 1867 р. Старобільське повітове земство профінансувало відкриття початкових училищ, у наступному 1868 р. всі 11 повітових земств Харківської губернії виділили гроші на розвиток шкільної освіти. Земські асигнування призначалися на оренду приміщень для шкіл, оплату праці вчителів, закупівлю меблів, письмового приладдя, книг для читання.

За даними Державного архіву Харківської області у 1873/1874 навчальному році 85 початкових училища повністю і 152 училища частково працювали завдяки земським коштам. Харківське земство забезпечувало школи на 38,3 %, решту доповнювали гроші сільських громад, приватних осіб та плата за навчання. На 1 січня 1901 р. кількість земських шкіл на Слобожанщині зросла до 771-го початкового училища, кількість учнів збільшилася до 63 417 чоловік. Напередодні Першої світової війни в губернії працювало 1102 земські школи, в яких навчалося 78 703 учні (серед них 27,9 % дівчат), що становило 52,7 % дітей шкільного віку.

Отже, створення розгалуженої мережі початкових народних училищ за найактивнішого сприяння органів земського самоврядування було важливим досягненням культурного розвитку регіону.

Першочергову роль у здійсненні програми загальної освіти земства відводили підготовці вчительських кадрів та вдосконаленню їх фахової майстерності.

Великого значення набувала земська діяльність у забезпеченні вчителів книгами, періодичними виданнями, а також у справі друкування методичної літератури та організації вчительських бібліотек.

Земства започаткували практику проведення короткотермінових учительських з'їздів та загальноосвітніх курсів з методики початкового навчання, набуті знання закріплювалися під час педагогічної практики. У 1870 р. з ініціативи Товариства поширення грамотності та за фінансового сприяння депутатів земства Я. Гордієнка і Ф. Павловського в Харкові відбувся Перший з'їзд 20 кандидатів на вчительські посади під керівництвом викладача духовної семінарії К. Феоктістова. На початку XX ст. Харківське земство почало організовувати загальноосвітні курси, на які запрошувало відомих педагогів та вчених із Санкт-Петербурга, Києва, Одеси. На лекціях учителі знайомилися з новітніми досягненнями в різних галузях науки.

Земські збори заснували стипендії для навчання майбутніх учителів земських шкіл у середніх загальноосвітніх або спеціальних педагогічних закладах. Багато уваги підготовці вчителів приділяли викладачі Харківського повітового училища, де навчалося 40 земських стипендіатів. Грошову допомогу отримували і вояки Вовчанської, Старобільської, Белгородської та Білопільської вчительських семінарій, які здобувши педагогічну освіту, працювали вчителями земських початкових училищ на Харківщині.

Таким чином, піклуючись про якісний склад освітніх кадрів, земство залучило до співпраці кращих вчителів, які впроваджували педагогічні новації та нові дидактичні прийоми у навчально-виховний процес, пробуджуючи дитячу самодіяльність і творчість. Проте значення діяльності земського самоврядування на Слобожанщині полягає не лише в поширенні грамотності та зростанні кількості шкіл, більш вагомим підсумком його роботи стало підвищення культурних потреб регіону, що сприяло демократизації та націоналізації освіти і було найяскравішим виявом духовного прогресу українців в кінці XIX—на початку XX ст.

Я. М. Гирч (Київ)

МІСТОБУДУВАННЯ ТА УРБАНІЗАЦІЯ ХАРКОВА в 50–60-х рр. XX століття

У повоєнний час міське господарство Харкова потребувало значних зусиль для відновлення руйнувань, спричинених Другою світовою війною. Масштаби збитків, завданих житловому фонду та промисловим об'єктам, ставили Харків у ряд українських міст, що найбільше постраждали у роки війни.

Після завершення процесу відбудови промисловості постало питання про її подальшу модернізацію та нарощування потужностей. Враховуючи екстенсивний характер радянського народного господарства, виника-

ла потреба розширення міських систем розселення, які, у свою чергу, забезпечували реалізацію трудового потенціалу індустріальних галузей економіки.

Після ухвалення упродовж 1957–1958 рр. низки нормативно-правових актів, що регламентували проведення в СРСР житлової реформи, головним наслідком якої стало спорудження значних об'ємів цивільного житла. Так, житловий фонд Харкова порівняно з 1940 р. зріс майже в 2 рази і склав 5 млн м² у 1965 р. Тривала робота над удосконаленням міської інфраструктури:

створювались зелені і паркові насадження, будувались нові школи, лікарні тощо. У Харкові були збудовані кілька об'єктів капітального будівництва, серед них: новий вокзал станції Харків-Пасажирський, автовокзал, аеропорт, готель «Інтурист» тощо. Почалось будівництво житлових масивів: на Павловому Полі, Селекційній станції, Орджонікідзевському районі. В зазначених житлових районах наприкінці 60-х рр. XX ст. проживали близько 230 тис. осіб, що складало на той час понад 20 % населення Харкова.

Застосування індустріальних методів будівництва, спорудження крупноблочних та панельних будинків за типовими проектами та втілюване будівельними трестами стало повсякденною практикою у містобудівельній практиці не лише Харкова, а й усієї України. Варто зазначити, що темпи будівництва цивільного житла щороку зростали. Якщо у 1956 р. було здано в експлуатацію 155 тис. м², то у 1963–1965 рр. — в середньому по 550 тис. м² житла щороку.

Населення Харкова у повоєнні роки зростало значними темпами: 1945–459,3 тис. осіб; 1960 — 974,3 тис. осіб; 1965 — 1070,4 тис. осіб; 1967 — 1125,0 тис. осіб. Це сприяло тому, що вже у 1962 р. населення міста перевищило один мільйон мешканців: у ніч на 1 листопада 1962 р. народився Юрко Марущак. Новонароджений став мільйонним жителем міста.

За даними Всесоюзного перепису населення на 15 січня 1959 р. етнічний склад «першої столиці радянської України» виглядав наступним чином: у місті

проживало 452,4 тис. українців (48,4 % загального числа жителів); 377,1 тис. росіян (40,4 %); 81,5 тис. євреїв (8,7 %). Згідно опублікованих підсумків зазначеного перепису 98 % населення міста складали робітники, службовці та члени їх сімей. Характерною рисою міста став нижчий від загальносоюзного рівень зайнятості у сфері матеріального виробництва. Ця величина складала 78,4 % для Харкова та 85,6 % для СРСР. З іншого боку спостерігалась вища зайнятість населення у сфері послуг: 21,6 % проти 14,4 % відповідно, переважно за рахунок працівників задіяних у науці, освіті, медицині.

Зростання абсолютної кількості населення міста відбувалось не лише за рахунок природного приросту. Важливим джерелом зростання демографічного потенціалу Харкова ставав механічний приріст — зовнішня міграція жителів сільської місцевості та менших міст до значного міста, що почало відігравати функцію притягування. Середня величина щорічного механічного приросту Харкова упродовж 1954–1965 рр. становила 10,9 тис. осіб.

Отже, упродовж 50–60 рр. XX ст. унаслідок низки чинників, серед яких активна містобудівна політика радянського керівництва, населення Харкова зростало і вже у 1962 р. перевищило один мільйон жителів. Відбулось зрушення у планувальній структурі — розпочалось будівництво нових житлових масивів, розвивалась міська інфраструктура. У досліджуваній період розпочалось формування нової системи розселення — харківської агломерації.

О. В. Дьякова (Харків)

ЗМІНИ У ТОПОНІМІЦІ ХАРКОВА ПІД ЧАС ГІТЛЕРІВСЬКОЇ ОКУПАЦІЇ

Зміни урбанонімів є однією з важких проблем органів місцевого самоврядування. Надання назв новим або перейменування старих вулиць є справою, що може призвести до несподіваних наслідків. І тому звернення до досвіду минулого є досить доречним.

Однією із маловідомих сторінок в історії Харкова є топонімічні трансформації часів гітлерівської окупації. Тому метою даної публікації є висвітлення урбаністичних змін, що сталися у зазначений період.

В історичній науці до цієї проблеми науковці та краєзнавці майже не зверталися. Тому для написання статті були використані публікації із часопису «Нова Україна» — орган міської управи часів окупації та рішення міської управи, що зберігаються у Державному архіві Харківської області.

У грудні 1941 р. розпочала діяти спеціальна Комісія при відділі пропаганди Міської Управи, яка повинна була здійснити зміни у топоніміці Харкова. Її очолив доктор історичних наук Василь Васильович Дубровський (1897–1968), репресований у 1933–1936 рр. Крім нього до складу Комісії увійшли історики, археологи, працівники музеїв.

Одразу після встановлення окупаційної влади старим вулицям повернули їх попередні назви. Тоді ж майдан імені Дзержинського став називатися імені Німецької Армії.

Велика робота була проведена по перейменуванню вулиць, що з'явилися у Харкові протягом 20–30-х рр.

XX ст. В основному вони отримали імена визначних діячів культури України і Харкова. Так, вулиця Романа Роллана отримала ім'я Івана Котляревського, Анрі Барбюса — Глібова Леоніда, Менжинського — Мови Василя, Другої П'ятирічки — Марка Вовчка, тощо.

Деякі старі вулиці замість старих отримали нові назви. Наприклад, Червонопрапорна стала імені Бузескула (замість Каплунівська), а Бакуніна — імені Вовка (замість Курахівська) та інші.

Новопрокладені харківські проспекти Леніна і Орджонікідзе відповідно отримали назви Новий і Нової України проспекти.

Ніяких назв у топонімах міста, пов'язаних із німецькими державними керівниками і воєначальниками того часу у відомих переліках вулиць міста нами не знайдені.

І, не дивлячись на те, що частина вулиць отримала назви ще на початку окупації, остаточно зміни у топоніміці були затверджені лише 7 вересня 1942 р.

У цьому ж наказі відзначалось про необхідність замінити таблички із назвами майданів, вулиць і провулків до 19 вересня цього ж року. При чому напис повинен зазначатися двома мовами: на першому місці німецькою, а під нею українською мовою. До 15 вересня власники і керівники будинків повинні були знищити попередні надписи (вискребти або зафарбувати), щоб про них нічого не нагадувало. Винні у невиконанні наказу підлягали покаранню в дисциплінарному по-

рядку, а приватні домовласники в адміністративно-му — штрафом, або примусовою працею (згідно з чинними положеннями).

Хоча своїм наказом міська управа закріпила топонімів, перейменування продовжувались. Так, 22 вересня 1942 р. «з нагоди 20-річчя з дня смерті відомого вченого та Харківського громадського діяча академіка Сумцова М. Ф. його ім'ям названа Губернаторська вулиця».

Зараз важко сказати наскільки сильно впливала німецька влада на рішення управи на зміни у топоні-

міці. Та з впевненістю можна стверджувати, що контролювала цей процес, бо поруч із підписом обербургомистра стояв підпис представника комендатури Райхеля.

Отже, у часи гітлерівської окупації зміни у топонімії Харкова мали, по-перше, політичний характер, по-друге, реставраційний і, по-третє, міська управа, щоб не дратувати населення, намагалася надавати назви або нейтральні, або визначних діячів культури, які не були пов'язані із радянською владою.

А. Н. Желтобородов (Харьков)

О ФОРМИРОВАНИИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА СЛОБОДСКИХ ГУСАРСКИХ ПОЛКОВ в 1765–1766 гг.

Период правления Екатерины II, известный в истории как просвещенный абсолютизм, начался с проведения реформ, направленных на укрепление центральной власти в государстве. Одним из первых регионов, где была проведена административная и военная реформа, стала Слободская Украина.

Воспользовавшись возникшими противоречиями на Слобожанщине между казацкой старшиной и рядовыми казаками, после изучения ситуации в Слободских полках специальной комиссией под руководством Е. А. Щербинина, Екатерина II 28 июня 1765 г. подписала манифест о проведении реформы на Слободской Украине. Административная реформа упразднила автономию и создала на этой территории Слободскую Украинскую губернию с центром в городе Харькове. Основная масса казацкого населения Слобожанщины была определена в войсковых обывателей, а казацкая верхушка, и те из рядовых казаков, которые смогли доказать свое дворянское происхождение, были уравнены в правах с российским дворянством. В ходе военной реформы Слободские казацкие полки были переформированы в регулярные гусарские полки с сохранением названий и мест постоянной дислокации.

Среди формируемых гусарских полков были распределены личный состав, лошади и имущество Слободских казацких полков и Слободского гусарского полка. Для скорейшего установления регулярной гусарской службы в полках, в их состав были включены по два эскадрона из Грузинского, Молдавского, Сербского и Венгерского гусарских полков.

Особую роль в перереформировании казацких полков сыграли офицеры регулярных кавалерийских полков под руководством бригадиров Зорича Максима Федоровича и Подгоричани Ивана Михайловича.

Бригадир М. Ф. Зорич — сербский дворянин на русской службе, был участником Семилетней войны, неоднократно проявлял героизм и прекрасные командирские навыки в ходе боев, командуя подразделениями Венгерского гусарского полка. За отвагу и героизм, проявленные в Семилетнюю войну, М. Ф. Зорича произвели в бригадиры, а в 1765 г. назначили командиром формируемого Изюмского гусарского полка.

Бригадир граф И. М. Подгоричани так же происходил из сербского дворянского рода. В 1759 г. поступил полковником на русскую службу и в составе Молдавского гусарского полка принял участие в Семилетней войне, неоднократно проявив храбрость и отвагу. За

отличие в Семилетней войне был произведен в бригадиры. В 1765 г. он был назначен командовать формируемым Ахтырским гусарским полком.

Командирами остальных формируемых гусарских полков были назначены: Харьковского — полковник Николай Иванович Чорба, Сумского — полковник Петр Ланов, прибывший из Рязанского карабинерного полка, Острогожского — полковник Иосиф (Осип) Емельянович Сатин. Все они так же были опытными офицерами, много лет прослужившими в кавалерии. Полковник Н. И. Чорба родом был, так же как бригадиры М. Ф. Зорич и И. М. Подгоричани, из сербского дворянства. Он 15 лет прослужил в войсках Австрийской империи. В 1751 г. в чине капитана Н. И. Чорба прибыл в Петербург и был принят на русскую службу майором с назначением в Ново-Сербию, в поселенные гусарские полки. В чине подполковника Чорба был направлен в 1757 г. в формируемый тогда Слободской гусарский полк, где и прослужил до его упразднения. Прожив много лет на Слободской Украине, Чорба хорошо узнал местных жителей, из которых формировался рядовой состав полка.

Офицерский состав вновь сформированных гусарских полков был разнообразным по своему национальному и социальному составу. Среди командиров полков мы видим троих иностранцев и двух русских, среди штаб-офицеров так же наблюдается преобладание иностранцев, зато среди обер-офицеров и в целом в полках большинство — украинцев и русских. Это ярко иллюстрирует национальный состав Харьковского гусарского полка. Из 5 штаб-офицеров, переведенных в Харьковский полк, 4 были иностранцы, и только один (Секунд-майор Уткин из Архангелогородского кирасирского полка) был русский, происходивший из солдатских детей. Доминирующее количество офицеров-иностранцев в полку (26 чел.) было связано прежде всего с тем, что с регулярной гусарской службой были прежде всего знакомы офицеры, служившие в регулярных кавалерийских частях, а гусарские части русской армии до 1765 г. формировались в основном из иностранцев. В Слободских гусарских полках эти офицеры прежде всего должны были обучить гусарской службе бывших слободских казаков, составивших основу перереформированных полков.

Национальный состав унтер-офицеров Слободских гусарских полков также не был однородным. Например, среди 12-ти вахмистров Харьковского полка трое

были русскими, четверо — украинцами, а пятеро были из иностранцев. Наличие среди унтер-офицерского состава большого количества иностранцев так же было связано с необходимостью обучения бывших казаков приемам регулярной кавалерии, а таким обучением непосредственно занимались унтер-офицеры.

По социальному составу в Слободских гусарских полках преобладали дворяне иностранного происхождения, меньше было русских дворян, часть офицеров происходила из солдатских детей, а некоторые в документах значились неизвестного происхождения. Немалая часть обер-офицеров происходила из казачьих семейств. Это говорит о том, что часть казачьей верхушки Слободских полков, в основном молодые люди, жаждавшие воинской славы и недостаточно обеспеченные материально, поступили на службу в гусарские полки.

Уровень образования офицеров Слободских гусарских полков трудно назвать высоким. В формулярных списках отмечается, что все они умели читать и писать по-русски, что было основным требованием, предъявляемым к офицерам на русской службе. Некоторые из офицеров знали несколько языков: сербский, венгерский, французский, немецкий. Немногим была знакома латынь.

Слободские гусарские полки в 1766 г. впервые после переформирования были собраны для проведения полковых учений. Основной задачей полковых маневров было обучение гусаров вести боевые действия в сомкнутом строю с применением огнестрельного и холодного оружия. Обучение военному делу в гусар-

ских полках в значительной степени отличалось от военной подготовки Слободских казаков, заключавшейся в совершенствовании индивидуальной кавалерийской подготовки. В Слободских гусарских полках кроме индивидуальной подготовки гусар, много времени отводилось для эскадронных и полковых учений, в ходе которых гусары приобретали навыки совместных действий в конном строю на поле боя. Руководство эскадронных и полковых учений всецело полагалось на штаб-офицеров и требовало профессиональных кавалерийских знаний.

Своеобразным итогом военной реформы на Слободской Украине стали первые полковые учения («кампанент»), которые проводились в Слободских гусарских полках летом 1766 г. Несмотря на то, что для основного числа гусар из казаков регулярный строй был в новинку, и эскадронным командирам приходилось тратить много времени на обучение технике передвижения строем повзводно, поротно и поэскадронно, первые полковые кампаненты достигли своей цели — полки были обучены совместным действиям в сомкнутых строях. Это подтвердила инспекция, которую провел первый Харьковский губернатор генерал-майор Е. А. Щербинин в гусарских полках сразу же по окончании учений. Инспекция отметила высокий уровень военной подготовки в Слободских гусарских полках, достигнутый в очень короткие сроки благодаря высокому уровню индивидуальной кавалерийской подготовки личного состава и профессионализму офицерского и унтер-офицерского состава Слободских полков.

О. Н. Каковкина (Днепропетровск)

РОДИНА БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ

Обращение к личности Прасковьи Сергеевны Уваровой (1840–1924) обусловлено двумя главными причинами: она — уроженка Слободской Украины и организатор XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. П. С. Уварова стала продолжателем дела своего супруга — А. С. Уварова (1825–1884) — организатора Московского археологического общества (МАО), инициатора создания Исторического музея в Москве и проведения Всероссийских археологических съездов (далее — АС). Благодаря опоре на провинциальные силы, вовлечению в изучение местных древностей ведущих ученых России и зарубежья, собственной активной научной деятельности, А. С. Уваров фактически стал основателем российской археологии во второй половине XIX в. После смерти мужа, П. С. Уварова возглавляет МАО и становится главой регионального сообщества российских ученых сил. Особым пристрастием самой графини становится изучение истории и археологии Кавказа.

Информацию разнообразных источников, раскрывающих биографию П. С. Уваровой, значительно обогащают ее воспоминания, позволяющие определить в них место слобожанской страницы. Харьковщина в мемуарах представлена двумя блоками. Первые 12 лет своей жизни Прасковья Щербатова провела в имении Бобрики Лебединского уезда Харьковской губернии (ныне — Сумская область). Мать — П. С. Щер-

батова (урожденная Святополк-Четвертинская) и отец — С. А. Щербатов — принадлежали к родовитой российской дворянской семье, занявшей определенную нишу в экономической и социо-культурной жизни губернии (отец юной Щербатовой был избран уездным предводителем Лебединского дворянства, а старший брат — предводителем дворянства Харьковской губернии).

С переездом семьи в Москву, начинается новый этап в жизни княжны, особенно после замужества на тогда уже известном ученом-археологе графе А. С. Уварове, сыне министра народного просвещения С. С. Уварова. Он вовлек жену в изыскательскую деятельность, чему помогло ее прекрасное образование.

Из 15-ти состоявшихся АС (1869–1911), шесть состоялись в Украине, в том числе после смерти Уварова — четыре. Во многом их проведение — заслуга графини, обладавшей значительными связями, влиянием, придававшей большое значение сотрудничеству с местными силами. Харьков, по ее замечанию, «был единственным университетским городом в России, который в продолжение 32 лет отклонял от себя честь принять в своих стенах собрание русских ученых», объяснение чему она не находит. Город не представлял особого интереса — «ни как здание, ни как личности», а потому «весь интерес съезда обусловился университетом и теми профессорами, которые заинтересовались

им» — Н. Ф. Сумцовым, Д. И. Багалеем, Д. И. Айналовым, Е. К. Рединым. Отмечает она «впервые за всю практику съездов в чисто русских городах», «сочувственное отношение к делу» харьковского общественного и городского управления, что позволило развернуть значительную предварительную работу по обследованию не только Харьковской, но и соседних губерний.

Организация и проведение четырех АС подряд в Украине — Киеве, Харькове, Екатеринославе и Чернигове, не только положили начало широкомасштабному изучению памятников Степной Украины, но зна-

чительно укрепили связи МАО с частью украинского ученого сообщества.

Важно отметить, — что в представлении Уваровой об Украине — «наш уездный город», «далекая Малороссия», «богатая большими поместьями, просвещенной аристократией и богатыми сахарозаводчиками», «наши «думы» (остатки старого казацкого эпоса)» — часть великой империи, общего исторического наследия.

С Харьковом связана и судьба одной из дочерей Уваровых — Екатерины, вывозившей из города Женский институт в 1919 г. вместе с отступавшей армией Деникина.

О. В. Козак (Полтава),
С. М. Куделко (Харьков)

ДОМ АКАДЕМИКА В. П. БУЗЕСКУЛА В ХАРЬКОВЕ

Среди памятников истории и архитектуры Харькова под № 11618 государственной регистрации и под № 144 — областной, зарегистрирован особняк начала XX в. Этот интересный с архитектурной точки зрения дом был построен в начале прошлого столетия (точную дату установить не удалось) по проекту известного харьковского архитектора Виктора Валерьяновича Величко (1864–1923). Этому архитектору принадлежит много превосходных творений в нашем городе: Дом архитектора, Инженерный корпус Технологического института и др. Но более всего он получил известность своими постройками для Харьковского университета (биологический факультет, 1899–1909; студенческое общежитие, 1901; библиотека, 1905). Именно ему заказал проект своего дома известный в то время в научных кругах профессор-антиковед В. П. Бузескул. Особняк был возведен по ул. Мироносицкой, 11 (в разные времена эта улица носила наименование «Дзержинского», «Равенства и Братства»). Для оформления дома был избран стиль неоклассицизма, который, видимо, более всего соответствовал эстетическим вкусам заказчика.

Среди украшений фасада ионические пилястры, которые поддерживают фронтон, меандр, растительный орнамент и др. Северный фасад дома выходит на

ул. Гиришмана (прежнее наименование — Сорокинский переулок). Заслуженный профессор, основатель глазной клиники Л. Л. Гиришман проживал в доме напротив.

Внутренняя планировка здания не претерпела значительных изменений. Однако от первоначального убранства дома мало что сохранилось. 23 августа 1965 г. к 22 годовщине освобождения Харькова здесь был открыт Дворец новорожденных. В торжественной обстановке родителям новорожденных вручаются документы и памятные медали. Необходимость такого заведения была остро осознана в 1963 г., когда появился на свет миллионный житель нашего города — Юрий Марущак.

Дворец новорожденных вместе с сохранившимися домами профессоров университета и технологического института (Д. И. Багалея, М. С. Дринова, А. Н. Бекетова и других) представляет выразительный образец профессорских особняков конца XIX—начала XX в. и характеризует как уровень их материальных возможностей, так и культурно-эстетические запросы.

Наступило время, когда дом академика В. П. Бузескула должен быть отмечен мемориальной доской в честь его создателя — знаменитого ученого и прекрасного человека.

С. М. Мішук (Житомир)

ВНЕСОК ВЧЕНИХ ХАРКОВА У ДОСЛІДЖЕННЯ РУКОПИСНО-КНИЖКОВИХ ПАМ'ЯТОК УКРАЇНИ НАПРИКІНЦІ XIX—НА ПОЧАТКУ XX СТ.

Наприкінці XIX—на початку XX ст. формуються методологічні засади аналізу книжкових пам'яток старовини, накопичується описовий матеріал. Вчені України звернули увагу на необхідність проведення роботи з обліку та опису великої кількості рукописної та книжкової спадщини, що була зібрана у складі центральних та місцевих архівосховищ. В цей час значна кількість дослідників з різних регіонів України: університетські літературознавці та історіографи, церковні історики та філологи вивчають літературний та історико-культурний процес через дослідження історичних джерел. Вони займалися збирацькою діяльністю, формували бібліотечні та музейні колекції, проводили археографічні та етнографічні експедиції,

робили описи рукописних книг та стародруків різних книгосховищ. Вчені розглядали книжкову спадщину як джерельну базу вивчення історії розвитку науки, освіти, національної культури.

У дослідженнях рукописно-книжкових пам'яток України значне місце належить харківським вченим — М. Г. Халанському, Є. К. Редіну, М. Ф. Сумцову, Д. І. Багалію, А. П. Кадлубовському, М. С. Дрінову та іншим, які розгорнули велику збирацьку та дослідницьку діяльність, переважно у Харківському імператорському університеті та Харківському історико-філологічному товаристві при ньому. Харків був одним із головних історико-книгознавчих та бібліотечно-бібліографічних центрів Російської імперії.

Науковою базою дослідницьких студій професорів та студентів була бібліотека Харківського імператорського університету, заснована з ініціативи В. Н. Каразіна. На початку XX ст. колекція слов'янських рукописів та стародруків була досить потужною і займала чільне місце у фонді університетської бібліотеки.

Поштовхом у справі інтенсифікації досліджень історії вивчення слов'янських рукописних та стародрукованих пам'яток в Україні був XII Археологічний з'їзд у Харкові в 1902 р. Напередодні, у 1900 р., під патронатом Харківського університету був сформований Харківський Підготовчий комітет з влаштування XII Археологічного з'їзду, який очолив професор Д. І. Багалій, секретарем був обраний приват-доцент Є. К. Рєдин. Також було започатковано спеціальне видання Комітету — «Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда» тощо.

Підготовчим комітетом одночасно проводилися пошуки та облік рукописно-книжкових пам'яток. Професор Є. К. Рєдін відзначав незадовільний стан зберігання старожитніх книжкових пам'яток і пропонував централізацію пам'яток у єдиному сховищі.

М. Г. Халанський вивчав рукописи та власноручно провів низку експедицій щодо пошуків та дослідження пам'яток. Зокрема, ним було обстежене у м. Путівль Курської губ. книжкове зібрання бібліотеки, при ремісничому училищі імені Маклакова. Здобутки М. Г. Халанського в історії вивчення та описання ру-

кописних та стародрукованих пам'яток наприкінці XIX—поч. XX ст. визначилися у фаховій програмній праці «Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий, I—XXIII» (Харків, 1900–1905). Дослідник також здійснив кодикологічний аналіз трьох кирилических рукописів, які зберігалися у фонді бібліотеки Харківського Історико-Філологічного Товариства.

Досвід вчених харківського Університету та їхні розробки наукових описань рукописно-книжкових пам'яток були відображені у «Каталоге выставки XII Археологического съезда в г. Харькове», опублікованому в Харкові у 1902 р. за редакцією Є. К. Рєдіна.

Питаннями дослідження історії пам'яток книгодрукування та книжкових зібрань на Харківщині займався М. Ф. Сумцов. Необхідну для бібліологів інформацію про кількісний і тематичний склад та стан цінного зібрання стародруків у книгозбірні Харківської духовної семінарії містить робота М. Ф. Сумцова «Заметка о старопечатных книгах Харьковской духовной семинарии», опублікована у 1888 р. в «Киевской старине».

Підводячи підсумок, можна зазначити, що вчені Харкова внесли помітний вклад у створення наукових засад бібліографічного опису рукописних книг та стародруків в Україні наприкінці XIX—на початку XX ст. Кожен із харківських дослідників вносив свою лепту у дослідження рукописно-книжкової спадщини України.

Р. Н. Рахимов (Уфа)

ЗАКАМСКАЯ ЛАНДМИЛИЦИЯ (1731–1771 гг.)

Ландмилиция как поселенные пограничные войска существовала в России в 1713–1775 гг. Основной причиной ее создания была попытка иметь более дешевые по содержанию части, чем полевые полки. Другой причиной было стремление правительства сохранить особый статус сословия однодворцев, к тому же наличие ландмилиции уменьшало тяжесть рекрутской повинности. Свою историю ландмилиция ведет с 1713 г., когда на Украине из остатков прежних войсковых сословий (пушкарей, солдат, рейтар) стали создаваться полки для защиты южных границ. В 1736 г. они составили Украинский ландмилиционный корпус (состоявший из 20 конных полков).

Опыт Украинской ландмилиции получил дальнейшее распространение. В 1761 г. была создана Сибирская ландмилиция, состоящая из драгунского полка и пешего батальона (расформирован в 1764 г.). С 1765 г. существовала Смоленская ландмилиция в виде конного полка.

Закамская ландмилиция в составе 3 конных и пешего полков (ок. 4,5 тыс. чел.) была сформирована 11 ноября 1731 г. в Сергиевске, Алексеевске, Билярске из однодворцев, служилых людей и городских дворян «прежних служб» Казанской губернии. 7 мая 1733 г. полки названы Шешминским, Сергиевским, Билярским драгунскими ландмилицкими и Алексеевским пехотным ландмилицким. Основное предна-

значение Закамской ландмилиции — защита юго-восточной границы России. В конце XVI в. в состав России добровольно вошла Башкирия. Однако эта огромная территория не была интегрирована в состав Российского государства. Поэтому в XVII в. при Алексее Михайловиче была построена Закамская линия, защищавшая собственно российские земли от набегов кочевников. В 30-е гг. XVIII в., начинается строительство Новой Закамской линии. Она должна была вместе с Царицынской линией прикрывать всю юго-восточную границу России. Одновременно началась деятельность Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова, результатом которой был перенос юго-восточной границы на юг, на реку Яик (Урал), где создавалась Оренбургская пограничная линия, и начался процесс интенсивной интеграции Башкирии в состав Российского государства. Он в свою очередь вызвал крупнейшее башкирское восстание, для подавления которого сил ландмилиции не хватало, в Башкирию были направлены армейские драгунские полки.

В 1731–1739 гг. все полки Закамской ландмилиции несли службу на Закамской и Новой Закамской линиях. В 1739 г. Алексеевский пехотный ландмилицкий полк был переведен на Оренбургскую пограничную линию, драгунские были переселены на нее в 1744 г. Все полки Закамской ландмилиции при-

няли участь в подавленні башкирського повстання 1735–1740 гг.

К 70-м рокам XVIII в. ландмилиція висчерпала свої можливості, рівень її бойової підготовки виявився невисоким. Починається процес її трансформації. Він проходив в цілому по шляху переведення ландмилиції в армійські полки. В такому напрямку еволюціонували Українська (1770 г.) і Смоленська (1775 г.) ландмилиції. 16 січня 1769 г. Алексєєвський піхотний ландмилиційський полк також був переведений в число армійських полків, просуществовавши до 1918 г. як 31-й піхотний Алексєєвський (з 1784 до 1913 г. коли він знову став Алексєєвським) полк. Далішня судба чотирьох драгунських полків Закамської і Сибірської ландмилиції протікала в іншому напрямку.

Воєнна колегія просила доповіддю від 2 серпня 1771 г., дозволити додати в Оренбурзьку губернію ще п'ять гарнізонних батальйонів і сформувати три легкі полевих команди (6-ю, 7-ю, 8-ю) складені з всіх родів зброї: піхоти, артилерії і кавалерії. 31 серпня 1771 г. Шешминський, Сергєєвський, Білярський і Сибірський драгунські ландмилиційські полки за указом Катерини II були перетворені на формування легких полевих команд і гарнізон-

них батальйонів. Таким чином, для захисту Оренбурзької губернії призначалося: 10 гарнізонних батальйонів в 8040 осіб і три легкі полевих команди в 1623 осіб, всього 9663 осіб. Почавшись Крестьянська війна 1773–1775 гг. під керівництвом Е. І. Пугачєва застала цей процес переформування завершеним, але легкі полевих команди не були навчені і повністю забезпечені. Тому в ході Крестьянської війни вони понесли великі втрати. Частина драгун Закамської ландмилиції була записана в склад Оренбурзького казачього війська (поселки Озерний, Кочердыкський, Луговой, Крутоярський, станиця Усть-Уйська, фортеця Троїцьк і др.). 22 лютого 1775 г. легкі полевих команди були скасовані, з них мушкетерських рот були сформовані полевих батальйони, а з драгун сформований армійський Сибірський драгунський полк.

Наявність кордону на південно-сході Росії, в відмінність від України і Смоленська, привело до того, що з-за постійної потреби посилення Оренбурзької прикордонної лінії більша частина драгун Закамської і Сибірської ландмилиції поповнила гарнізонні батальйони і увійшла в склад формуючогося Оренбурзького казачього війська.

А. В. Скиданова (Харків)

ВІД СИСТЕМИ ВІДКУПІВ ДО КАЗЕНОЇ МОНОПОЛІЇ: РОЗВИТОК ТОРГІВЛІ СПИРТНИМИ НАПОЯМИ У ХАРКІВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ У XIX СТ.

Дослідження розвитку торгівлі спиртними напоями є важливим елементом вивчення історії підприємництва, державної економічної політики, повсякденності пересічних споживачів.

На Слобожанщині торгівля горілчаними виробами здавна належала до сфери найбільш прибуткових і поширених занять козаків, а згодом казенних обивателів. Така ситуація стала можливою внаслідок існування на території регіону привілею на вільне винокуріння. В процесі інкорпорації Слобідських полків до державно-економічної системи Російської імперії ці пільги були зведені нанівель. У 1783 р. в містах Слобідсько-Української губернії усі заклади з продажу алкогольних напоїв (окрім винних погребів) були переведені до казенної власності, управління котрою мало здійснюватися за системою відкupu через приватних осіб (відкупщиків). У сільській місцевості торгівля спиртними напоями залишалася вільною, проте, будучи обкладеною акцизом, часто віддавалася на управління відкупщикам. Протягом існування системи відкupu, до початку 60-х років XIX ст., чисельність закладів з продажу горілчаних виробів визначалася місцевими органами державної влади, у зв'язку з чим розширення їхньої мережі було незначним. З відкупним утриманням торгівлі спиртними напоями споживачі отримали практично повсюдне довільне завищення цін і зниження якості товарів. Підприємці ж в умовах утвердження монополії на відкуп за обмеженою групою осіб втратили прибуткове заняття.

З 1863 р. горілчані відкupi припинили існування, торгівля спиртними напоями стала предметом вільного промислу. Реформа галузі спричинила сплеск та наступне швидке збільшення кількості закладів з продажу спиртних напоїв. Разом із цим колосальним зростанням поза державним контролем знову залишилися ціни і загальна якість продукції.

У зв'язку зі значним підвищенням із 1870 р. тарифів на патенти кількість основних закладів з продажу горілки (пітейні доми, шинки, корчми) зменшилася практично втричі. За іншими закладами, зокрема винними погребами, залишилися сталі тенденції розвитку.

На початку 90-х рр. XIX ст. у Російській імперії розпочинається підготовка до запровадження казенної горілчаної монополії. У передчутті неминучості реформи на території Харківської губернії свою справу закриває низка підприємців. Рішення щодо розповсюдження державної монополії на губернію було прийняте 19 лютого 1896 р., набувши чинності з 1898 р. За два роки підготовки до реформи кількість приватних закладів зазнала ще більш інтенсивного скорочення. У 1898 р. структура торгівлі спиртними напоями в Харківській губернії повністю змінилася: на зміну приватним закладам і горілчанам крамницям були запроваджені у значно меншій кількості казенні аналоги. З метою охорони інтересів казни приватна торгівля будь-якими алкогольними напоями була підпорядкована складним правилам отримання дозволу, а умови реалізації популярних напоїв поза державними

зкладами стали не вигідними. Тому з 1898 р. відбулося також і загальне скорочення мережі закладів торгівлі алкогольними напоями. На тлі цих змін стрімко зросла чисельність відносно легкодоступних пивних і портерних крамниць.

Таким чином, протягом ХІХ ст. торгівля спиртними напоями на території Харківської губернії була оста-

точно підпорядкована загальноросійським правилам, пройшовши шлях від системи відкупного управління до казенної горілчаної монополії. Зміни правових умов функціонування галузі обумовили нерівномірний розвиток торгової мережі та позначилися на тривалому існуванні проблем із низькою якістю та завищеною ціною на популярні спиртні напої.

В. В. Склокін (Харків)

СОЦІАЛЬНІ ПЕРЕТВОРЕННЯ В МІСТАХ СЛОБІДСЬКОЇ УКРАЇНИ (80–90-ті рр. ХVІІІ ст.)

Інтеграційні та модернізаційні перетворення, що здійснювались урядом Катерини ІІ в Слобідській Україні у 60–90-ті рр. ХVІІІ ст., радикальним чином вплинули на соціальну структуру населення регіону. Ключовою подією першого етапу цих перетворень стало скасування козацького стану у 1765 р. й утворення з колишніх козаків-компанійців і підпомічників соціальної категорії військових обивателів, а також виокремлення колишньої козацької старшини та її інтеграція до загальноімперського дворянства. У 70–90-ті рр. ХVІІІ ст. соціальні перетворення в регіоні відбувались у двох основних напрямках: з одного боку — це поступове обмеження прав підданих селян, а з іншого — модифікація соціальної структури населення міст, спричинена реформами в адміністративній сфері та військовими потребами петербурзького уряду.

Мета цієї доповіді — простежити основні напрямки соціальних перетворень в містах Слобідської України у 80–90-х рр. ХVІІІ ст. Основна увага буде приділена процесам соціальної мобільності, зокрема формуванню у регіоні соціальних категорій купецтва та міщанства.

Соціальні перетворення, що відбувались у слобідських містах у 80–90-ті рр. ХVІІІ ст. були спричинені насамперед інституціональною інтеграцією регіону до складу Російської імперії, а також військовими потребами та геополітичними інтересами петербурзького уряду. Найважливіше значення мало формування соціальних категорій купецтва та міщанства, котре стало одним з наслідків поширення на Слобідську Україну дії Губернської реформи 1775 р. Формування купецтва та міщанства не було наперед сплановано ані петербурзьким урядом, ані слобідською губернською владою й, відповідно, відбувалось вкрай суперечливо та супроводжувалось численними конфліктними ситуаціями. З іншого боку, утворення в регіоні категорій купецтва та міщанства відкрило формальні можливості для переселення у слобідські міста представників російського та інших етносів, що стало важливим чинником для пожвавлення урбанізаційних процесів.

Загальним наслідком перетворень 80–90-х рр. ХVІІІ ст. стало насамперед посилення фрагментованості суспільства та різке зростання кількості соціаль-

них конфліктів. У даному разі видається перспективним застосувати до Слобідської України останніх десятиріч ХVІІІ ст. концепцію «суспільства залишкових верств» (sedimentary society), розроблену Альфредом Рібєром. На думку А. Рібєра, найбільш характерною рисою суспільства Російської імперії ХVІІІ—початку ХХ ст. була значна фрагментованість або атомізованість, що проявлялось в існуванні великої кількості окремих соціальних груп та субкультур, дуже слабо пов'язаних між собою. Саме ця фрагментованість стала причиною того, що в імперії Романових так і не сформувались повноцінні стани, а згодом і класи, й не розвинулось громадянське суспільство. Така ситуація була викликана у значній мірі тим, що російські монархи, починаючи від Петра І, активно втручались у процес формування соціальних груп і намагались спрямувати його у потрібному державі напрямку. Проте, намагаючись запровадити нову систему соціальної стратифікації, вони зазвичай частково зберігали соціальні умови та структури, що існували перед тим. У результаті формувалось складне ієрархічне суспільство, яке складалось з елементів хронологічно різних соціальних систем. Катерина ІІ, намагаючись створити корпоративне міське суспільство, яке б ґрунтувалось на нових принципах соціальної стратифікації, зберегла проте важливі елементи системи «служилих станів» Петра І, наприклад, соціальну категорію «посадських». У Слобідській Україні нові елементи загальноімперської соціальної системи (купецтво, міщанство тощо) накладались на відмінне правове поле та окремі елементи попередньої соціальної системи (військові обивателі та колишня козацька старшина), що створювало передумови для виникнення численних суперечностей та конфліктів, про які йшлося вище. Таким чином, одним з наслідків скасування автономії слобідських полків у 1765 р. і реформаторської діяльності петербурзького уряду у наступні десятиріччя стало формування у Слобідській Україні суспільства, в якому співіснували елементи різних соціальних систем і для якого характерними були значна фрагментованість та високий рівень соціальної напруги. Соціальні реформи 60–80-х рр. ХVІІІ ст. мали довготривалі наслідки й зазначені тенденції залишались визначальними для розвитку слобідського суспільства також й у перші десятиріччя ХІХ ст.

В. Л. Цубенко (Одеса)

ДО ПИТАННЯ ПРО МАЙНОВЕ РОЗШАРУВАННЯ ВІЙСЬКОВИХ ПОСЕЛЕНЦІВ УКРАЇНСЬКОГО (ХАРКІВСЬКОГО) ВІЙСЬКОВОГО ПОСЕЛЕННЯ КАВАЛЕРІЇ (1817–1857)

Аналізуючи стан наукової розробки проблеми, якій присвячена наша публікація, можна констатувати, що вона належить до малодосліджених і ніколи не була предметом спеціального розгляду. Автор поставив за мету через аналіз архівних джерел та спеціальної літератури розкрити майнове становище військових поселенців, зокрема, соціальний склад інвалідів на території Українського (Харківського) військового поселення кавалерії у першій половині XIX ст. Сам по собі термін «військові поселенці» включає низку категорій жителів округів поселення, які відрізнялися своїм майновим становищем і соціальними функціями. До категорії «інвалід» у військовому поселенні належали військовослужбовці — нижчі чини, звільнені з військової служби діючих і резервних ескадронів, за вислугу в календарному обчисленні 20 років і військові поселенці-господарі. При поселених ескадронах кавалерійського полку функціонували команди служилих і неслужилих інвалідів.

Категорія «інвалід» у військовому поселенні, залежно від фізичного стану чоловіка мала три розряди: 1) інваліди-господарі — особи, які займалися господарством; 2) інваліди-помічники — особи з хронічними, повільно прогресуючими захворюваннями, вони допомагали в сільськогосподарських роботах, займалися ремеслами; 3) інваліди-каліки (непрацездатні) — особи, за якими потрібен був особливий догляд.

Інваліди 1-го і 2-го розрядів називалися служилими інвалідами, а 3-го — неслужилими інвалідами. Виявлені джерела дозволяють прослідкувати співвідношення чисельності військових поселенців служилих і неслужилих інвалідів лише за окремі роки. У 8 кавалерійських округах Українського (Харківського) військового поселення у 1847 р. кількість служилих інвалідів становила 1905 (38,1 %), з них у 1–4-х округах — 952 (49,9 %), у 5–8-х округах — 953 (50,1 %), а неслужилих інвалідів — 3096 (61,9 %), з них у 1–4-х округах — 1015 (32,8 %), у 5–8-х округах — 2081 (67,2 %). У 1856 р. — кількість неслужилих інвалідів становила 4560, з них

у 1–4-х округах — 2099 (46 %), у 5–8-х округах — 2461 (54 %), переважна кількість була у 6-му окрузі 17,2 %, найменша у 2-му окрузі — 7 %. Ці показники свідчать про нерівномірний соціальний склад інвалідів в округах військових поселень кавалерії. Так, в Українському (Харківському) військовому поселенні кавалерії кількість неслужилих інвалідів з 1847 р. до 1856 р. збільшилася на 1464, з них у 1–4-х округах — 1084 (74 %), у 5–8-х округах — 380 (26 %), всього на 1464 чоловіки. Інвалідів усіх розрядів відносно військової служби поділяли на «заслужених» і «незаслужених».

Управління інвалідами покладалося безпосередньо на командира поселених ескадронів і офіцерів. Командир поселених ескадронів відповідно до своїх завдань зобов'язаний був піклуватися, щоб інваліди користувалися своїми пільгами; відповідав за їх обмундирування, оглядав його, щоб у разі збору полку або поселених ескадронів воно було в належному вигляді; у неврожайні роки розподіляв та видавав з дозволу начальства державний провіант інвалідам-господарям.

Таким чином, упродовж створення та функціонування Українського (Харківського) військового поселення кавалерії з 1817 р. до 1857 р. були ухвалені нормативно-правові акти, що стали основою законодавчої бази системи соціального захисту військово-службовців. При поселених ескадронах кавалерійського полку функціонували команди служилих і неслужилих інвалідів. Співвідношення чисельності військових поселенців служилих і неслужилих інвалідів свідчить про нерівномірний соціальний склад інвалідів в округах військових поселень кавалерії. В Українському (Харківському) військовому поселенні кількість неслужилих інвалідів перевищувала кількість служилих інвалідів (61,9 % і 38,1 % відповідно). Військові поселенці «інваліди» отримували від держави матеріальне, продовольче та інші види забезпечення.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА международной научной конференции

«Проблемы истории и археологии Украины» 5

КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

<i>Берестнев С. В. (Харьков)</i> . Мифология и культовая архитектура (к проблеме происхождения курганов).....	12
<i>Бровендер Ю. М. (Алчевск)</i> . О характере и масштабах производственной деятельности на Картамышском горно-металлургическом комплексе эпохи бронзы.....	13
<i>Буйнов Ю. В. (Харьков)</i> . Межэтнические коммуникации бондарихинских племен	13
<i>Завгородняя О. Н. (Алчевск)</i> . Каменные орудия труда поселения Червоное озеро–1 Картамышского археологического микрорайона, из раскопок 2007 г. (по данным трасологических исследований).....	14
<i>Кислий О. Є. (Симферополь)</i> . Археологічні джерела періоду впровадження відтворюючого господарства і дослідження гендерних відносин у суспільстві.....	15
<i>Ключнева И. Н., Корниевский Д. В. (Луганск)</i> . Катакомбные погребения с трепанированными черепами с. Новозвановка Попаснянского района Луганской обл.....	16
<i>Куштан Д. П. (Черкассы)</i> . Малобудковско-бондарихинская керамика с поселений эпохи поздней бронзы Черкасского Поднепровья	17
<i>Литвиненко Р. О. (Донецк)</i> . Інгульська катакомбна спадщина: дві лінії розвитку.....	17
<i>Ромашко В. А., Тесленко Д. Л. (Днепропетровск)</i> . Квитянский комплекс поселения Лобойковка 1	18
<i>Сніжко І. А. (Харків)</i> . Матеріали М. В. Сибільова в фондах Харківського історичного музею.....	19
<i>Стратонова А. О. (Одеса)</i> . Пізній мезоліт Північно-Західного Причорномор'я: проблема дослідження взаємозв'язку людини і моря.....	20

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>Бабенко Л. І. (Харків)</i> . Курганний могильник V ст. до н. е. біля с. Протопопівка Дергачівського району на Харківщині	22
<i>Белоусов В. В. (Воронеж)</i> . Вооружение и военное дело сарматов: историография вопроса и перспективы регионального подхода его изучения	23
<i>Бойко Ю. Н. (Винница)</i> . О функциональном назначении некоторых майданообразных сооружений украинской Лесостепи.....	23
<i>Вальчак С. Б. (Москва)</i> . Состав комплексов с наборами тягловой упряжи, появление и исчезновение предскифских колесниц	24
<i>Ворошилов А. Н. (Воронеж)</i> . О появлении ранних скифов в лесостепном Подонье	25
<i>Гавриш П. Я. (Полтава)</i> . Топографія оборонних споруд Більського городища	25
<i>Гречко Д. С. (Киев)</i> . Металлические булавки Днепро-Донской Лесостепи скифского времени.....	26
<i>Задніков С. А. (Харків)</i> . Антична кераміка другої половини VII ст. до н. е. з розкопок на Більському городищі.....	27
<i>Каравайко Д. В., Кирилук О. П. (Киев)</i> . О рыболовстве у населения юхновской культуры	28
<i>Кашуба М. Т. (Кишинэу, Молдова)</i> . О восточных (северопричерноморских) памятниках и импортах культурного комплекса Басарабь, VIII—начало VII вв. до н. э.	29
<i>Лобко А. Г., Снытко И. А. (Николаев)</i> . Поминальная площадка II века до н. э. на восточной окраине г. Николаев	29
<i>Медведев А. П. (Воронеж)</i> . Золотой орел из сарматского погребения у г. Липецка	30
<i>Мирошникова О. М. (Воронеж)</i> . Сосуды из погребений предскифского периода лесостепного Подонья.....	31
<i>Могилов А. Д. (Киев)</i> . О дополнительных средствах управления конем в скифское время.....	32
<i>Пеляшенко К. Ю. (Харьков)</i> . Лепная посуда скифского времени из погребений Днепровской Левобережной Лесостепи	32
<i>Попандопуло З. Х. (Запорожье)</i> . Грунтовый могильник эпохи раннего железа из Нижнего Поднепровья.....	33

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

<i>Буйских С. Б. (Киев)</i> . Греческая колониальная хора в Нижнем Побужье	35
<i>Былькова В. П. (Херсон)</i> . Находки монет на Белозерском поселении дальней хоры Ольвии	36
<i>Зубарь В. М. (Киев)</i> . Исследователи Херсонеса: В. В. Борисова	36
<i>Капустина Е. П. (Воронеж)</i> . Боспорская керамика с зооморфными ручками: определение и интерпретация образов животных.....	37
<i>Колесников К. Н. (Днепропетровск)</i> . Митні відносини в Північному Причорномор'ї римської доби: складності моделювання	38
<i>Курганская Е. Ю. (Николаев)</i> . Современные проблемы и перспективы охраны памятников сельской округи Ольвии	39
<i>Немицев С. О. (Херсон)</i> . Статистико-комбинаторный анализ как основа типологии и хронологии амфор Гераклеи Понтийской	39

Новичихин А. М. (Анапа). Херсонесский керамический импорт на хоре Горгииппии	40
Ручинская О. А. (Харьков). Благотворительность и литургии в античных городах Северного Причерноморья	40
Рябцева М. Л. (Белгород). К вопросу о варваризации социальной сферы позднеантичного Боспора	41
Сапрыкин С. Ю. (Москва). Федосеев Н. Ф. (Керчь). Новая надпись царицы Пифодориды из Пантикапея	42
Селиванова Л. Л. (Москва). Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки?	43
Снытко И. А., Николаев Н. И. (Николаев). О культе Аполлона на хоре Ольвии	44
Строков А. А. (Воронеж). Пряжки гуннской эпохи в некрополе Фанагории	44
Хромова В. О. (Одеса). Комплекс сіроглиняної гончарної кераміки нижнього Подністров'я VI—IV ст. до н. е. — загальний огляд	45
Шепко Л. Г. (Донецк). Терракотовая фигура с мечом из Заветного	46

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

Акимов А. Б. (Харьков). Об участии ветеранов в формировании муниципальной администрации римской Дакии	48
Бандровский О. Г. (Львів). Зміна пріоритетів, принципів та методів зовнішньої політики Римської імперії в добу правління Октавіана Августа (латино- та грекомовна історичні традиції)	49
Беликов А. П. (Ставрополь). Иллирийские войны Октавиана и их отдаленные последствия	49
Дементьева В. В. (Ярославль). QUAESTORES PARRICIDII архаического Рима: время возникновения должности	50
Дробилко Т. А. (Харьков). Влияние греческих и восточных традиций на кулинарные и застольные обычаи римлян в III—I вв. до н. э.	51
Зелинский А. Л. (Киев). Terminus postquem для восстания Александра Коринфского	52
Ильина О. М. (Харьков). Культ Великой Матери богов Кибелы в ионийских полисах Западного Понта в римский период	52
Казаров С. С. (Ростов-на-Дону). Захват кампанцами Регия (об одном малоизвестном эпизоде времен Пирровой войны)	53
Картюк С. Г. (Москва). Афинские писцы	53
Квашин В. А. (Вологда). К вопросу о характере «средней» Республики в Древнем Риме	54
Конорева О. М. (Белгород). К вопросу о некоторых женских культах и праздниках в Древнем Риме	55
Литовченко Е. В. (Белгород). Особенности статусной и этнической самоидентификации позднеримских интеллектуалов	56
Литовченко С. Д. (Харьков). Великая Армения во время третьей войны Рима с Митридатом VI	56
Монева С. (Велико Тырново, Болгария). Ареопаг и афинская демократия	57
Нефедов К. Ю. (Харьков). О зарождении культа правителя в Македонии: Филипп II и Геракл	58
Петречко О. М. (Дрогобич). Принципат та інститут римського громадянства	59
Сергеев И. П. (Харьков). Представления императоров Галлиена и Аврелиана о путях вывода Римской империи из политического кризиса: опыт сравнительной характеристики	60
Симолян В. Р. (Ставрополь). Внешняя торговля Италии во II в. до н. э.	60
Токарев А. Н. (Харьков). Политика Октавиана в 44 г. до н. э. и образ «нового Цезаря»	61
Филиппов А. М. (Харьков). Гегемонизм и анτισпартанская оппозиция в Древней Греции в 395–386 гг. до н. э.	62
Чередниченко А. Г. (Белгород). К проблеме балтийско-палеобалканских этнических связей	62

ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

В УНИВЕРСИТЕТАХ УКРАИНЫ И РОССИИ (XIX—ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВВ.)

Болгов Н. Н., Сбитнева Ю. Н. (Белгород). Н. П. Кондаков как университетский преподаватель	64
Домановский А. Н. (Харків). Отечественная византистика и славяноведение в историографическом наследии В. П. Бузескула (по малоизвестным архивным материалам)	65
Домановська М. Є. (Харків). П. В. Безобразов як рецензент (до 90-річчя з дня смерті)	65
Кравченко И. С. (Харьков). О вкладе И. В. Нетушила в изучение истории раннего Рима	66
Ляпустина Е. В. (Москва). О работе над проектом «Разработка и создание компьютерной базы данных «Публикации журнала «Вестник древней истории» за 70 лет»	67
Мартемьянова Н. С., Мартемьянов А. П. (Харьков). Практические занятия по изучению древних языков и истории Древнего мира как элемент профессиональной подготовки студентов Харьковского университета в конце XIX—начале XX вв.	67
Самойленко О. Г. (Ніжин). Вивчення античної та середньовічної історії в Ніжинському історико-філологічному інституті (остання чверть XIX—початок XX ст.)	68
Туйкина И. В. (Санкт-Петербург). «...Плод 50-летнего научного труда» (к переизданию последней монографии В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века»)	69
Чередниченко А. М. (Київ). Неопублікована стаття В. П. Бузескула	70

СЛАВЯНЕ И КОЧЕВНИКИ

Аксенов В. С. (Харьков). Личные украшения как показатель этнокультурных контактов салтовского населения бассейна Северского Донца (на материалах Нетайловского грунтового могильника).....	71
Голубева И. В. (Харьков). Новые археологические исследования в историческом центре Харькова.....	72
Грибовський В. В. (Дніпропетровськ). Землеробство у господарській системі причорноморських ногайців XVI–XVIII століть.....	72
Зиньковская И. В. (Воронеж). Керамический комплекс раннегуннского времени Животинного городища.....	73
Івакін В. Г. (Київ). Дружинні поховальні старожитності Києва кінця IX–X ст.:с проба релігійної інтерпретації.....	74
Квитковский В. И. (Харьков). Отопительные устройства жилищ салтовской лесостепи (по материалам Северского Донца).....	74
Колода В. В. (Харьков). Археологический комплекс Коробовы Хутора: основные итоги исследований.....	75
Костоправов Р. О. (Владимир). Кочевые народы в истории Северо-Восточной Руси в домонгольский период (по материалам топонимики и народных преданий).....	76
Крыжанов А. В. (Харьков). К вопросу классификации фортификационных пунктов хазарского времени Днепро-Волжского междуречья.....	77
Мызгин К. В. (Харьков). Находки «варварских» подражаний римским монетам на территории украинской лесостепи и Молдовы.....	78
Скирда В. В., Скирда І. М. (Харків). Спроби етнічного визначення археологічного матеріалу на XII Археологічному з'їзді.....	78
Тараненко С. П. (Київ). Основні типи споруд масової забудови Подолу Києва X–першої половини XIII ст.....	79
Хоружая М. В. (Харьков). «Рогатые» пряжки салтовского населения бассейна Северского Донца.....	80
Шрамко І. Б. (Харків). Нове поселення XIV століття в басейні Сіверського Донця.....	81
Шульцце Э. (Берлин), Любичев М. (Харьков). Керамика черняховской культуры из участка «В» поселения Войтенки 1 (по раскопкам 2004–2006 годов).....	81

ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Алексеевко Н. А. (Севастополь). Новые императорские моливдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров).....	83
Бардола К. Ю. (Харьков). Фискальная и регулирующая функции византийского налогообложения.....	84
Дьячков С. В. (Харьков). Площадка для метательной машины генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.).....	84
Кузь А. І. (Чернівці). Італійські найманці на службі в Тані (1431–1433 рр.).....	85
Майко В. В. (Симферополь). Археологическое изучение посада раннесредневековой Сутдеи.....	86
Мудеревич В. І. (Чернівці). Хрестоносний рух на Близький Схід в згадках давньоруських літописів.....	87
Назарова Т. А. (Київ). Антропологический состав населения средневекового Херсона.....	87
Смирницких Т. В., Болгов Н. Н., Будаева Н. С. (Белгород). Проституция в Ранней Византии.....	88
Сорочан С. Б. (Харьков). О результатах работы экспедиции Харьковского университета в «цитадели» Херсона в 1996–2007 гг.....	89
Фомин М. В. (Харьков). О происхождении Афонского погребального обряда.....	90
Чореф М. М. (Бахчисарай). К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в.....	90

ИСТОРИЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА И СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

Боброва М. И., Каплин А. Д. (Харьков). Е. И. Станевич и Слобожанщина.....	92
Гавриш Р. Л. (Полтава). Земське самоврядування і розвиток шкільництва на Слобожанщині.....	93
Гирич Я. М. (Київ). Містобудування та урбанізація Харкова в 50–60-х рр. XX століття.....	93
Дьякова О. В. (Харків). Зміни у топонімії Харкова під час гітлерівської окупації.....	94
Желтобородов А. Н. (Харьков). О формировании офицерского корпуса Слободских гусарских полков в 1765–1766 гг.....	95
Каковкина О. Н. (Днепропетровск). Родина большая и малая графини П. С. Уваровой.....	96
Козак О. В. (Полтава), Куделко С. М. (Харьков). Дом академика В. П. Бузескула в Харькове.....	97
Мищук С. М. (Житомир). Внесок вчених Харкова у дослідження рукописно-книжкових пам'яток України наприкінці XIX–на початку XX ст.....	97
Рахимов Р. Н. (Уфа). Закамская ландмилиция (1731–1771 гг.).....	98
Скиданова А. В. (Харків). Від системи відкупів до казенної монополії: розвиток торгівлі спиртними напоями у Харківській губернії у XIX ст.....	99
Склокін В. В. (Харків). Соціальні перетворення в містах Слобідської України (80–90-ті рр. XVIII ст.).....	100
Цубенко В. Л. (Одеса). До питання про майнове розшарування військових поселенців Українського (Харківського) військового поселення кавалерії (1817–1857).....	101